МОИ

КОРОЛЕВЫ

РАНЕВСКАЯ, ЗЕЛЁНАЯ, ПЕЛЬТЦЕР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Говорят, призвание смешить и не быть посмешищем дано единицам. Фаина Раневская, Рина Зелёная, Татьяна Пельтцер умели вызывать и добрые улыбки, и заливистый смех. А могли заставить и надолго замолчать в раздумьях… Образы, сыгранные этими блистательными комедийными актрисами, всегда будут вызывать восхищение. Фразы из фильмов, которые они придумывали прямо на съемочной площадке, становились крылатыми.

Гениальная Фаина Раневская превратила в театрализованную трагикомедию даже собственную жизнь. Неповторимую Рину Зелёную помнят и любят по ролям черепахи Тортиллы в «Приключениях Буратино», миссис Хадсон в «Шерлоке Холмсе» и огромному количеству эпизодических, но запоминающихся ролей. Неувядающая Татьяна Пельтцер называла себя «счастливой старухой». В этом была ее жизненная правда: в семьдесят пять, играя самых разных старушек, она прыгала с забора, танцевала на кровле дома, каталась на крыше троллейбуса.

Их творческие биографии известны вроде бы вдоль и поперек. Тем ценнее для читателя будут наблюдения современника этих великих актрис, Глеба Скороходова, лично знавшего каждую.

- Глеб Скороходов
  - Фаина Раневская. Королева комедий рассказывает…
    - Предисловие
    - Право гения
    - «Кинопанорама» и другие
    - Поет Эдит Пиаф
    - Первая встреча с Роммом
    - Антипырьин
    - Не только актриса
    - «С досадой!»
    - Прогулка по Кремлю
    - «Роман» Эдварда Шелдона
    - Мумия по просьбе
    - Как оскопили человека
    - Так какая же у нее судьба?
    - Театр на краю Москвы
    - Дом с бельэтажем
    - Мадам Собакевич предлагает
    - Связь времен
    - От смешного до трагического

- «Страшны не деньги, а безденежье!»
- Из другой оперы
- Орлова на Дорхимзаводе
- Гости из Парижа
- Короткие истории
- В цирке на Цветном
- День рождения в «Кемери»
- Листки из дневника
- Такой разный Пушкин
- В обществе
- Сэвидж со стенда Шанель
- «Как грустно, когда они улетают!..»
- О пользе псевдонимов
- Артист умирает дважды
- Родные пенаты
- Подарки от Раневской

- Рина Зелёная. Из породы клоунесс
- Татьяна Пельтцер. Не только комическая старуха

Глеб Скороходов
Мои королевы: Раневская, Зелёная, Пельтцер

Фаина Раневская. Королева комедий рассказывает…

Предисловие

Автор хотел бы предуведомить любезных читателей, что книга, которую вы открыли, хотя по форме и похожа на дневник, дневником ни в коем случае не является. Автор фиксировал свои впечатления, рассказы героини книги и диалоги с ней от случая к случаю. И делал это на протяжении пяти лет. Одно, без сомнения, объединяет все рассказанное в книге, – она посвящена актрисе, которую те, кто видел, забыть не смогут. Актрисе, о которой при ее жизни слагались легенды, а после ее смерти ей и по сей день приписывают все новые и новые изречения, будто она не играла в кино и театре, а сидела где-то в капище и всю жизнь, как пифия, изрекала мудрые мысли и предсказания.

И не только. Об этой актрисе уже сложили и продолжают слагать десятки анекдотов, якобы случившихся с ней. Очевидно, ее характер, образ мыслей, восприятие окружающего дают повод для такого мифотворчества. И если она не стала фольклорным персонажем вроде Василия Ивановича Чапаева, то, думаю, оттого, что ее собственное творчество оказывается сильнее мифа.

Это актриса на все времена – Фаина Григорьевна Раневская.

Она действительно была человек необычный. Необычность ее начинается с имени-отчества. В ее паспорте значилось: «Файна Григорьевна Раневская», но в жизни ее чаще всего называли Фаиной Георгиевной Раневской. И устно, и письменно.

– Почему? – спросил я.

– Может, мне хотят польстить? Ведь Гришка – Отрепьев, а Георгий – Победоносец!

В книге Раневская почти всегда действует под инициалами «Ф. Г.»

Право гения

Актерская психология мне представляется загадкой. Во всяком случае, объяснить ее, исходя из нормальной, повседневной логики, зачастую невозможно.

Ф. Г. вспомнила, как однажды пришла на обед к Качалову. Его дома еще не было – задержался на репетиции, – Раневскую встретила его жена. Через полчаса звонок. Входит Василий Иванович.

– Очень хорошо, что пришла, – говорит он Раневской. – Голодная? Сейчас же садимся.

Качалов поправил пенсне, подошел к буфету и налил себе рюмку.

– Ну-с, очень хорошо, хорошо.

– Вася, у тебя что-нибудь случилось? – тревожно спросила жена.

– Нет, Ниночка, ничего, все очень хорошо.

– Что хорошо?

– Сегодня Владимир Иванович Немирович-Данченко отказал мне от роли Вершинина – и это очень правильно.

– Как?! Ты не будешь играть Вершинина? Как это можно?! А будет играть Болдуман – он моложе меня.

– Ну что ты, Ниночка, – Василий Иванович протер пенсне, – все очень правильно. Вершинин молод, а я уже не то. Ну, разве можно в меня влюбиться? – он надел пенсне. – Ну, посмотри?

Талант – это неуверенность в себе и мучительное недовольство собой и своими недостатками, чего я никогда не встречала у посредственности

– Но ты же мечтал играть эту роль. Я буду звонить, я это так не оставлю, – нервничала жена.

– Ничего не надо делать, Ниночка. Пойми, все правильно: в новом спектакле Вершинина будет играть Болдуман – он моложе меня, в него можно влюбиться. Все правильно, Ниночка.

А однажды Ф. Г. в случайном разговоре вдруг сказала мне о

«праве гения», которым она, к сожалению, не обладает, ибо к лику гениальных причислить себя не может.

– Свинство не позволяет, – пояснила она.

– Право гения на что? – не понял я.

– Изумительное право не играть, если актер этого не может, – улыбнулась она.

Ф. Г. рассказала, как однажды Федор Иванович Шаляпин вышел уже в гриме на сцену в опере «Вражья сила» Серова. Отзвучал оркестр – певец молчит. Дирижер повторил вступление еще раз, затем другой… Шаляпин обвел грустными глазами зал, покачал головой и ушел со сцены.

К нему в уборную влетел владелец оперы – Зимин:

– Федор Иванович, что же это?! Аншлаг – публика вне себя!

Шаляпин посмотрел на него и тихо сказал:

– Не могу. Тоска.

И затем обратился к секретарю с распоряжением выписать Зимину чек на покрытие убытков.

– Хорошо право гения, если оно подкрепляется чековой книжкой! – улыбнулся я.

– О, в наше время это право умерло – может быть, вместе с гениями… Я не помню случая, – продолжала Ф. Г., – чтобы спектакль отменили по моей вине. Случается, что играть не хочется, – ну вот просто нет сил выйти на сцену. И нет настроения, желания общаться с партнерами. Павла Леонтьевна Вульф меня учила: в таком случае ни за что не насилуй себя, не нажимай на педали – играй спокойно – и настроение появится. Пребывай в тех обстоятельствах, в которые тебя поставила пьеса, действуй в этих обстоятельствах, нужное творческое самочувствие придет.

Василий Иванович Качалов в роли Гамлета

С Раневской я встретился в ноябре 1964 года. До этого я видел ее несколько раз.

Впервые – в 1947 году на премьере «Весны» в Зеленом театре. Премьера прошла со средним успехом: фильм показался громоздким, утомительным, а порой (например, в бутафорских опытах с солнечной энергией) и скучным. Восторг вызвали,

пожалуй, только сцены Раневской и Плятта, особенно знаменитый кульбит на лестнице, фразы Маргариты Львовны: «Я возьму с собой «Идиота», чтобы не скучать в троллейбусе!», разговор по телефону: «Скорую помощь! Помощь скорую! Кто больной? Я больной. Лев Маргаритович. Маргарит Львович».

Кстати, и этот текст придумала сама Ф. Г. Когда Александров пригласил ее сниматься в «Весне», то в сценарии Маргарите Львовне отводился один эпизод: она подавала завтрак своей знаменитой племяннике.

– Можете сделать себе роль, – сказал Александров.

Именно персонаж Раневской и оказался наиболее интересным в этом фильме. И смешным тоже. А без смеха какая комедия?!

После премьеры зрители ринулись к актерам. Меня подхватила толпа, и вдруг я увидел Раневскую. Она стояла возле машины, почти у самого парапета Москвы-реки, испуганная и чем-то обеспокоенная. Я запомнил ее глаза: они не замечали мальчишек, орущих «Муля!», а смотрели поверх толпы, словно ища спасения.

Позже я узнал (Ф. Г. рассказала об этом), что все объяснялось просто: премьера затянулась, Ф. Г. безумно проголодалась, а где-то среди зрителей затерялась ее учитель и наставник Павла Леонтьевна Вульф, с которой она собиралась ехать ужинать.

В следующий раз я увидел Раневскую лет десять – пятнадцать спустя – в радиостудии на Центральном телеграфе. Она изменилась, постарела, хотя глаза оставались такими же – большими и немного испуганными, только теперь к тому же и грустными.

Фаина Раневская и Ростислав Плятт в фильме «Весна»

Катя Дыховичная (редактор «Театра у микрофона») тогда сказала, что Раневская только что записалась в сценах из спектакля «Деревья умирают стоя». Я поздравил актрису поблагодарил ее и выразил надежду что мы все (рядом стояло несколько редакторов) скоро услышим премьеру этой записи. Ф. Г. неожиданно заплакала и сквозь слезы призналась, что недовольна собой, что она так мало сделала.

Я в то время работал на радио в отделе советской прозы и, набравшись смелости, предложил:

– Фаина Григорьевна, а не хотели бы вы записать что-либо из советских писателей?

– Отчего же, можно, – согласилась она. – Можно и из советских: важно, чтобы материал был для меня. Я ведь не чтица, я не умею читать, я могу сыграть рассказ, понимаете?

Любовь к Раневской зрителей известна. Слабый фильм 1963 года «Осторожно, бабушка!» вышел по посещаемости на первое место только потому, что в нем играла Раневская.

Дом актера устроил ее творческий вечер. Выступал Андроников – говорил хорошо, не выпуская из рук несколько листков бумаги, – и, хотя он почти не заглядывал в них, листки эти как бы свидетельствовали о серьезности речи, ее продуманности, отсутствии «юбилейного захлеба». Ираклий Луарсабович процитировал высказывание Рузвельта, посмотревшего в 1944 году «Мечту» (оно было напечатано в журнале «Лук»): «Мечта», Раневская – очень талантливо. На мой взгляд, это один из самых великих фильмов земного шара. Раневская – блестящая трагическая актриса».

На вечере в ее честь, устроенном ВТО, Раневская вышла на сцену в самом конце вечера. Актеры ей преподнесли цветы, ВТО вынесло пышную корзину.

Ф.Г. кланялась, снова выходила на аплодисменты, тихо говорила «Спасибо, спасибо» и чувствовала себя, как она рассказала позже, отвратительно.

– Терпеть не могу юбилеев и чествований. Актер сидит как истукан, а вокруг него льют елей и бьют поклоны. Это никому не нужно. Актер должен играть. Что может быть отвратительней сидящей в кресле старухи, которой курят фимиам по поводу ее подагры. Такой юбилей – триумф во славу подагры. Хороший спектакль – вот лучший юбилей.

Роль мадам Розы Скороход, хозяйки меблированных комнат в фильме «Мечта», открыла огромное трагическое начало в таланте Фаины Раневской

Ф. Г. сказала мне это в дни, когда театр настаивал (и безуспешно) на праздновании ее 70-летия.

А тогда, в ноябре шестьдесят четвертого, в редакции мне поручили готовить новогоднюю радиопередачу «Веселые страницы». Я хотел построить ее на классике: Бабель, Зощенко, Ильф и Петров и, может быть, Катаев двадцатых годов. Стал думать об исполнителях. А что, если… Ведь Раневская обещала прочитать рассказы советских писателей.

Звоню Ф. Г.

– Я ведь вам сказала, – говорила она, – что я не чтица, мне нужно играть рассказ.

– Может быть, сами что-нибудь подберете?

– Хорошо, привозите рассказы. Я посмотрю. Все может быть. Я объясняю, насколько все это важно и нужно и для радио,

и для слушателей, и для меня, что Зощенко в новогодней передаче, да еще в исполнении Раневской, украсит всю программу.

– О нет! Только не торопите меня, – сказала Ф. Г. – Я посмотрю, выберу. Если найду возможным что-либо прочитать, тогда мы уж будем говорить о записи. В общем, привезите мне рассказы.

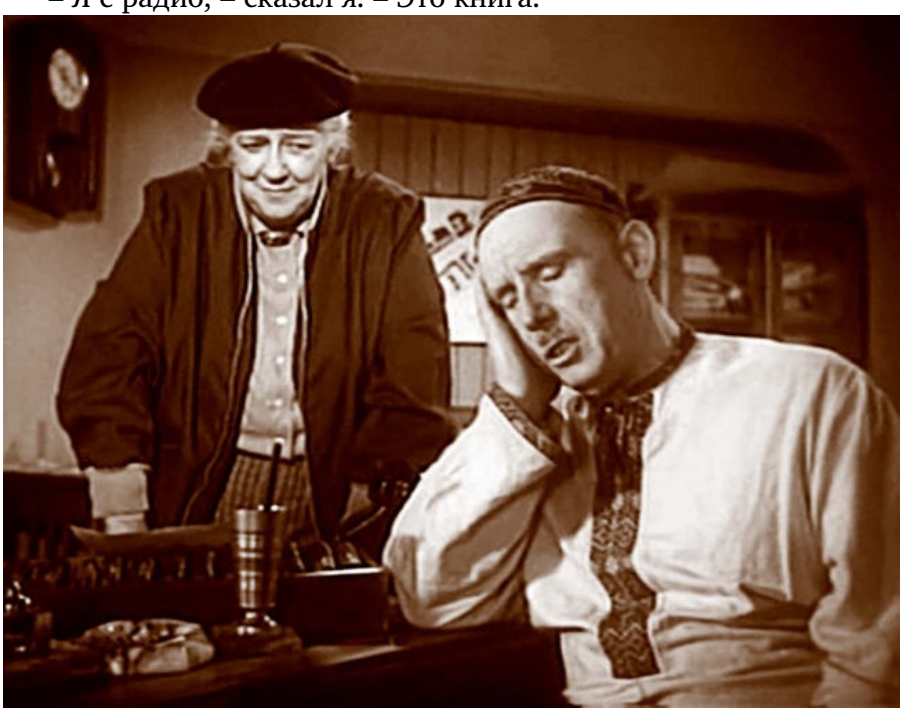
Я был рад несказанно. Товарищи по работе, в частности Катя Дыховичная, отнеслись к моей радости скептически. Катя говорила, что Раневская непременно откажется, а если и запишется, то потом может забраковать и запись, и самое себя.

– Ты не знаешь, как она относится к своей работе, – говорила Катя, – это тебе не N. N. записывать, который любой рассказ с листа читает.

На следующий же день я поехал к Ф. Г. На звонок вышла она сама – в черном до пят халате и с гардинной палкой в руках.

– Откуда вы? Что это? – удивилась она.

– Я с радио, – сказал я. – Это книга.



Кадр из фильма «Осторожно, бабушка!»

– Голубчик, как же так можно без звонка? У меня ремонт – я не могу принять вас.

– А я только привез вам рассказы. Я забежал по пути на работу – соврал я. – А то ведь времени до Нового года остается не так уж много.

– Спасибо, спасибо, – сказала Ф. Г. – Извините меня, что не могу принять вас. Позвоните мне, пожалуйста.

Я начал звонить Ф. Г. И, очевидно, очень быстро успел надоесть ей, ибо уже после второго или третьего звонка она сказала:

– Я выбрала кое-что. Если у вас есть желание и найдется время, приезжайте – я хотела бы прочитать вам, посоветоваться, подойдет ли это для вас. Когда вы сможете приехать?

– В любое удобное для вас время.

– Ну, приезжайте сегодня, сможете? – В тот же день я был у нее.

Рассматривать квартиру показалось неудобным. Стены были сплошь увешаны картинами, рисунками и фотографиями. Одно я успел заметить – нигде не фигурировала хозяйка. Простая, далеко не новая мебель – ее совсем немного: только самая необходимая или даже менее того. Но во всем чувствовался вкус и свой стиль, ненавязчивый, не бросающийся в глаза, не рассчитанный на восторг или неприятие. Запомнилось изобилие света – во всех комнатах горели все люстры, бра, настольные лампы и торшеры.

И хотя я пришел с деловым визитом, стеснение и неловкость поначалу не покидали меня. Но вот Ф. Г. заговорила, ее глаза смотрели внимательно и дружелюбно. Под этим взглядом, казалось, тысячу раз виденным с экрана, делалось легко, свободно и хотелось быть лучше.

Мы заговорили о Зощенко, его непростой судьбе, и я неожиданно для себя рассказал, как работал над главой о Михаиле Михайловиче для многотомной «Истории советской литературы», как не хватало мне живых свидетельств современников писателя.

Михаил Зощенко

– А вы не были знакомы с ним? – спросил я.

– Очень мало. Последний раз я его видела году в пятьдесят пятом. Он приехал в Москву и был в гостях у Пешковой – там, знаете, в горьковском доме на Малой Никитской. Был накрыт роскошный стол. Зощенко сидел очень печальный. Он раскланялся, и на лице его промелькнуло подобие улыбки. К еде он не притронулся.

Я не заметил, как пролетело два часа. Раневская прочла мне рассказ Зощенко «Пациентка» – о немолодой женщине, которая пришла к сельскому хирургу-фельдшеру не лечиться, а рассказать

о своих переживаниях. Читала она неторопливо, как бы примеряясь к героям, но уже сочувствуя им, живя их волнениями. Слушая Раневскую, я по-новому воспринял рассказ героини. Раневская почувствовала в ней зощенковскую боль, которую не сразу и заметишь, ту частицу его «великой грусти», которую он всегда испытывал, видя ничтожность своих героев, смеясь над ними или сострадая им.

– Вот видите, это совсем не смешно, – заметила Ф. Г. – А ведь вам нужно смешное – в Новый год люди хотят веселиться… Боюсь, что это не подойдет.

Я стал уверять, что программа вовсе не рассчитана на сплошной хохот, что в ней найдется место и лирике.

– Хорошо, – сказала она, – я еще подумаю, почитаю, посмотрю. Здесь много замечательных рассказов, но боюсь, они не для меня – я ведь не чтица. Но я посмотрю еще…

«Кинопанорама» и другие

– Сегодня, когда ехал к вам на девятнадцатом, весь троллейбус обсуждал вчерашнюю передачу Каплера (популярную в то время «Кинопанораму». – *Ред.),* – сообщил я.

– Я все хотела вас спросить, – перебила меня Ф. Г., – где вы сходите? У Яузских ворот?! Голубчик, я же просила вас – проезжайте на одну остановку дальше. Возле этих жутких трущоб нельзя и минуты находиться: не ровен час, обчистят карманы или, того хуже, пырнут ножом.

Кадр из фильма «Легкая жизнь». 1964 г.

– Ну, что вы! – засмеялся я. – Не во времена же Хитровки живем!

– А что изменилось? Когда я приехала сюда, на Котельническую, – это сорок восьмой год, кажется, – в этих жутких кварталах, спускающихся к реке, поверьте, все было как до революции. Только жителей стало вдвое больше. Мы с Павлой Леонтьевной (любимой своей учительницей и режиссером, которую она называла мамой. – *Ред.)* пошли гулять, так, увидев эту клоаку, женщину в драной ситцевой кофте – она набирала в ведро воду из колонки: там же ни водопровода, ни канализации, –

«мама» сказала мне: «Фаина, мы попали в прошлый век. Никому не говори об этом. Это в столице государства, которое тридцать лет трубит, что оно для трудящихся».

И она оказалась права: прошло еще двадцать лет, и я сама видела, как грязные дети плескались у той же самой колонки – она возле трамвайной остановки. И рядом – наш небоскреб для избранных, последнее воплощение сталинского размаха! Вы плохо представляете, каким он был, когда я въехала. Скоростные лифты, холлы с мягкой мебелью, ковры на лестницах белого мрамора, прорва обслуги. И всюду охрана – в каждом подъезде привратники и лифтеры, которые бдели круглые сутки, чтобы, не дай бог, простые трудящиеся не увидели, как живут их слуги.

Сейчас дом, конечно, поплошал – слуг народа в нем стало меньше, поразъехались в новые дома получше, а трущобы у реки все те же. Я не раз говорила Таньке Тесс (известная в те времена журналистка. – *Ред.):*

– Ну, раз ты так обожаешь контрасты, ради них мотаешься по пять раз на год то в Париж, то в Лондон, то в Ниццу, напиши об этих кварталах у Яузы – таких контрастов нигде днем с огнем не сыщешь!..

Котельническая набережная в Москве

Я предложил Ф. Г. все же пойти погулять – день отличный и

жара уже спала.

– Только не к Яузе! Туда я больше ни ногой! – предупредила Ф. Г. – Я проведу вас лучше к Таганке, к торговым рядам. Накупим там требухи, свиных ножек, наварим холодца и станем с ним у пивной на Хитровке. Эх, родись я на полвека раньше!..

Мы двинулись по маршруту, и тут Ф. Г. вдруг спросила:

– Так что вы говорили о Каплере?

Я рассказал о вчерашней «Кинопанораме», в которой Алексей Яковлевич посвятил несколько страниц несчастным судьбам детей Голливуда – Джеки Кугана, Ширли Темпл, Джуди Гарленд, которых эксплуатируют, пока они приносят доход, а потом бросают на произвол судьбы.

– Люся так и сказал? – удивилась Ф. Г.

– Ну, приблизительно. И еще об их покалеченном детстве. И фрагменты показал прекрасные!

– А о том, что и Кутан, и эта девочка Темпл стали миллионерами, он не говорил? Вот вам и Каплер, бесстрашный человек! Что делает ваше говенное телевидение с людьми! Люся чудный, добрый и умный человек. Настоящий мужчина, лихой до безрассудства. Ему же все в Ташкенте твердили: «Что ты делаешь? Ты – автор фильмов о Ленине! Оставь этот роман со Светланой. Сталин узнает – не сносить тебе головы!» А он – не знаю, так уж любил Светлану или просто пошел ва-банк, но наплевал на все знамения, и его сгноили бы в лагерях, если б «отец народов» не дал дуба.

Алексей Каплер

– Но он прекрасно ведет «Кинопанораму», – встал я на защиту Каплера, – его все любят, и если он и сказал там что-то о несчастных голливудских детях, то, по-моему, только для того, чтобы показать великолепные фрагменты из фильмов, которых мы никогда не видели!

– Он тут звонил мне, предлагал у него выступить, – Ф. Г. махнула рукой. – Только мне и лезть на телевидение! Я пыталась

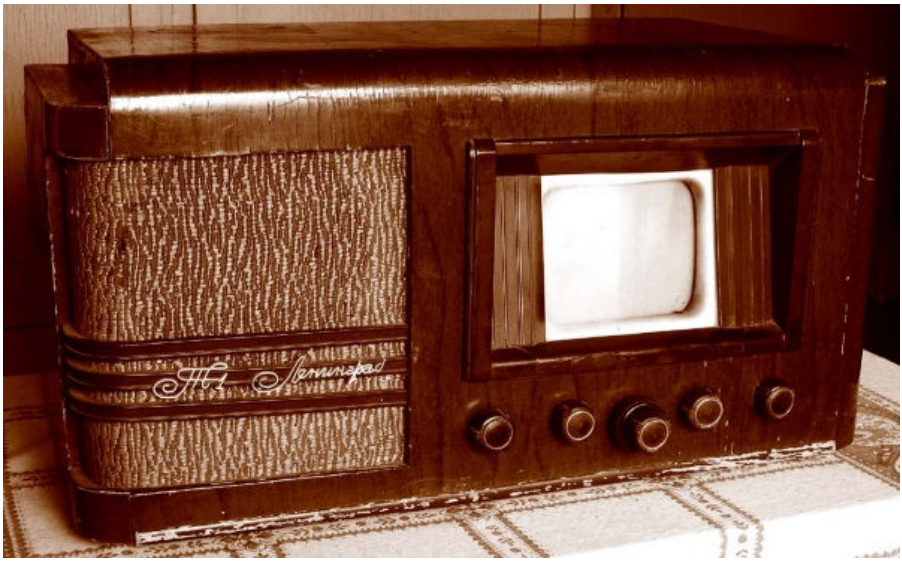
отшутиться: «Представляете – мать укладывает ребенка спать, а тут я своей мордой из телевизора: «Добрый вечер!» Ребенок на всю жизнь заикой сделается!» – «Дети, Фаиночка, в это время уже спят», – уговаривал он. – «Ну что же, тогда еще хуже, – сказала я, – жена с мужем выясняют отношения, и только он решил простить ее – тут я влезаю в их квартиру «Боже, до чего отвратительны женщины!» – понимает он, и примирение разваливается!» – «Но зрители ждут вас! – нажимал Люся. – Я получил сотни писем с просьбами пригласить вас к экрану. Вас увидят миллионы!» – «Сколько? – ужаснулась я. – Я просто умру со страху. И вы, как Раскольников, будете стоять над мертвой старухой! Нет уж, дорогой Люсенька, я скорее соглашусь станцевать Жизель, чем выступить по телевидению!»

– Вы действительно так испугались? – спросил я.

– Так или не так, какая разница! Вы опять задаете пустые вопросы! В конце концов, имею я право на кокетство если не как женщина, то хотя бы как актриса?! Между прочим, Каплер, не приняв мой отказ, пообещал отомстить мне в следующей же передаче. «И месть будет страшной!» – пригрозил он. Жаль, что я ее не увижу…

– Почему вы не любите телевидение? – спросил я.

– Наконец-то нормальный вопрос! – обрадовалась Ф. Г. – Может быть, потому, что я люблю смотреть кино. В кинозале, с людьми, на большом экране. И не приемлю эти телевизоры с изображением в коробку «Казбека», с идиотскими линзами-аквариумами. Не могу к этому привыкнуть… Впервые я увидела «аппарат дальновидения» – так он тогда назывался – в 1939 году. Мы снимали «Подкидыш» и вечером пошли в гостиницу «Москва» – там в холле стоял опытный образец чудо-аппарата. Все ахали от восторга. А я смотрела: да, чудо, актеры где-то работают, а мы их видим здесь. Чудо, но меньшее, чем то, что поразило меня в детстве, когда фокусник в цирке распилил даму на две части – голову отдельно от ноги, и эти части, разнесенные в разные стороны, вдруг зашевелились. В тот же миг я расплакалась от ужаса! А тут глядела и оставалась равнодушной. Не волнует меня телевидение и сегодня.



Фаина Георгиевна не любила телевизоры и отказывалась от съемок в телепередачах

Мы дошли до садика, в котором стоял мраморный бюст Радищева.

– Вот куда я вас вела, – обрадовалась Ф. Г. – Здесь уютно и тихо, никто не знает ни памятника, ни садика – ни пионеры, ни алкоголики. Можно спокойно посидеть и выкурить наконец сигарету!

Отдышавшись, она продолжала:

– Представляю, сколько благоглупостей звучит с экрана! Об одних «Голубых огоньках» я столько наслышана. С меня хватит и радио. Утром, когда у меня работает моя «точка», я хоть могу мазать хлеб маслом и пить чай, не уставясь, как умалишенная, в экран. И радиоблагоглупостей на мою жизнь мне достает! Я же давала вам свой список горестных заметок. Выбросили, наверное?..

Позже я нашел этот листок, на котором Ф. Г. выписала идиотизмы, прозвучавшие по радио. Это главным образом названия передач вроде: «Знаете ли вы мир прекрасного?», «В гостях у Федькиных», «Искусство сближает сердца», «В вихре танца»…

– А почему бы вам не посмотреть, как Каплер отомстит вам? – спросил я. – Это же интересно!

– Нисколько. Это во-первых. А во-вторых, где? К соседу, Риме Кармену не пойду: и дома его чаще всего нет, и странно это: «Здравствуйте, я ваша тетя!» Нет-нет! К Галине Сергеевне (Улановой) можно, но тоже надо заранее предупредить ее, она не

откажет, но будет менять свои планы, куда-то не пойдет. А сидеть с ней – одно удовольствие: за вечер проронит две-три фразы. Вот, пожалуй, к кому можно смело идти, так это к Лиде Смирновой. Открытая душа, и мне будет рада. Искренне, без притворства! Расскажет в лицах о своем новом романе, да так, что и про передачу забудем! Когда мы с ней снимались в этом михалковском дерьме «У них есть Родина», мы так дружно страдали по своим возлюбленным – слезы лились в четыре ручья!..

Вы опять начинаете о моей роли! Я же не об этом. Да, фрау Вурст у меня получилась. Вурст – по-немецки колбаса. Я и играю такую толстую колбасу, наливающую себя пивом. От толщинок, которыми обложилась, пошевелиться не могла. И под щеки и под губы тоже чего-то напихала. Не рожа, а жопа.

В роли фрау Вурст в фильме «У них есть Родина». 1948 г.

Но когда я говорю о михалковском дерьме, то имею в виду одно: знал ли он, что всех детей, которые после этого фильма добились возвращения на Родину, прямым ходом отправляли в лагеря и колонии? Если знал, то тридцать сребреников не жгли ли руки?..

И вот вам дополнение к вопросу о жутких судьбах детей в Голливуде. Только на этот раз не об ихних, а о наших. Непросто

ведь здесь все!

Ф. Г. закурила и после паузы продолжала:

– Вот вам один пример. Я дважды снималась не с девочкой, а с живым чудом – с Наташей Защипиной. Вы знаете эти картины – «Слон и веревочка» и эта самая – «У них есть Родина».

Я сначала боялась Наташи, все актеры боятся играть с детьми: они ведь не играют, а живут, так верят в происходящее, что разоблачают любого актера, который такой веры не нашел.

Неожиданно мы подружились. Может, оттого, что я вообще не умею сюсюкать и говорила с Наташей как со взрослой. А ей было шесть лет! Кроха! Это сорок пятый год, только война кончилась. Она приходила ко мне в уборную и наблюдала, как меня гримируют.

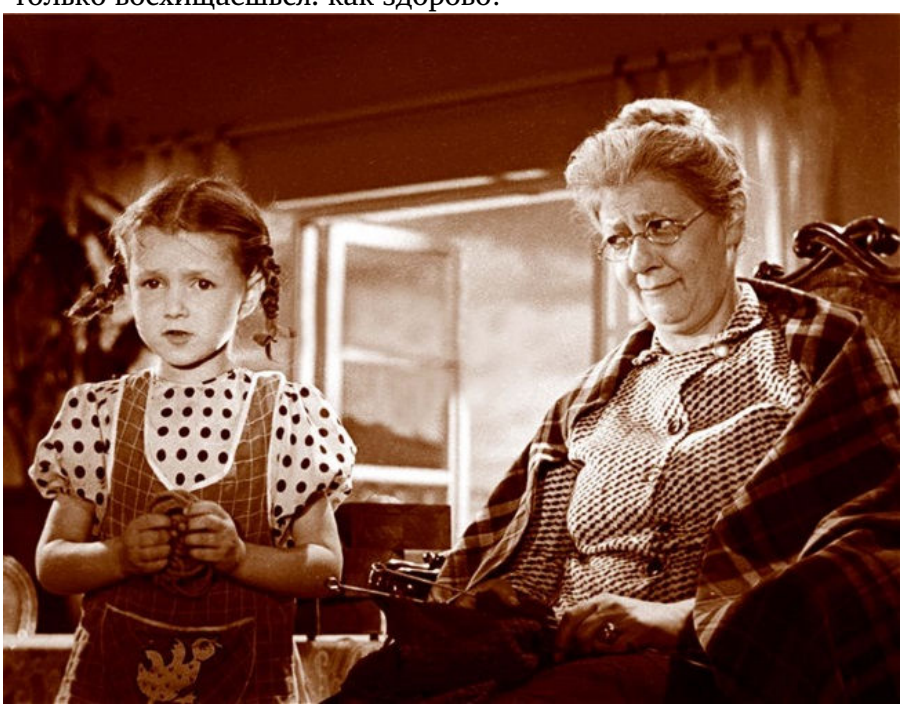
– Тебе интересно играть в мою бабушку? – спрашивала.

– Интересно.

– А ты меня уже любишь? – снова спрашивала она, когда мне натягивали парик.

– Я тебя всегда люблю, – говорила я.

– Но теперь, когда ты уже моя бабушка, сильнее?.. Пересмотрите ее фильмы. И «Жила-была девочка» – там ей три годика, и «Первоклассницу», где ей уже восемь. И не в том дело, что не найдете фальши. Нет, тут что-то есть такое, что трудно обозначить словами. Что-то такое, когда должно бы вроде быть стыдно, что видишь то, что видеть нельзя, а стыдно не становится – только восхищаешься: как здорово!



В фильме «Слон и веревочка» с юной актрисой Наташей Защипиной. 1945 г.

У Наташи киношная судьба не сложилась. Может, режиссеры ее не разглядели, когда она стала взрослой. После ВГИКа пошла в Театр сатиры, говорят, хорошо работает. Не знаю, я не видела. Но что-то ушло, если ее ставят в длинный общий ряд.

Поет Эдит Пиаф

– Наталью Кончаловскую знаете? – спросила Ф. Г.

– Которая написала самое короткое в мире стихотворение в соавторстве с мужем? С самим Сергеем Михалковым! Решила потягаться с Чуковским и написать новую, антибактериальную поэму-сказку для детей.

– Муха села на варенье, – сочинила она первую строчку.

В это время ее позвали к телефону, в коридоре, а Михалков, увидев сочиненное, добавил свое:

– Вот и все стихотворенье!..

– Кончайте валять дурака, – остановила меня Ф. Г. – Наташа несколько раз звонила мне, приглашала. Я отнекивалась, сколько могла, но больше тянуть невозможно. Предлагаю вам сопровождать меня завтра в концерт Натальи Кончаловской, – сказала Ф. Г. безрадостно.

– А что будет петь несравненная? – спросил я.

– Вы меня иногда ставите в тупик: откуда у вас берутся такие приступы слабоумия? Ерничаете над женщиной, не зная ее! «Я вам не давала никакого повода», – процитировала она неизвестно что. – Мы идем на концерт-лекцию «Поет Эдит Пиаф», и дадут его не в Театре эстрады, а в Московском университете! В Коммунистической аудитории! Надеюсь, понятно, что такая аудитория требует соответствующего настроя!

Священного трепета стены Коммунистической у меня не вызывали: сколько здесь выслушано лекций Радцига по истории Древней Греции, Ади Яновны по истории советского кино (был такой факультатив!), докладов и выступлений на комсомольских собраниях. Правда, на этот раз нас усадили на самые почетные места – в первый ряд, где никогда мне сидеть не приходилось.

В роли миссис Мак-Дермот в фильме «Встреча на Эльбе». 1949 г.

На сцене появилась дама солидного возраста, но кокетливая и улыбчивая, очень аккуратная: на лбу тщательно уложенные колечки – одно к одному, отглаженное платье с оборочками и рюшечками, кружевной платочек, изящно выглядывающий из левого рукава.

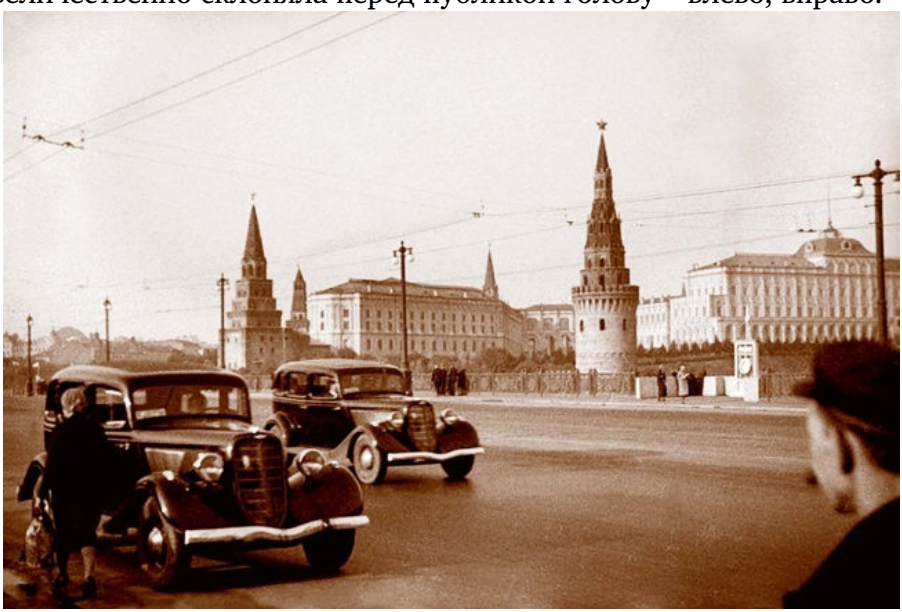
– Ах, Париж, Париж, – начала она, – город снов и мечты! Не забыть его площадей, бульваров, улочек с кафе на открытом воздухе, предназначенных не для буржуа, а для простолюдинов. В одном из таких кафе меня пригласил на вальс человек с крепкими руками рабочего.

«Откуда вы такая?» – спросил он. «Я из Страны Советов, из Москвы», – сказала я. И чудо: он, изумленный, прекратил всякие ухаживания и только просил об одном: «Расскажите о вашей стране!..»

Кончаловская сделала глаза и заговорщицки кивнула Раневской. Опешившая Ф. Г. растерянно улыбнулась и незаметно толкнула меня в бок:

– Не смейтесь, умоляю!..

Как ей было трудно! Кончаловская на сцене работала для нее, и только на нее. Она обращалась к ней, рассказывая о судьбе Эдит Пиаф, как бы предлагая разделить вместе с нею страдания певицы, а когда звучали фонограммы с голосом «парижского воробышка» (почему-то именно это сравнение пришлось Кончаловской более всего по душе, и она употребляла его без конца), когда Пиаф запела свои трагические монологи, рассказчица переживала вместе с ней, успевая посылать Ф. Г. выразительные взгляды: «Ну как?!» Слушая певицу, она кивала, показывая, что понимает каждое ее слово, одобряет наиболее, с ее точки зрения, удачные строфы, а после окончания песни закрывала глаза, не в силах прийти в себя от нахлынувших чувств и впечатлений и держа паузу. Если же в зале вспыхивали аплодисменты, Кончаловская вставала со своего кресла и величественно склоняла перед публикой голову – влево, вправо.



Москва 50-х годов XX века

– Можно ей крикнуть «бис»? – тихо спросил я Ф. Г.

– Прошу вас, тише. Потерпите, – шептала она и тут же делала

внимательно-восторженное лицо.

– Боже, какой позор! Ну, я натерпелась, – говорила Ф. Г., когда мы пошли после концерта домой. – Сейчас у нас мерзкие, серые газеты – все на одно лицо. А будь моя воля, я воскресила бы традиции нэпа и поместила бы рецензию «Страшная месть Коммунистической!». Этот замучивший нас ленинский тезис о соответствии формы содержанию! еще один такой концерт, и я подпишусь на полное собрание всех классиков марксизма сразу…

Недавно я прочла очень любопытную статью Чуковского, в «Литературке», кажется, как раз на эту тему. Корней Иванович вспоминает, что еще до революции купил роскошное издание «Войны и мира» с многочисленными цветными иллюстрациями. Делал их художник Апиц, мещанин по натуре и обыватель по восприятию. Чуковский начал в который раз читать Толстого и не смог! Мешала цветная дребедень с завитушечками, рюшечками и сантиментами! Так представляете: Корней Иванович заперся в своей комнате, сел у печки и всю ночь сладострастно вырывал картинки из книги, из всех томов. И жег их. Жег с наслаждением, пока не убедился, что ни одной не осталось!..

У меня к вам просьба: у вас же есть записи, принесите их, давайте просто послушаем одну великую Пиаф.

Великая Эдит Пиаф

На следующий день я принес Ф. Г. магнитофон и пленку Пиаф, где записаны двенадцать ее последних песен. Мы слушали молча. Ф. Г. лежала на тахте, подложив под голову подушки, и плакала, закрыв глаза ладонями. Трагическая песня «Белые халаты» напугала ее. Когда я предложил повторить запись, она сказала:

– Не надо. Мне нельзя. Я очень боюсь.

Это «я боюсь» было сказано и во время чтения второй части зощенковского «Перед восходом солнца». Я читал роман вслух, Ф. Г. восхищалась удивительным языком его, мыслями, картинами прошлого, ей знакомого и близкого. Когда же Зощенко перешел к выяснению причин своего страха, к поискам истоков нервного расстройства и стал рассказывать о внезапно появлявшейся в его воображении руке, от которой он не мог скрыться, Ф. Г. прервала меня:

– Прошу вас, пожалуйста, не надо. Мне нельзя!

После всего, что Ф. Г. видела и пережила в Гражданскую

войну: голод, тиф, жестокость и зверства террора, с трупами, раскачивающимися на фонарях и лежащими неделями на улицах, – всего, что так гениально описал Булгаков в «Белой гвардии» и «Беге», она заболела: боялась выходить из дому, переходить дорогу (этот страх сохранился у нее надолго). Ей пришлось лечиться. Болезнь вынудила ее оставить на время сцену: Ф. Г. не решалась ступить на подмостки, особенно подходить к их краю: ей казалось, что там, где сидят зрители, – обрыв, пропасть, бездна.

Зощенко пишет о том, как, выяснив причины возникновения своего страха, он смог сам излечиться, убедить себя, что в основе его боязни лежит не что иное, как цепь бессвязных совпадений, цепь случайностей, поразивших в детстве его воображение.

Не знаю, как прошло лечение Ф. Г. Может быть, страх перед больницей, перед необходимостью бросить сцену – лучшее, что у нее тогда было, – победил остальные страхи. Но когда Раневская появлялась в первом акте «Странной миссис Сэвидж» в «Тихой обители», догадывалась, где она, и, испытывая страх человека, которого засадили в психушку, боялась подойти к рампе, я каждый раз вспоминал ее рассказ о том, что случилось полвека назад.

Первая встреча с Роммом

Начало тридцатых годов. Раневская играет в Камерном. Однажды ей сказали:

– Вас хочет видеть режиссер с кинофабрики.

На обороте фотографии Раневская написала: «Я обнимаю мою старенькую мать, рядом брат и племяша, 57 г. В Румынии»

За кулисы пришел худенький молодой человек в потертых

брюках и пиджаке, выглядевшем на два размера меньше нужного, с обтрепанными рукавами.

– Здравствуйте. Я – Михаил Ромм.

Ф. Г. фамилия показалась очень знакомой.

– Здравствуйте! – радостно улыбнулась она. – Я о вас так много слышала!

– Ну что вы! – остановил ее Ромм. – Вы слышали о другом – о знаменитом Рооме, а я начинающий и еще ничего не успел сделать.

Ф. Г. смутилась, а Ромм предложил ей сняться в его фильме «Пышка», сценарий которого он написал сам по мопассановской новелле. Прочитав сценарий, Раневская дала согласие.

Почти все съемки «Пышки» велись ночью.

– С тех пор у меня и появилась бессонница, – как-то призналась Ф. Г.

Но роль госпожи Луазо так увлекла ее, что заслонила физические трудности. Вот одна характерная деталь. Ромм снимал «Пышку» в немом варианте. Несмотря на это, Ф. Г. достала подлинник мопассановского рассказа и затвердила несколько фраз госпожи Луазо на языке оригинала. Это помогло ей почувствовать себя француженкой.

Когда в Советский Союз приехал Ромен Роллан, Горький решил развлечь его фильмом «Пышка». Картину крутили на горьковской даче. Дошли до эпизода, где госпожа Луазо бранит Пышку, – Роллан вдруг подпрыгнул на стуле от восторга. Раневская выразительно произнесла по-французски слово, близкое к русскому «проститутка». Артикуляция актрисы дала возможность «услышать» то, чего был лишен экран.

После фильма Роллан долго хвалил работу Ромма и среди актеров Раневскую. Картина по его просьбе демонстрировалась во Франции и прошла там с огромным успехом.

– Вы моя добрая звезда, – сказал Ромм Раневской, – вы принесли мне удачу.

Михаил Ромм

С Роммом Раневская сделала свою лучшую роль в кино – Розу Скороход в «Мечте».

Когда Ф. Г. оказалась случайно в одной больнице с Михаилом Ильичом, они долго разговаривали, вспоминали и свою первую встречу

Ирония судьбы: когда-то неизвестный Ромм стал «одним из самых» – причем признанных не только официозом, но и зрителем. А Роома, о котором с завистью говорил Михаил Ильич

в тридцать втором, сегодня чаше вспоминают как автора «Гранатового браслета» – последней цветной экранизации повести Куприна, получившейся на экране пошлой и слезливо-сентиментальной. Сатирики окрестили ее кулинарной книгой по изготовлению пунша в арбузе и других ресторанных редкостей.

Антипырьин

– С режиссерами мне всю жизнь везло. В поисках хорошего я меняла сцену на сцену, переспала со всеми театрами Москвы и ни с кем не получила удовольствия!

А в кино?! «Ошибку инженера Кочина» Мачерета помните? У него в этой чуши собачьей я играла Иду, жену портного. Он же просто сделал из меня идиотку!

– Войдите в дверь, остановитесь, разведите руками и улыбнитесь. И все! – сказал он мне. – Понятно?

– Нет, Сашенька, ничего не понятно!

– Но, Фаиночка, согласись, мы не во МХАТе! Делаем советский детектив – на психологию места тут нет!

Я сдалась, сделала все, что он просил, а потом на экране оказалось, что я радостно приветствую энкавэдэшников!

Не говорю уже о том, что Мачерет, сам того не желая, сделал картинку с антисемитским душком, и дети опять прыгали вокруг меня, на разные голоса выкрикивая одну мою фразу: «Абрам, ты забыл свои галоши!»

Кадр из фильма Михаила Ромма «Пышка». Раневская в роли госпожи Луазо

А Кошеверова? Выбросить из «Золушки» мой лучший эпизод! После того как этот чертов башмачок пришелся по ноге Леночке Юнгер – она чудно Анну играла, – я зычно командовала капралу: «За мной!» И тут же запевала:

– Эх ты, ворон, эх ты, ворон, пташечка! Канареечка жалобно поет!

И под удивительный марш сочинения Спадевеккиа отправлялась во дворец. Где это все? Можно подумать, что мне приходилось в кино часто петь!

А Пырьев?! Я снималась у этого деспота в «Любимой девушке». «Любимую», разумеется, играла Ладынина, из меня делать «любимую» никто никогда не пробовал. И что же? В последний съемочный день он мне говорит:

– Фаина Григорьевна, я надеюсь на нашу дальнейшую совместную работу.

И думаете, случайно я выпалила в ответ:

– Нет уж, дорогой Иван Александрович, я теперь вместо пургена буду до конца дней моих пить антипырьин, чтобы только не попасть еще раз под ваше начало!

Это был сплошной кошмар! И зачем я только согласилась на эту тетку Добрякова?!

Вася Добряков достался Санаеву Пырьев орал на него как резаный, а Санаев, хороший, мягкий человек, после того как случайно попал в КГБ и отсидел там, кажется, неделю, стал запуганным на всю жизнь: никогда никому не возражал и со всем только соглашался. Иван вил из него веревки!

На Марину кричать побаивался. Она всем на каждом шагу говорила:

– Я – мхатовка!

При этом хотелось встать, снять шляпу и обращаться к ней только по имени-отчеству Хотя на самом деле она была но МХАТе без году неделю.

Мхатовка! Подумаешь – невидаль! Я сама могла бы называться мхатовкой, если бы не моя рассеянность. Да, я действигельно однажды забыла люстру в троллейбусе. Новую, только что купленную. Загляделась на кого-то и так отчаянно кокетничала, что вышла через заднюю дверь без люстры: на одной руке сумочка, другая была занята воздушными поцелуями. Но со МХАТом все получилось значительно хуже.

Иван Пырьев

Боже, меня пригласил на встречу сам Немирович-Данченко! Я пришла в его кабинет, с волнением ступая по мхатовским сукнам фойе и коридоров, сидела перед ним в кресле, любуясь его необыкновенной бородой. Знаете, что в ней было необыкновенного? Только не смейтесь! Она на самом деле светилась! От нее исходило сияние. Перевернутый нимб – не над головой, а под подбородком, как слюнявчик у ребенка. Немирович предложил мне работать во МХАТе.

– Вы можете подумать, дорогая. Я понимаю, приглашение в наш театр способен изменить всю жизнь актрисы, – сказал он.

– Что тут думать, – выпалила я. – Я согласна, конечно. Согласна!

И, прощаясь, когда Немирович поцеловал мне руку, проникновенно произнесла:

– Спасибо, спасибо вам, Василий Петрович! Этого дня, Василий Петрович, я никогда не забуду!

А наутро секретарь Немировича мне сообщила:

– Приказ о вашем зачислении в труппу Художественного театра Владимир Иванович отложил.

Отложил, увы, навсегда.

– Господи, Фаина, объясни, почему ты назвала Владимира Ивановича Василием Петровичем, – удивился Качалов, с которым я поделилась своим горем. – Ну, Василием – это я могу понять: ты в это время думала обо мне, как мы вместе выйдем в «Вишневом саде». Но откуда взялся Петрович? Еще один роман?!

Роман со МХАТом, о котором я мечтала, не получился. Аде Войцик с Пырьевым тоже, конечно, безумно не повезло. Ее угораздило родить ему ребенка. Сыграла она в его «Конвейере смерти» и «Партийном билете» отлично – она вообще настоящая актриса, хоть и не мхатовка. И пить не умела. Но когда Иван остался без работы, кормила семью.

В роли Мани, тетки Добрякова в фильме « Любимая девушка». 1940 г.

А потом ему понадобилась актриса, которая плясала бы и пела в полях, исходящих невиданными урожаями. Ада и на это оказалась неспособна. А какие у нее выразительные глаза! Не говорю о «Мечте», но у Эйзенштейна во второй серии «Ивана» какая она Глинская! Вроде и роли нет, а молодец!

Я с Пырьевым спорила до хрипоты. Ситуация в этой «Любимой девушке» – на уровне дебила. Любимая любит любимого, простого рабочего, собирается родить от него ребенка, но не хочет, чтобы на заводе знали об их браке. Как вам это нравится? Ничего себе конфликтик состряпали?!

– Она – человек стеснительный, боится, что ее засмеют, – объясняет мне Иван.

– Так как же вы хотите, чтобы я к этой дуре относилась с симпатией?

– Из женской солидарности, – предлагает он.

– Но ведь я тетка ее мужа и не могу встать на сторону предающей племянника кретинки!

– Фаина, не упрощайте! Речь идет о психологической драме! – сказал он и твердил это всю смену, до посинения. Извел меня окончательно, а роль-то – выеденного яйца не стоит!

– А как же быть с «Нет маленьких ролей – есть маленькие артисты»? – спросил я. – Вы же сами не раз вспоминали Станиславского!

Кадр из фильма «Любимая девушка»

– Вспоминала! И напрасно. Ошибся великий. Маленьких ролей предостаточно. Из них получаются такие же большие, как из дерьма – пуля! И еще. Один совет в нашей стране советов. Запомните: за все, что вы совершаете недоброе, придется расплачиваться той же монетой. Не знаю, кто уж следит за этим, но следит и очень внимательно. Марина оказалась в той же ситуации, в какую по ее вине когда-то попала Ада Войцик: Пырьева увела другая. И расплата на этот раз, по-моему, самая жестокая. Какой нынче у нас год? Так вот считайте: с пятьдесят четвертого года, когда Марина сыграла у Пырьева последнюю

роль – «Испытание верности» назывался этот ее далеко не лучший фильм, – прошло пятнадцать лет! И за это время в жизни признанной кинозвезды ни одной картины! Пятнадцать лет! Что может быть страшнее для актрисы?..

Не только актриса

Я уже говорил, что Раневская – соавтор почти каждой своей роли. А порой – единственный автор. Иногда, правда, ее соавторство минимально. С точки зрения вмешательства в авторский текст. Минимум, вероятно, в «Золушке» Е. Л. Шварца. Ф. Г. очень любила этого «современного сказочника», а роль Мачехи относила к числу тех, что принесли настоящую радость.

В одной из своих реплик возмущенная Мачеха говорит о «сказочном свинстве». Его Раневская успешно воплотила в своей роли. В ее Мачехе зрители узнавали, несмотря на пышные «средневековые» одежды, сегодняшнюю соседку-склочницу, сослуживицу, просто знакомую, установившую в семье режим своей диктатуры. Это бытовой план роли, достаточно злой и выразительный.

Но в Мачехе есть и социальный подтекст. Сила ее, безнаказанность, самоуверенность кроются в огромных связях, в столь обширной сети «нужных людей», что ей «сам король позавидует». Причем у Шварца король не завидует Мачехе, но боится ее (это король-то!) именно из-за этих связей.

– У нее такие связи – лучше ее не трогать, – говорит он.

Мачеха-Раневская прекрасно ориентируется в сказочном государстве, она отлично знает, какие пружины и в какой момент нужно нажать, чтобы достичь цели.

Проба на роль мачехи к кинофильму «Золушка». 1947 г.

Пусть сказочно нелепа задача, которую она себе поставила, – ее и ее уродливых дочек должны внести в Книгу первых красавиц королевства, – но средства, которыми она пытается добиться своего, вполне реальны. Мачеха знает: нужны прежде всего факты («Факты решают все!» – лозунг!), нужны подтверждения собственного очарования и неотразимости, а также аналогичных качеств ее дочерей. И начинается увлекательная охота за знаками внимания короля и принца: сколько раз король взглянул на них,

сколько раз сказал им хотя бы одно слово, сколько раз улыбнулся «в их сторону». Учету «знаков внимания высочайших особ» Мачеха и ее дочки посвящают весь сказочный королевский бал.

Это одна из замечательных сцен фильма. В ней все смешно: и то, чем занимается милое семейство, и то, как оно это делает. Раневская здесь, повторим, минимальный соавтор Шварца-сценариста, но полная хозяйка роли. По сценарию дочки сообщают матери о знаках внимания, и та, зная силу документа, немедленно фиксирует в блокноте каждый факт. Ф. Г. ничего не добавила в текст. Она только повторила в несколько усеченном виде реплики дочерей. На экране сцена выглядела так:

Анна. Запиши, мамочка, принц взглянул в мою сторону три раза…

Мачеха. Взглянул – три раза.

Анна. Улыбнулся один раз…

Мачеха. Улыбнулся – один.

Анна. Вздохнул один, итого – пять.

Марианна. А мне король сказал: «Очень рад вас видеть» – один раз.

Мачеха. Видеть – один раз.

Марианна. «Ха-ха-ха» – один раз.

Мачеха. «Ха-ха-ха» – один раз.

Марианна. И «Проходите, проходите, здесь дует» – один раз.

Мачеха. Проходите – один раз.

Марианна. Итого три раза.

Кадр из фильма «Золушка»

Свои реплики Раневская произносила меланхолически-деловито, как бы повторяя слова дочерей для себя. Притом она с легкой небрежностью вела запись в блокноте – точно так, как это делают современные официанты. Закончив запись, Мачеха, не моргнув глазом, подытожила ее тоже не менее «современно»:

– Итак, пять и три – девять знаков внимания со стороны высочайших особ!

Реплика неизменно вызывала смех. Находка Раневской вскрывает немудреный подтекст роли. В пору, когда любая критика чуть «выше управдома» находилась под запретом, подобные намеки находили у зрителя радостное понимание.

Я поинтересовался, как Евгений Львович относился к таким «вольностям» актрисы?

– О, он был очень доволен, – сказала Ф. Г., – хотя, как никто другой, бережно, даже болезненно бережно относился к каждой фразе, каждому слову в сценарии. Очевидно потому, что работал над своими вещами необычайно тщательно. Меня Шварц любил и позволил несколько отсебятин – правда, согласованных с ним.

Там была еще такая сцена. Я готовлюсь к балу, примеряю разные перья – это я сама придумала: мне показалось очень характерным для Мачехи жаловаться на судьбу и тут же смотреть в зеркало, прикладывая к голове различные перья и любоваться собой. Но для действия мне не хватало текста. Евгений Львович

посмотрел, что я насочиняла, хохотнул и поцеловал руку: «С Богом!».

Теперь эпизод стал таким.

Мачеха, всхлипывая, садится к зеркалу, а Золушка подает ей диковинные перья.

– Я работаю, как лошадь. Бегаю (перо), хлопочу (перо), требую (перо), добываю и добиваюсь (перо), очаровываю (тощее павлинье перо).

Съемочная группа фильма «Золушка»

Кстати, хотя все это и вошло с разрешения Евгения Львовича в фильм, но, издавая сценарий, Шварц остался верен первоначальному варианту своего текста и вымарал все мои «добавки», все эти «добываю и добиваюсь» – еще одно свидетельство, как относился он к написанному

Мачеха – одна из лучших комедийных ролей Раневской. Но вот загадочная метаморфоза: злая Мачеха – объект ненависти читателей «Золушки» Перро – в фильме вызывает восхищение и восторг. Даже юные зрители, которые часто острее взрослых воспринимают зло, встречают ее появление на экране с радостным оживлением. И по окончании фильма говорят о ней не с возмущением, а с любовью.

И при этом Мачеха ни на секунду не перестает быть «отрицательной». Ее чванство, хамство, тирания обрисованы и сыграны выпукло, четко, без полутонов. Даже покидая поле битвы, она не желает признавать поражения. «А еще корону надел!» – успевает она бросить королю.

Мачеха Раневской глупа и мелочно коварна. Она, конечно, никогда не признается в этом, ибо считает себя талантливым стратегом и женщиной, умеющей жить. Как она хочет пробиться в высший круг – в королевское семейство! Для этого все средства хороши. «Капрал! Зовите короля! Туфелька как раз по ноге одной из моих дочек, – стремительно приказывает она, не собираясь примерять хрустальный башмачок. И тут же добавляет весьма многозначительно: – Я вам буду очень благодарна. Вы понимаете меня? Очень! (Тихо.) Озолочу!»

А как деловито-озабоченно осведомляется она, когда башмачок пришлось все же примерить и он оказался мал для ее дочерей: «Других размеров нету?»

И все это Раневская делает открыто, напоказ. Ее коварство – демонстративное, хитрость – обнаженная, глупость – откровенная. Раневская играет свою Мачеху так, что заставляет зрителя насквозь видеть ее.

С Эрастом Гариным в сказке «Золушка»

Демонстративное коварство Мачехи – не страшно, оно –

смешно. Раневская сама смеется над ним и приглашает к смеху зрителя. Она убеждает – можно заставить зрителей ненавидеть героя и при этом им восхищаться. Восхищение – от мастерства актрисы. И при этом актриса, безусловно, любит своих героинь, как это ни парадоксально звучит.

«Золушка» – минимальный вариант вмешательства Ф. Г. в текст роли, прямого соавторства. Но кто установит ее многочисленные дописки текста в других фильмах?

– Как рождаются эти фразы, трудно сказать, – говорила Ф. Г. – Часто путем долгих поисков, когда мучаешься над текстом и не можешь понять, чего же не хватает. Иногда как бы само собой. Но без этого я не смогла бы играть. Вот в «Мечте», помните, я обнаруживаю пропажу денег, кидаюсь к прислуге, выхватываю у нее из-за пазухи пачку купюр и кричу:

– Смотрите, панове, у меня в доме воровка. Она обокрала меня, сломала комод и вытащила деньги. Это же мои деньги – они еще пахнут нафталином!

Последняя фраза про нафталин родилась на съемках – я нюхала деньги и громогласно объявляла результат. Без него вся сцена мне показалась малоубедительной: ведь запах нафталина здесь единственное доказательство, что к прислуге попали деньги именно из комода. И притом обнюхать собственные деньги, согласитесь, что для Розы Скороход – это точная, характерная деталь.

«С досадой!»

Мы договорились пойти днем погулять по Кремлю.

– Полвека не было такой возможности. Надо же взглянуть, во что превратили большевики памятник культуры. И истории тоже, – сказала Ф. Г.

Но наш «главный» – Константин Степанович Кузаков – объявил прослушивание и обсуждение. Удрать после того, как я столкнулся с ним лицом к лицу в коридоре, было невозможно. Пришлось позвонить Ф. Г. и извиниться.

Рабочий момент съемок

Потом она рассказала:

– Я ходила по Кремлю одна, дошла до царь-пушки, села и больше не вставала. Нет Чудова монастыря, нет знаменитых церквей и памятников. Но сидеть, размышляя о варварстве в горестном одиночестве, мне не дали. И все потому, что я оказалась брошенной на произвол судьбы. С вами ко мне почти не пристают, а тут я заделалась фотомоделью:

– Можно с вами сфотографироваться? А нам можно с вами…

– Конечно, с удовольствием, – лицемерила я, понимая, что прогулке конец.

Вот только солдатик один понравился. Он подошел, покраснев от смущения, как мак, и попросил:

– Моя мама с детства любит вас, и я тоже видел вашу «Золушку». Можно, я пошлю маме фотку с вами? И автограф.

Конечно, на «фотку» я не могла не согласиться! Нас щелкнул какой-то фотокорр и – не поверите – оказался честным человеком! Первый раз в жизни я получила от него десяток добрых бабушек, соблазняющих воина советской армии. Вадим Козин получил за это срок, а мне пока сошло с рук.

Ф. Г. выбрала одну фотографию, «самую лучшую», как она сказала, и надписала ее: «Милому Глебу – с досадой!»

– Такая я уж злопамятная, как шварцевская Мачеха, – сказала она и вдруг спросила:

– А вы боитесь Кузакова?

– Когда в редакции заговорили, что он сын Сталина, и лоб его, и овал лица, особенно надбровная часть, мне показались копией со знаменитых портретов, я испытал и любопытство, и непонятную робость. Но потом привык, как и все.

Короткое время я был ответсекретарем, с Константином Степановичем общался по нескольку раз на день, и, по-моему, мы сработались. Во всяком случае, он понял мой скулеж по привычной работе и жалобы на бесконечный поток планов – тематических, перспективных, квартальных, недельных – и отпусгил меня снова в корреспонденты. Он хороший человек. И добрый, хоть проколов не забывает.

Ф. Г. выбрала одну фотографию, «самую лучшую», как она сказала, и надписала ее: «Милому Глебу – с досадой!»

– Злопамятность у него от отца. А доброта от матери, простой русской бабы, пожалевшей и согревшей когда-то ссыльного в ледяном Туруханске. Все русские женщины жалостливы по натуре. И я тоже, хоть и из другого рода, – вздохнула Ф. Г. – Россия нас делает такими.

А с вашим нынешним шефом я сталкивалась на «Мосфильме». Он ведь сделал оглушительную карьеру: чуть ли не в двадцать лет стал работником аппарата ЦК – шагнул из рядовых на самый верх, минуя положенные ступени. И дошел бы Бог знает до каких высот, если бы не смерть отца. На «Мосфильм» его прислали главным редактором, держался он скромно. Но если звучало: «Кузаков согласен», значит, картине открыт зеленый свет. Вот вам и странности нашей системы.

Закончила Ф. Г. неожиданно:

– А о Кремле я вам не скажу больше ни слова. Пока мы не совершим прогулку по его камням, увы, уже не священным…

Прогулка по Кремлю

В Кремль мы собрались месяца через два. Было уже тепло, деревья зазеленели.

– По правде говоря, мне и не очень хочется бродить здесь, – сказала Ф. Г., когда мы миновали Спасские ворота. – Одного раза вполне довольно. До революции, как вы, конечно, не догадываетесь, я не удосужилась посетить этот символ государственности. Другие были заботы, и ничего, кроме малинового звона на пасху – со всех сторон, и из Кремля тоже, – не запомнила. Меня, по легкомыслию, больше интересовал Мюр и Мерилиз – там мне Гельцер поднесла чудную Шанель № 5. На такие духи моих денег не хватило бы.

А потом Кремль стал закрытой крепостью, и я видела его только в кино. Смотрела на экране бесконечные физкультурные парады на Красной площади и не подозревала, что они – любимое зрелище Сталина и его подельника Гитлера. Михаил Ильич Ромм в своем «Фашизме» показал это.

Москва, физкультпарад. 1938 г. ФотоЭ. Евзерихина

Александров и Пырьев по поводу и без вставляли Кремль в свои фильмы. Иван даже умудрился засунуть его в эту ходульную мелодраму где Ладынина всю картину страдает на одной краске. Не помню, как этот бред назывался.

– «Испытание верности», – сказал я.

– «Испытание зрителя», который может все снести, если чушь подслащена Дунаевским. Исаак Осипович, кстати, и был-то в Кремле от силы два раза, получая награды. Я тоже побывала на таком получении и на всю жизнь запомнила это.

Задолго до события составлялись подробные списки. Там указывалось все: место рождения, год, образование, работа, семейное положение и номер паспорта, конечно. Потом, недели за две до вручения ставили в известность, когда и к каким воротам явиться.

– Не забудьте паспорт! – предупреждали по телефону. Помню, часам к двум дня у Боровицких ворот, в садике, выстроился длинный хвост – никого не пускали, пока не выйдет время. Затем поочередно начали сличать фотографию в паспорте с наружностью, номера и прописку с тем, что значилось в списке, и так у каждого, каким бы известным он ни был. Пройдешь ворота – дальше ни с места, жди, пока всех не проверят.

Стою, оглядываюсь: нигде ни души, пустой тротуар к Кремлевскому дворцу, и только дюжина кагебешников возле нас, все в форме. Шестеро встали впереди, шестеро – сзади и повели нас колонной к Дворцу. «Как заключенных, – подумала я. – Только конвою не хватает ружей».

– Подтягивайтесь, подтягивайтесь, товарищи! – торопят нас.

Всем-то любопытно, вертят головами по сторонам, но нельзя! А идти всего метров сто, не больше. У входа во Дворец – там такая медная табличка сверкала на солнце «Верховный Совет Союза ССР» – снова проверка, такая же дотошная, все уже измотались – сил нет. Поднялись по длиннющей лестнице, а уже три часа!

Появился Калинин, нет – Георгадзе. Расплылся в улыбке и сказал мне что-то об особом удовольствии, и я в ответ заулыбалась, а сама думала: «Скорей бы все это кончилось». Неуютно там, как в казарме. И бокал шампанского не поднял настроения.

А главное, дальше – то же самое, но в обратном порядке! «А теперь-то зачем? – закипала я. – Ну, каждый получил свое, ничего не украл, – отпустите душу с Богом!» Нет, те же испытующие взгляды, каменные лица, будто и «Весну» никогда не видели, – это я ведь за Маргариту Львовну получала лауреатство.

Мы сидели на скамейке неподалеку от царь-колокола, никогда не звонившего, и царь-пушки, никогда не стрелявшей.

– А это и не нужно! – усмехнулась Ф. Г. – У русского народа – постоянная тяга к гигантам. Все самое большое, пусть и недействующее, – наше. Огромное и могучее. Отсюда и страсть к силе, поклонение всевластию, восторг от изуверства, сделанного сильной рукой.

Пойдемте на ту сторону – я вам кое-что покажу, – предложила Ф. Г., и мы ступили на зебру пешеходного перехода, но тут же раздался свисток одиноко стоящего военного:

– Вернитесь!

– Туда нельзя, – сказала Ф. Г., – а вы говорите «свобода, гуляй, где хошь!» Ну, так постоим здесь, и отсюда все разглядите.

Ф. Г. указала на Пыточную башню и стройную кирпичную беседку, крыша которой подпиралась пузатыми балястрами.

– Изящная, правда? – усмехнулась она. – «Нарекая» называлась. Оттуда два великих государя, и Иван и Петр, наблюдали за казнями, смотрели во все глаза, как на лобном месте рубили головы, на площади вешали бояр и стрельцов, а потом шли в Пыточную и измывались над близкими и приближенными, наслаждались, видя, как они корчатся на дыбе, а то и сами делали с ними кое-что. Почитайте «Епифанские шлюзы» Андрея Платонова. Он живописует издевательства Петра над англичанином, которого сам же пригласил строить канал между Доном и Окою, наподобие голландских, что с юности втемяшились в него. Петр достигал ивановской жестокости – и тут у писателя все достоверно.

Запомните: за все, что вы совершаете недоброе, придется расплачиваться той же монетой… Не знаю, кто уж следит за этим, но следит, и очень внимательно

Вообще, надо впитывать из первоисточников! Читать Костомарова, Ключевского – они оперируют только фактами, не оглядываясь на идеологию. Я сама не могла оторваться от них.

Как-то Анна Андреевна зашла ко мне:

– Фаина, что вы читаете?

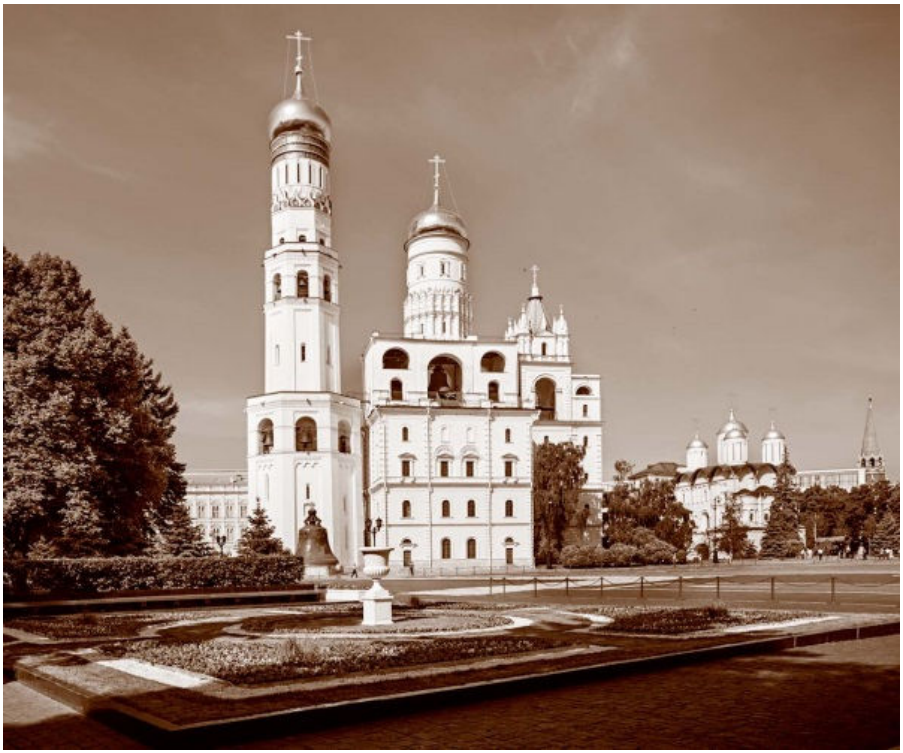
– Переписку Ивана Грозного с Курбским. Она засмеялась:

– Вот вы вся в этом! Ну, кто еще в наше время додумается читать написанное в шестнадцатом веке?!

На Ивановской площади мы сделали последнюю остановку: пища духовная требовала смены. Ф. Г. указала на «золотое крыльцо»:

– Оттуда не только читали царские указы, орали на всю Ивановскую. Оттуда юный Иван приказал разрубить на части живого слона, подарок персидского шейха, – слон не смог перед русским царем преклонить колена, не был этому обучен! И только что положенный на царство Иван с восторгом наблюдал, как из несчастного животного хлестала кровь, заливая площадь.

Меня всегда волновала загадка, почему Сталин так обожал этого изувера и упыря? На его счету сотни новгородцев, вырезанных по подозрению в измене, убийство сына и митрополита – грех первостепенный. А Сталин в беседе с Эйзенштейном сожалел, что Иван боярство «не дорезал»! Карамзин сравнил царствие Ивана с татаро-монгольским игом, еще более страшным. А Сталин аплодировал Алексею Толстому, написавшему по его заданию пьесу о сильной личности – «Трудные годы», и тут же запретил вторую серию эйзенштейновского фильма, где Сергей Михайлович отважился позволить этому государю испытать чувство вины от содеянного.



Ивановская площадь московского Кремля

С кем мы будем сравнивать царствие Сосо? Всю жизнь он мечтал, чтобы страна поклонялась ему, единственному. Как пели с утра до вечера об этой кровавой коротышке – «самый большой, родной и любимый»…

И еще одно, чтобы не забыть. Я, между прочим, все свои лауреатские значки, ордена, медали сложила в коробочку и надписала ее – «Похоронные принадлежности».

«Роман» Эдварда Шелдона

– Первой моей значительной ролью я обязана Павле Леонтьевне Вульф, – сказала как-то Ф. Г. – События тех лет помню лучше прошлогодних. А ведь это 1917 год. Уже после Февральской революции. Я была в Ростове. Приехала с твердым решением – на сцену больше не рваться, подыскать себе работу скромной гувернантки со знанием французского.

Но… почти ежедневно я ходила в местный театр, просто зрительницей. Здесь я впервые увидела Павлу Леонтьевну на сцене и была в восторге от ее игры. Впрочем, не одна я. Так вот, ни на что не надеясь, я вдруг решилась попытать счастья еще раз. Как-то я постучалась в двери, где жила Павла Леонтьевна. Открыла ее камеристка Наталия Александровна, всю жизнь проработавшая с ней и похороненная с ней в одной могиле.

– Вы к кому? – спросила она строго.

Я сказала, что я поклонница Павлы Леонтьевны и очень хотела бы видеть ее, чтобы поговорить с ней.

Наталия Александровна, внимательно окинув меня взором (я была худенькая, как палец, надела на себя лучшее, что у меня осталось, – еще парижское), пригласила войти.

Затем меня позвали в комнату к Павле Леонтьевне. Павла Леонтьевна поздоровалась со мной и предложила сесть. Как она была хороша – это, ну знаете, сама женственность! Другой подобной актрисы я не знала и не знаю до сих пор.

Павла Вульф была другом и учителем Фаины Раневской

Она спросила, что я делаю, где играю. Я отвечала ей и сказала, что мой визит связан с просьбой:

– Мне бы очень хотелось, чтобы вы послушали меня.

– У вас хороший голос, – сказала Павла Леонтьевна. – Давайте поступим так: мне принесли пьесу «Роман», выберите что-нибудь из роли Риты Каваллини. Через недельку прочтете мне.

Это решило все. Ровно через неделю я читала Павле Леонтьевне, и она согласилась работать со мной над ролью Каваллини.

– У вас есть талант, – сказала она мне.

В то лето Павлу Леонтьевну пригласили на сезон в Евпаторию. У антрепренера она выхлопотала мне дебют.

В трехэтажном Евпаторийском театре, казавшемся мне гигантским, – он и сейчас мирно стоит на площади, уже никого не поражая своими размерами, – состоялось мое первое выступление в большой настоящей роли. Вы должны обязательно прочитать эту пьесу – она, наверное, есть в ВТО, – тогда я смогу рассказать вам об этом еще кое-что…

Я отыскал «Роман» в Театральной библиотеке на Пушкинской. Это, как свидетельствовал титульный лист, было представление в трех действиях, с прологом и эпилогом Эдварда Шелдона. Перевод с английского. Действие происходит в Нью-Йорке, пролог и эпилог «в наши дни» (т. е. в начале XX века), остальные акты – в конце шестидесятых годов прошлого столетия.

Героиня Ф. Г. обозначена в списке действующих лиц как «знаменитая итальянская певица». При появлении Маргариты Каваллини в первом акте (на балу, в окружении толпы поклонников) автор дает пространную ремарку, описывающую ее: «Это очаровательная жгучая брюнетка итальянского типа. Она одета роскошно и ярко, но со вкусом. Вся ее тонкая фигурка утопает в огромном кринолине и в волнах сильно декольтированного платья. Черные локоны обрамляют с обеих сторон ее головку и спускаются мягкими кольцами на спину… В ушах длинные бриллиантовые серьги с подвесками, на шее бриллиантовая ривьера, масса драгоценностей… Сама она чрезвычайно напоминает маленького, сверкающего колибри».

Евпаторийский городской театр, где состоялось первое выступление Раневской в большой настоящей роли

Для зрителя, знающего Раневскую только по фильмам и поздним ролям, это описание покажется несколько противоречащим данным актрисы. Признаюсь, так воспринял его и я. Но, вспомнив несколько фотографий Ф. Г. двадцатых годов, понял, что сработал стереотип. Начинающая Раневская была иной. Даже самый ранний фильм Ф. Г. снимался, когда ей уже исполнилось тридцать четыре года. А ведь не случайно в ее первом контракте (девятнадцатилетней актрисы!) амплуа было обозначено безоговорочно – «героиня-кокетт».

Повезло ли Ф. Г. с дебютом?

По-моему, драматургия «Романа» невысокого качества. Романтическая история, рассказанная в пьесе, полна страстей, ссор и примирений, объяснений грозных и нежных. Некоторые сцены сегодня нельзя читать без улыбки:

Маргарита *(с внезапным диким ужасом)*. Что же ви не малились? Зачьем ви сматрель так!

Он с внезапным порывом страсти хватает ее в объятия и прижимает к себе.

Том *(торжествующе)*. Довольно! Мне казалось, что я пришел, чтобы спасти вас, но нет! Неправда! Я здесь потому, что люблю тебя… Люблю… Люблю больше всего на свете. *(Начинает покрывать ее бешеными поцелуями.)*

Маргарита (в *полуобморочном состоянии)*. О!

Том *(в промежутках между поцелуями)*. Дорогая, любимая

моя, никогда еще в жизни не испытывал я ничего подобного… Мы здесь… вдвоем… наедине… что за ночь… что за ночь…

Маргарита (в *ужасе).* Нет… нет…

Том. Она наша! Понимаешь ли, наша! Я так хочу!

Маргарита *(отбиваясь).* Нет… пожальста… пустить менья…

Том. Не пущу!

Маргарита. Я льюблю вас…

Фаина Раневская с сестрой Изабеллой

Вот уж где на самом деле действие построено на «бесконечной любовной интриге».

Когда я пришел к Ф. Г., она говорила с Ириной Сергеевной Анисимовой-Вульф, режиссером «Моссовета», дочерью Павлы Леонтьевны. Взглянув на часы, Ирина Сергеевна стала собираться:

– Мне пора!..

– Ирочка, не уходи ни в коем случае! – остановила ее Ф. Г. – Я Глебу дала задание, и он выполнил его – нашел и прочел Шелдона. Надо же ему продолжать образование!

– За счет Шелдона? – усмехнулась Ирина Сергеевна.

– И за его счет тоже. Образованный человек должен знать массу не только полезных, но и вовсе бесполезных вещей. Я думаю, по знакомству с бесполезным у нас и определяют уровень образованности!

– Парадокс в духе Уайльда! – Ирина Сергеевна была настроена скептически. – Откуда это у вас? Ведь Уайльда вы не играли!

– Зато играла Шелдона. К несчастью и счастью одновременно. Рассказывайте, – попросила Ф. Г. меня.

Я рассказал о своих поисках и впечатлениях.

– Нет, нет, сюжета не трогайте! – остановила меня она. – Содержание изложу я сама. Ирина, ты тоже, конечно, не помнишь его?

И Ф. Г. начала точь-в-точь как миссис Сэвидж. Мне показалось, что и слова были те же.

– Одна очаровательная двадцатишестилетняя дама, итальянская певица, приезжает на гастроли в Нью-Йорк. На балу с первого взгляда в нее влюбляется Том Армстронг, молодой пастор, двадцати восьми лет. Он хочет жениться на даме, но случайно узнает, что до встречи с ним у нее был любовник. Причем, как выясняется, не первый. То есть, не один. Пастор в смятении, свадьба расстраивается, певица в отчаянии рвет на себе волосы и уезжает из Нью-Йорка далеко-далеко, куда-то в Италию. Там, в одиночестве ей суждено провести остаток дней своих, покинув сцену в зените славы!..

Фаина Раневская в Баку. 1929 г.

Ф. Г. остановилась и посмотрела на нас: какой эффект произвел сюжет. Ирина Сергеевна криво улыбнулась, не выпуская изо рта папиросы:

– Я только удивляюсь вашей памяти!..

– А при чем тут это?! – отмахнулась Ф. Г. и вдруг погрустнела, – если в «Романе» есть живой характер, то это только Маргарита Каваллини. Моя первая большая роль. Я

любила ее без памяти. Это как первая любовь, которую объяснить нельзя.

Ф. Г. вспомнила: репетиции с Павлой Леонтьевной продолжались более двух месяцев. Помимо всего прочего, приходилось овладевать азами актерской техники. У Ф. Г. «не шел» смех, и вот она часами сидит одна в комнате Павлы Леонтьевны «под замком» и учится смеяться. Роль написана на ломаном русском языке, и Ф. Г. берет у настоящего итальянца (нашелся такой в Ростове!) ежедневные уроки акцента!

«Роман» для Ф. Г. значил неизмеримо больше, чем проба сил. «Роман» утвердил Раневскую в желании быть актрисой.

Мумия по просьбе

Январь. Собачий холод. В редакции все озабочены: приближаются траурные дни года, который в честь столетия со дня рождения объявлен ленинским.

– Ну и что вы собираетесь давать 21 января? – спросила Ф. Г. – «Апассионата» наверняка прозвучит раз десять за день, – но не по вашему ведомству.

– У нас – стандартный набор, – ответил я. – Фрагмент из горьковского очерка, «Разговор с товарищем Лениным» Маяковского и «Ленин и печник» Твардовского.

– А нового «Служил Гаврила в Наркомпросе» никто не сочинил?

С Аркадием Райкиным, Ромой Райкиной и Павлой Вульф. Кисловодск. 1939 г.

– Новинку дадут дети – детская редакция. Корреспондент «Пионерской зорьки» разыскал старушку которая когда-то сидела на коленях у Ленина. На елке в Сокольниках.

– Не может быть! Сколько же ей лет?

– Не так уж и много – лет шестьдесят пять, не больше.

– Представляю, что она расскажет! – Ф. Г. преобразилась – сгорбилась, поджала губы, будто у нее ни одного зуба, и

прошамкала: – Как сейчас помню, посадил меня Владимир Ильич на колени, крепко обнял, снял с елки пакетик и сказал: «Кушай конфетку, детка!» Все это надо назвать «Пять минут на коленях у Ленина», воспоминания.

– Я вам другое хочу рассказать, на самом деле поразившее меня, – начал я. – Неделю назад мне вручили путевку – шефская лекция на Лубянке «Новинки советского экрана». Это в клубе КГБ, рядом с гастрономом. Никогда там не был. Предъявил паспорт, выписали пропуск, провели в зал – огромный, ни одного свободного места, идет семинар пропагандистов политсети.

За кулисами встретил руководитель в чине полковника – меня передали ему из рук в руки. Он попросил:

– Рассказывайте все, не обходя острых углов, у нас народ проверенный.

Я говорил минут тридцать, показал несколько фрагментов, ответил на десяток вопросов – присылали записочки, а потом в кабинете у этого полковника, угощавшего чаем с пирожными, наивно спросил:

– Сколько же у вас пропагандистов?

– Много, – сказал он и с гордостью добавил: – В нашей организации коммунистов больше, чем во всей Москве! И все учатся в политсети.

– Безумно интересно. Не тяните. Что дальше? – торопила меня Ф. Г.

– А дальше полковник в знак благодарности за лекцию вручил мне солидный том в кожаном переплете, сказав, что в магазинах его не купить, что издание это не закрытое, но для внутреннего пользования. Том оказался подробной биографией железного Феликса, и в ней я обнаружил то, о чем нигде и никогда не читал.

Фаина Раневская. Шарж Иосифа Игина

Дзержинский возглавлял комиссию по ленинским похоронам. И, оказывается, сначала Ленина закопали в землю. Как обычно.

– Не может быть! – воскликнула Ф. Г. – Я была в ту зиму в Москве и отлично помню: сразу же плотники сколотили мавзолей – небольшой, из нестроганых досок.

– Да, так, но поставили его над обычным захоронением! Я, когда прочел об этом в дареном томе, ударил себя по лбу: как же

я забыл стих Веры Инбер из «Родной речи» – его мы твердили в школе?

И прежде, чем укрыть в могиле навеки от живых людей, в Колонном зале положили его на пять ночей и дней.

Как же не заметил: «в могиле», «навеки от людей укрыть» – поэты обычно не ошибаются.

– Поразительно! – Ф. Г. застыла. – Я ведь тоже читала Инбер. Она всегда искренна, хоть мастерила и «Джона Грея» с его «нет, никогда на свете, могут случиться дети» – это распевали по всем кабакам, и эти вот «пять ночей и дней».

Первый деревянный Мавзолей был возведён ко дню похорон Ленина – 27 января 1924 г.

Тут интересно другое. У Чапека есть удивительный рассказ, мой любимый. Это в пандан к наблюдательности поэтов. Там стихотворец стал свидетелем преступления: автомобиль сбил женщину и скрылся. Полицейский инспектор допрашивает поэта, пытаясь выведать детали, но тот ничего не помнит, ничего не заметил, он только написал сразу после происшествия стихи. Сейчас найду их – они очень любопытны.

Ф. Г. подошла к шкафу, извлекла из него сборник Карела Чапека и быстро перелистала страницы.

– Вот они:

Повержен в пыль надломленный тюльпан.
Умолкла страсть. Безволие… Забвенье.
О, шея лебедя!
О, барабан и эти палочки – трагедии знаменья!

– Что это за шея, грудь и барабан? – недоумевает инспектор.

– Не знаю, там что-то такое было, – пожал плечами поэт. И выяснилось, что в стихах он случайно зашифровал номер машины преступника – 235. Шея лебедя – двойка, грудь – тройка, барабан с палочками – пятерка! Вот вам поэтическое преображение действительности – в основе оно всегда реально.

Но, постойте, если «навек укрыть в могиле», как же тогда появилась мумия? – спросила она.

– И об этом сказано в книге! Только в конце марта, через два месяца после похорон, тело выкопали и приступили к бальзамированию. По просьбе руководителей братских компартий, чтоб было чему поклоняться.

Как оскопили человека

После «Пышки», несмотря на успех, Раневская решила больше в кино не появляться – «слишком все это мучительно». Но однажды ей позвонил режиссер Игорь Савченко – он знал ее и по Баку, и по Камерному театру, и по роммовскому фильму. Савченко стал уговаривать Ф. Г. сняться у него в фильме, к работе над которым он приступил и который «не хочет видеть без Раневской».

– А что за фильм? – спросила Ф. Г.

– Это по Гайдару – есть такой молодой писатель. Картина будет называться «Дума про казака Голоту». Действие происходит в Гражданскую войну.

– И что же вы предлагаете мне играть?

– Роли у меня для вас, собственно, нет, – замявшись, ответил Савченко, – но она будет, как только вы согласитесь. Там в сценарии есть дьячок, вернее попик, сельский попик – к нему мальчишки приходят выменять йоду на сало. Скупой такой попик, прижимистый – капли йода даром не даст. Так вот, если вы согласитесь сниматься, мы сделаем из него женщину – он будет попадьей.

Марка, посвященная Фаине Георгиевне Раневской

– Ну, если вам не жаль оскопить человека, я согласна, – сказала Ф. Г., а затем добавила: – Но надо еще подумать,

посмотреть, попробовать.

– Верно, верно, – ухватился за ее слова Савченко, – вы совершенно правы! Надо попробовать. Приезжайте к нам на студию, здесь и разберемся.

На следующий день Раневская была в павильоне. Савченко предложил загримироваться – для пробы. Ф. Г. сделала это с удовольствием – попадья, каких она видела немало в Крыму и на Украине, была первой подобной ролью в ее биографии. По просьбе Ф. Г. попадья получила тощую косичку, которой уделяла в дальнейшем особое внимание.

Раневская вошла в павильон – здесь приготовили выгородку: угол комнаты в поповском доме с маленькими окнами, скамьей, клеткой с канарейками и отгороженным досками закутком для свиньи с поросятами – от них в павильоне стоял дух, как в свинарнике.

– Фаина Георгиевна, —попросил Савченко, —мы пока примеримся с аппаратурой, вы походите по комнате, поимпровизируйте, текста тут никакого нет. Просто попадья у себя дома – такой, скажем, кусок. Дайте свет, – распорядился он.

– И я, – рассказывает Ф. Г., – совершенно спокойно вошла в комнату, как в родной дом. Не знаю, почему так сразу отлично почувствовала себя преуспевающей попадьей, очень довольной жизнью. Подошла к птичкам, сунула к ним в клетку палец и засмеялась: «Рыбы мои золотые, все вы прыгаете и прыгаете, покою себе не даете». Наклонилась к поросятам и воскликнула: «Дети вы мои родные! Дети вы мои дорогие!» Поросята радостно захрюкали.

Осветители схватились за животы, а Савченко крикнул:

– Стоп! Достаточно! – и стал меня хвалить: – Это то, что мне нужно, чего не хватало фильму.

– Хорошо, – остановила я его. – К сожалению, я не волнуюсь только на репетиции, а на съемке умру со страху и, конечно же, так не сыграю, – и тяжело вздохнула: – Ну, давайте попробуем снимать.

В роли попадьи в фильме «Дума про казака Голоту»

– Снимать ничего не надо, – засмеялся Игорь Андреевич, – все уже снято!

– И знаете, что удивительно, – сказала Ф. Г., – эта первая проба, единственная, так и вошла в фильм – случай в кино, говорят, уникальный!..

Так какая же у нее судьба?

– Вы должны сейчас же рассказать мне все, что вы говорите обо мне, – сказала Ф. Г., когда я похвастал, что прочел о ней лекцию.

Лекция, как мне казалось, прошла удачно, слушали внимательно (это было занятие одного из университетов культуры), задавали вопросы, аплодировали фрагментам. Тема – «Работа Раневской в кино», но я немного говорил и о ролях, сыгранных в театре, о том, как Ф. Г. впервые пришла на сцену.

В ее первом контракте, который она подписала в 1915 году на зимний сезон, Раневская приглашалась в Керчь «на роли героинь-кокетт с пением и танцами». Антрепренерша обусловила плату – «35 рублей со своим гардеробом». Мне очень понравились эти формулировки, особенно если учесть, что «свой гардероб» умещался у дебютантки в одном чемоданчике.

– Откуда вы все это взяли? – к моему сообщению о лекции Ф.Г. отнеслась очень настороженно и допрашивала меня с придирчивостью экзаменатора, решившего провалить абитуриента.

Я назвал книгу, которую прочел, и добавил:

– Я видел все ваши фильмы, многие спектакли. Кроме того, о многом вы рассказали мне сами.

– Книга, которую вы прочитали, бредовая, путаная, и я не знаю, что вы там почерпнули. Кроме того, я ничего вам не рассказывала. Нет уж, давайте устраивайтесь поудобнее, – она указала мне кресло, – и прочитайте мне вашу лекцию. И не улыбайтесь – я уже слыхала об одном типе, халтурщике, которого я и в глаза никогда не видела, – как он где-то выступал с рассказом обо мне. А потом пошли возмущенные письма от слушателей, почему я разрешаю говорить подобные бредни. Нет уж, рассказывайте, рассказывайте, я должна знать все – от слова до слова.

Театр им. Моссовета, где Фаина Георгиевна играла в 1949-1955 и 1963-1984 гг.

Я чувствовал ее доброе отношение ко мне и понимал, что беспокойство и гнев Ф. Г. вызваны обостренным отношением ко всему, что касается ее творчества. Убедить ее, что я не похож на того типа, можно было бы, наверное, если бы я прочитал ту лекцию снова. Но я не мог этого сделать.

Я не актер, и задача повторить то, что я читал час назад, то есть сыграть, показалась мне непосильной. Кроме того, сразу

стало ясно, что сказанное в ее отсутствие я не могу произнести при ней. Все мои оценки прозвучали бы фальшиво, неуместно и неприятно, как неприкрытая, явная лесть.

И еще мешало одно обстоятельство: разговаривая со слушателем, я обычно воспринимаю его как человека, которого хотел бы обратить в свою веру, убедить в том, что Раневская чудная актриса, помочь ему увидеть грани ее таланта, рассказать о сочетании трагического и комического дара в одном лице. Убеждать в этом Ф. Г. было бы нелепо и смешно! А без такого стремления доказать, убедить мое сообщение делается аморфным и никому не нужным.

– Я говорил, что роль госпожи Луазо… – замямлил я и никак не мог избавиться от этого оборота – «я говорил, что»…

Но Ф. Г., к счастью, и не ждала от меня лекции. По мере довольно унылого изложения основных тезисов она успокаивалась, выражение подозрительности исчезло с ее лица. И вдруг произошел взрыв.

– А в заключение, – сказал я с облегчением, – я говорю, что Раневская прожила в кино яркую, интересную, счастливую жизнь. Она много сыграла, и, конечно, еще не раз мы увидим…

Глеб Скороходов – советский и российский писатель, драматург, журналист, автор этой книги

– Постойте, как вы говорите – счастливую?! – Ее брови сдвинулись, а глаза стали грозными, ястребиными, как на фотопробе Старицкой. – Счастливую?! Это у меня счастливая жизнь в кино? Да как у вас повернулся язык?! Счастливая?! Когда я столько раз снималась в дерьме, когда не сделала и половины того, что могла бы сделать?! Есть ли у меня в кино еще хоть одна роль на уровне «Мечты»? А сколько бы я могла сыграть! Где эти роли?! О каком счастье вы говорите?!!

– Вы не правы, – сказал я со всей твердостью, на какую был способен, – вы неправы. Вы можете быть не удовлетворены собой, но зритель знает вас по ролям, которые он любит…

– Зритель! Что понимает ваш зритель, кроме «Муля, не нервируй меня»!

– Это был не тот зритель. Такой зритель на лекцию не придет. Пришли люди после рабочего дня и слушали о вас и смотрели на вас в течение полутора часов. Вы можете говорить, что мало сделали в кино, но сегодня мы смотрели фрагменты из «Пышки», «Мечты», «Подкидыша» (Ф. Г. вздрогнула и поморщилась), да, «Подкидыша», где вы сыграли не просто жену-деспота, но и женщину, которая хотела быть матерью и страдает оттого, что лишена радости материнства, – не так уж мало! Затем чеховскую «Свадьбу», блестящую работу!

– Какое место? – спросила Ф. Г. уже тише.

– Самое лучшее – сцену за столом: «А ежели мы не образованные, чего же вы к нам ходите? Шли бы уж лучше к своим, образованным», и затем: «Приданое пустячное? Пожалуйста, взгляните, гости дорогие!»

– А как меня Абдулов адской смесью поит, не показывали? – уже почти спокойно спросила Ф. Г.

– Нет, это в другой части, – бросил я мимоходом. – Но вы посмотрели бы, как принимают зрители «Свадьбу» – смех, аплодисменты.

– Там актеры очень хорошие, – сказала Ф. Г. совсем миролюбиво.

В роли Настасьи Тимофеевны Жигаловой, матери невесты в фильме «Свадьба»

– Да, актеры, но в этой сцене ваша роль главная!

– Да? – удивилась Ф. Г. и вдруг улыбнулась. – Я, когда в «Человеке в футляре» снималась, решила говорить одну фразу Играла я жену инспектора гимназии – у Чехова она бессловесна. Фраза такая: «Я никогда не была красива, но постоянно была чертовски мила».

И вдруг она стала говорить, вспоминать еще и еще.

– Фаина Георгиевна, почему бы вам не написать обо всем этом? – спросил вдруг я.

– Вы хотите получить пособие для лекции? – улыбнулась она.

– Нет, по-моему, это было бы интересно.

– Вы так думаете? А я думаю иначе. «Писать мемуары – все равно, что показывать свои вставные зубы», – говорил Гейне. А я бы дала скорее себя распять, чем написала бы книгу «Сама о себе». Если зрители запомнят меня такой, какой видели на сцене и с экрана, больше ничего и не надо.

Театр на краю Москвы

В Камерном театре Раневская пробыла недолго. «Патетическую сонату», которую театровед А. В. Февральский отнес к ряду постановок Таирова, «получивших одобрение советского зрителя», вскоре сняли с репертуара. Раневской пришлось расстаться с Зинкой, принесшей ей известность среди московских театралов. Расставание это стало печальнее оттого, что в Камерном у Ф. Г. других ролей не было.

В это время ей предложили перейти в Театр Красной Армии (ТКА), посулив интересную работу. Желание играть заставило Раневскую бросить сцену знаменитой труппы и погнало в небольшой коллектив, не имевший шумного успеха, выступающий в далеко не театральном районе Москвы, на краю ее, близ Марьиной Рощи, еще сохранявшей в те годы недобрую славу. На решение Ф. Г. повлияло, и может быть, даже в первую очередь, то, что в ТКА играла П. Л. Вульф.

Раневская в роли Зинки в спектакле «Патетическая соната». 1931 г.

Алексей Дмитриевич Попов, пришедший в ТКА, мечтал здесь «создать лучший театр в Москве». Почти ежедневно он ходил на спектакли «текущего» репертуара.

В его обшитой зеленым коленкором тетрадке появляются

подробные записи.

Ф. Г. вспоминала беседы Попова с труппой, его блестящие разборы актерских работ, где он всегда представал удивительным рассказчиком.

Зеленая тетрадка хранится теперь в Центральном государственном архиве литературы и искусства. Вот он беседует с Раневской. В маленьком кабинете, украшенном длинным и узким трюмо – наследством института благородных девиц, они вдвоем. Разговор не был коротким – короткой стала его запись. Попов замечает: «Тяготение к трагедии».

Он попросил Ф. Г. рассказать о режиссерах, с которыми она работала, о том, как она готовит новые роли. Слушал внимательно, с очень серьезным лицом, одобрительно кивая. В конце своей записи он вывел в зеленой тетрадке длинное, занимающее почти целую строку слово: «Режиссероненавистничество».

А через два месяца Раневской, которую Попов позже назовет «великолепной актрисой», была поручена главная роль в пьесе А. М. Горького «Васса Железнова». Поставить спектакль предложили режиссеру Е. С. Телешевой.

Дом с бельэтажем

– Я предлагаю сходить на выставку персидской миниатюры, – сказала Ф. Г., – это в Музее восточных культур, недалеко от Никитских.

В музее оказалось тихо и пустынно. Контролерша, седая женщина в вязаной кофте «бурдового» цвета, узнала Ф. Г., заулыбалась, вышла навстречу.

Центральный академический театр Российской армии (до 1951 года – Центральный театр Красной армии, с 1951 по 1993 гг. – Центральный театр Советской армии)

– Товарищ Раневская, просим, просим вас, проходите!

– Немедленно купите билеты, – прошептала мне Ф. Г., что я и сделал, протянув рубль той же седой женщине, которая, громко восхищаясь «Подкидышем», оторвала мне два талончика из оберточной бумаги.

– Ну как же так? – оторопела она, получив эти талоны из рук Ф. Г. – Я же пригласила вас. Проходите бесплатно!

– Нет, дорогая, – сказала Ф. Г., – музеи – единственное место, где я непременно беру билеты. Иначе, как говорится, ваша антреприза прогорит!

Ф. Г. была права: антреприза восточных культур, видно, уже впала в кризис: плохо освещенные залы с экспонатами, затхлый воздух – чтобы не терять тепло, окна, очевидно, вообще никогда

не открывают.

– Ах, сюда бы Евдокию Клеме с моим «Вихрем». Этот пылесос всасывает не только очки и рецепты, но и мусор тоже, – вздохнула Ф. Г., увидев тканое панно, посеревшее от пыли.

Но в залах, где находилась выставка, было лучше – и светлее, и чище. Ф. Г. с увлечением стала рассматривать миниатюры, находя в них бесчисленные прелести – в линиях, красках, композициях и даже в коврах, на фоне которых застывшие женщины изображали танец живота для мужчины, курившего длинную трубку. «Это – чубук, – сообщила мне Ф. Г. – В Таганроге я много таких видела и однажды пробовала из него покурить, за что тут же получила от матери по губам».

Я кисло улыбнулся. Музей нисколько не увлек меня, я плелся за Ф. Г., выслушивая ее восторги. Впрочем, она быстро почувствовала мой настрой и взглянула в окно:

– Смотрите, только пять часов, а за окном уже темень. Нет, правильно говорят, славянам достались земли, когда все хорошие уже разобрали другие. Зимой в этой стране вообще нельзя жить – только проснешься, уже пора в постель.

И предложила ехать к ней ужинать. Я начал говорить, что завтра с утра на работу, а я еще не успел прочитать журнал с новыми рассказами, а послезавтра – запись, и нужно звонить режиссеру.

Государственный музей Востока, расположенный на Никитском бульваре, создан в 1918 г.

– Оставьте. Я предлагаю вам только поужинать вместе. Есть одной все равно что, пардон, срать вдвоем.

Удивительно, как она умела переключить настроение.

Почему-то вдруг стало весело, и, поймав машину, мы быстро добрались до Котельнической.

Отужинав, удобно уселись в изящных креслах с лебедиными шеями вместо ножек за столом той же породы («Натуральная карелка», – говорила не раз Ф. Г. с иронической гордостью) и закурили.

– «Вся семья вместе – душа на месте!» – улыбнулась она. – Были такие открытки в русском стиле с обязательным афоризмом, рожденным в фантазии идиота, ничего общего с фольклором не имеющей.

И продолжала:

– Я заметила, что персидская миниатюра не произвела на вас впечатления. Не собираюсь вас оправдывать, но вот что я думаю. В детстве нас многое впечатляет, иногда что-то случайно увиденное куда-то там западает, остается в подкорке, в подсознательном или еще где – не помню, как это определяют психологи, и Фройд тоже. Именно в детстве, может быть, даже раннем, когда ребенок – это в пословице подлинно народной говорится, – когда ребенок умещается не вдоль, а поперек скамьи. И потом через десятки лет, если мы сталкиваемся с чем-то, что незримо связано с впечатлениями детства, мы моментально настораживаемся, задумываемся, пытаемся разгадать, что нас заинтересовало. Я всегда боюсь обобщать и всегда нахально делаю это. Исхожу из собственного опыта.

В нашем городе жило много инородцев – так их называли – греков, турок, персов. И вот однажды все наше семейство пошло в гости к персу, очень богатому человеку, торговавшему нефтью, может быть, и добывавшему ее. Или он был турок? Нет, кажется, все-таки перс. Брат называл его «персюк». И потом, когда подали десерт, хозяин сказал: «Персики – дар Персии!»

Москва 30-х годов XX века

И я впервые установила связь между этими такими близкими словами и восхитилась этому И жена у него была, несомненно, персиянкой – такой, как у Степана Разина. «Обнял персиянки стан!» Талия у нее была узкая-узкая, как на миниатюрах, а брови сходились на переносице тонкой галкой, как у танцовщицы Тамары Ханум. Хотя Тамара считается звездой Узбекистана, не Персии. А на самом деле она – еврейка, умеющая готовить лучший плов в мире.

В детстве я ела отвратительно, оттого и была худенькая как тростинка. И тут, посидев немного со всеми за столом, я, несмотря на строгие взгляды родителей, стала кукситься, слезла со стула, пыталась уткнуться маме в колени и получила разрешение хозяина погулять по дому.

Вы не представляете, что это был за дом! Я не знаю, сохранился ли он? С бельэтажем, в который вела роскошная беломраморная лестница, с залом орехового дерева, огромным, в два этажа, окном длиною метров в сто, мне показалось оно гигантским, и через него – вид на сад с фонтаном, водоемом, плакучими ивами и белыми лебедями. Все сказочно! День был пасмурный, и зелень и цвет были, как на картинах Сомова, – будто чуть размытыми. Я залезала на деревянные антресоли, шла через анфиладу комнат, а потом свернула в сторону и оказалась в одной из них. Очень странной и таинственной. Окна в ней были задернуты тяжелыми шторами, сквозь них почти не пробивался свет.

Я заметила в углу на столике светящийся предмет, подошла к нему – это был эпидиаскоп, так, кажется, он назывался. Или стереоскоп, не помню. Туда вставлялись картинки, и, когда вы смотрели на них через два окошечка сразу двумя глазами, они становились и крупнее, и объемнее, – казалось, можно войти в них и все потрогать руками.

И вот тогда я заглянула в эти квадратики-окошки и увидела прекрасную женщину, обнаженную, лежащую в позе Венеры Джорджоне, но только в другом состоянии: голова ее чуть закинута, глаза прикрыты и рот сладостно дышит. Это теперь я понимаю, что наткнулась на хозяйскую порнографию. А тогда она поразила меня своей невиданностью и вместе с тем ожиданностью, будто я предчувствовала ее, знала о ее существование. Я помню, мне стало жарко, в висках застучало, но перестать смотреть и мысли не явилось.

Семья Фельдман

Я нажала рычажок – картинка сменилась: еще более роскошная женщина смотрела на меня. Потом – другое, два здания, гладко стенные, без окон, со стрельчатыми куполами. Только спустя мгновение я поняла, что это женские груди. А на следующем снимке увидела странный лес, деревья без листьев – скорее, лозняк над черным провалом. И все это– и лес, и черный провал – находилось меж двух лысых гор. Я долго рассматривала эту картинку, и когда поняла, что лысые горы – коленки женских

ног, страх охватил меня. Это было необъяснимое предчувствие беды.

Я стремглав выскочила из затемненной комнаты и побежала. В зале с окном-стеной остановилась: сообразила, что появиться за столом с глазами, полными слез, не могу. Постояла-постояла и вошла в столовую с будничным лицом и как раз к десерту

И потом не раз видела эти картинки во сне.

Так вот я и думаю: кто же может контролировать наши детские впечатления? А если вообще мы их сами выбираем? По собственной воле?

Ф. Г. встала, подошла к своему столику, тоже из «карелки», открыла маленький ящичек и достала оттуда несколько листочков:

– Я тут отыскала для вас еще несколько коротеньких моих заметок, давно написанных. Да-да, конечно, связанных с детством. Но то, что вам рассказала, записать никогда, наверное, не решусь, а то, что вы прочтете, я вам не рассказывала, а в свое время записала. Записала для Алеши Щеглова. Мне казалось: вот он вырастет, я все так же буду ему интересна, он захочет узнать обо мне то, что сейчас ребенком еще не понимает, а меня уже не будет. В жизни все, правда, оказалось по-другому: он стал взрослым, у него началась своя жизнь, и, хотя я еще жива, написанное много лет назад ему уже не нужно…

Талант всегда тянется к таланту и только посредственность остается равнодушной, а иногда даже враждебной к таланту

Вот эти тетрадные листочки в клеточку, исписанные красным карандашом. Они о другом, но и о том же: «Меня иногда спрашивают: «Как вы думаете, идти мне на сцену или в архитектурный институт?»…

Мысли тянутся к началу жизни – значит, жизнь подходит к концу. Попытаюсь взять у памяти все, что она сохранила, чтобы рассказать тебе, Алеша, как я стала актрисой.

Мне четыре года. В детскую входит бабушка, очень бледная, она говорит, что мама больна и что если мы, дети, будем шуметь и бегать по комнатам, мама умрет.

Мне делается страшно, и я начинаю громко плакать.

Потом я вхожу в комнату. В ней никого нет. На столе стоит ящик, очень красивый. Я заглядываю внутрь ящика – в нем спит мой новый братик.

Мне жаль брата, я начинаю плакать. Мне очень хочется посмотреть на свое лицо в зеркало. Я сдергиваю с зеркала простыню и начинаю себя рассматривать. И думаю: «Вот какое у меня лицо, когда я плачу оттого, что умер брат».

И мне уже не жаль брата, я перестаю плакать и думать об умершем.

Это был день, в который выяснилась моя профессия».

Фаня Фельдман с братом

По просьбе Ф. Г. я послал ей в Ленинград свою статью «Сатира не для эфира?» – ее напечатали вместе с моим портретом в пятом номере «Журналиста». Ф. Г. прислала в ответ письмо:

«Милый Глеб, извините за бумагу цвета тифозного испражнения. Простите невольную невежливость – мое долгое молчание. Кажется, у меня началась еще одна болезнь: «аграфия».

Не могу писать, но хочется быть вежливой, иначе Вы перестанете обучаться у меня хорошему тону Приходится с помощью письма благодарить Вас за отправку сигарет, за журнал с Вашей статьей, где Вы изображены со следами былой красоты!

Статья Ваша снисходительна. Вы об этом безобразии, которое претендует на остроумие, пишете мягко и деликатно (очевидно, иначе нельзя). С этими «добрыми утрами» надо бороться, как с клопами, тут нужен дуст. Умиляющуюся девицу и авторов надо бить по черепу тяжелым утюгом, но это недозволенный прием, к великому моему огорчению. Все эти радиобарышни, которые смеются счастливым детским смехом, порождают миллионы идиотов, а это уже народное бедствие. В общем, всех создателей «Веселых спутников» – под суд! «С добрым утром» – туда же, «В субботу вечером» – коленом под зад! «Хорошее настроение» – на лесозаготовки, где они бы встретились (бы!) с руководством Театра им. Моссовета и его главарем – маразмистом-затейником Завадским.

Мне уже давно хочется загримироваться пуделем, лечь под кровать и хватать за икры всех знакомых.

Представьте, я еще жива. Это небольшая удача для меня, так как в этом страшном, так называемом академическом театре и на этих площадях я должна еще сыграть 6 раз, а пупок болит от криков.

Обнимаю.

Ваша madame Собакевич, бывшая Раневская».

Связь времен

– Анна Андреевна была деликатнейший человек! Он терпела даже мою ненормативную лексику! – сказала Ф. Г. – Никогда не лицемерила, не делала вида, что мой мат ей претит. Только если я чересчур увлекалась – а такое в запале случалось, – мягко останавливала меня – не словом, а улыбкой, жестом.

Мне всегда было непонятно — люди стыдятся бедности и не

Был у нее такой жест – царственный, – Ф. Г. изобразила нечто очень плавное. – Я ей говорила: «Таким жестом английская королева приглашала любовников в свою спальню». Она очень смеялась.

А как Анна Андреевна носила вещи! Я поражалась: простая кофта, довольно грубой вязки, смотрелась на ней мантией, а шарф, покойно лежащий на груди, выглядел горностаевой опушкой. Я думаю, дело даже не в том, что находилось на ней, а в том, как она держалась, несла себя! Каждый чувствовал, что перед ним Ахматова. Поэт! Понимаете, о чем я?

– Да, понимаю, – ответил я. – И тоже почувствовал это.

– Что почувствовали? – изумилась Ф. Г. – Это невероятно! В следующий раз вы мне скажете, что присутствовали на коронации Александра Третьего, Освободителя, и я должна буду верить вам. – В голосе Ф. Г. звучали обреченные нотки. – Я одного не могу понять, откуда у вас эта скрытность: я столько раз говорила вам об Анне Андреевне, и вы ни разу не сказали, что видели ее. Ну как же так можно, голубчик?! Я что, уже вышла из доверия?

– Мне стыдно вспоминать об этом, – сказал я.

– Если человек способен испытывать чувство стыда – еще не все потеряно! Не тяните и рассказывайте!

Я рассказал Ф. Г., что, когда мне на факультете журналистики утвердили темой диссертации Михаила Кольцова, только что реабилитированного, Михаил Михайлович Кузнецов, прекрасный критик и литературовед, сказал мне: «Все книги Кольцова уничтожены. Может, что осталось в спецхране, посмотрите там, предварительно получив допуск. А главное, отыщите людей, которые Кольцова знали. И все записывайте! Без этого вашей работе – грош цена. Начнете с Бориса Ефимова, его родного брата, крокодильцев поищите, кто жив еще. Вот с Виктором Ардовым поговорите, он старый волк, наверняка многое знает».

– И вы пошли на Ордынку? – поторопила меня Ф. Г.

– Виктор Ефимович назначил там встречу для беседы. В его квартире – идти через длинную подворотню, деревянная дверь налево, и комнаты с низкими потолками и арочными сводами. Вы же там были?

Анна Ахматова

– Не раз. Не отвлекайтесь, что дальше?

– Виктор Ефимович рассказывал много и очень интересно – я еле успевал записывать. А потом вошла очень изящная женщина и сказала: «Витя, неплохо бы выпить чаю – ты уже уморил гостя!»

– Это была Ниночка Ольшевская, его жена, – сказала Ф. Г.

– Наверное. Когда она расставила на столе чашки, пирожные, сыр и еще что-то, она подошла к узкой двери, постучала в нее и

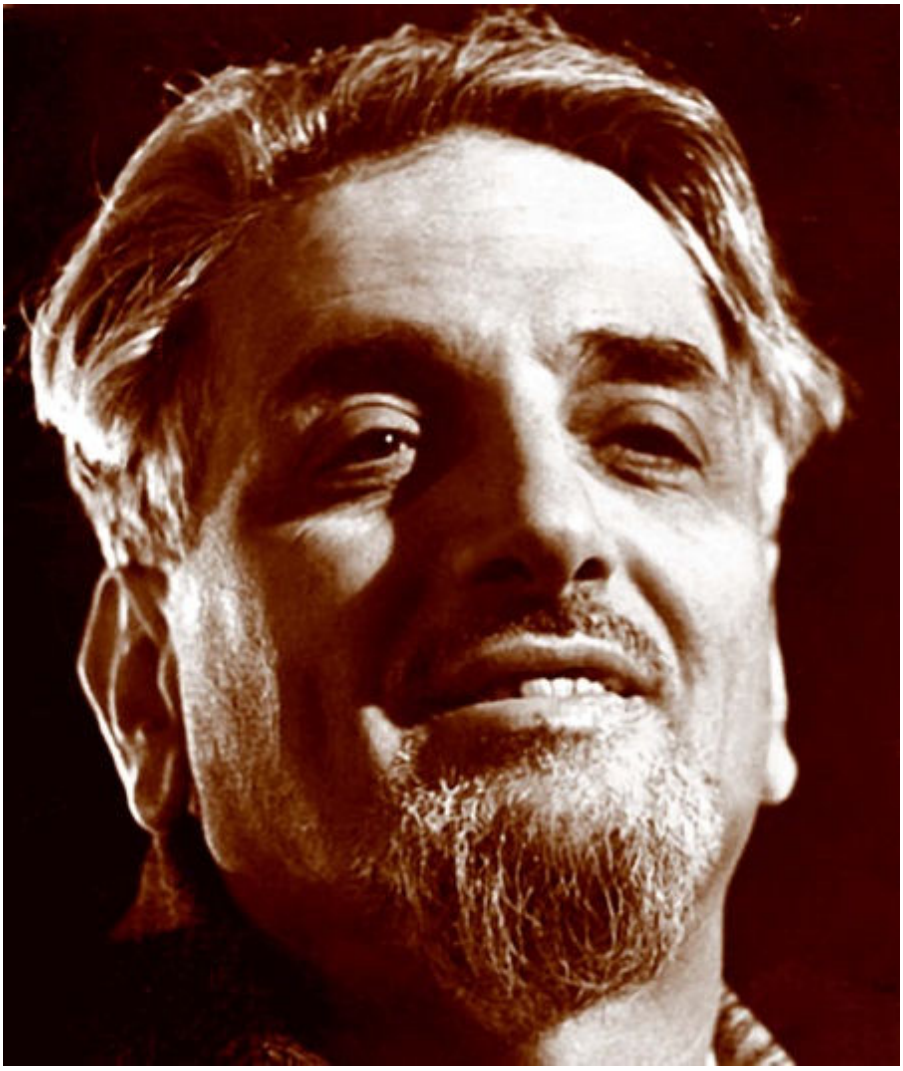
после «Да-да» распахнула: «Анна Андреевна, чаю не хотите ли?» И из узкой, как пенал, комнаты с одним окном вышла женщина точь-в-точь такая, какой вы сейчас ее описывали. С королевской осанкой. И длинным легким шарфом – он лежал на ее груди двумя параллельными линиями.

Меня представили ей. И я про себя изумился: «Ахматова! Та самая, что «блудница» из «кельи», – ничего другого, кроме этих слов идиотского постановления ПК о журналах «Звезда» и «Ленинград», я, к стыду своему, не знал. И не читал ни одного ее стихотворения. И главное – в те минуты не испытывал своей ущербности, смотрел на Ахматову с любопытством, как на живой экспонат, на иллюстрацию к недавнему прошлому.

– Боже, какой позор! И вы в то время уже закончили Московский университет! Ведь это когда-то было мерилом образованности! Вам хоть удалось скрыть свое невежество?

– А я вообще ничего не говорил. Это Анна Андреевна обратилась ко мне: «Вы так оживленно беседовали с Виктором Ефимовичем?», и Виктор Ефимович тут же стал рассказывать о Кольцове. А Анна Андреевна сказала мне: «К сожалению, я мало чем могу помочь вам».

– Обратила внимание на вас! – фиксировала Ф. Г..– Нет, это просто удивительно, как она легко шла на контакты с новыми лицами! Говорили, даже искала их. У меня никогда это не получалось. Ну и что дальше?



Виктор Ардов

– Она рассказала очень короткую историю, и я записал ее на всякий случай. В тот день на шее Анны Андреевны была еще и длинная цепочка, на ней часы, старинные, с серебряной крышкой, – такие в кино носят в кармане жилетки с цепочкой через живот. Она указала на них, говоря: «Михаил Ефимович, когда увидел эти часы, пришел в восторг, а я ему сказала: «Это наследство моего деда». «Счастливая, – грустно заметил он, – а я не знаю, был ли у меня дед…» Вот и все, но эти слова его мне запомнились».

– Хорошо! – сказала Ф. Г. и несколько раз повторила кольцовскую фразу: – Не знал. Да и знать нельзя было, – и спросила: – А больше ничего не запомнили?

– Нет, пошел общий разговор о юморе, о старых журналах, сатириконцах. Виктор Ефимович принес подшивку «Чудака», читал оттуда анекдоты, а Анна Андреевна посоветовала мне разыскать актрису Юреневу, которая хорошо знала Кольцова.

– Верочку? – Ф. Г. в удивлении хлопнула в ладоши. – Красавицу! И она еще жива? Вы нашли ее?

– Фаина Григорьевна, у меня тогда составился длинный список, с номерами телефонов, иногда только с адресами. И я с утра бегал по Москве, если повезет, встречаясь не с одним человеком.

– Ну а с Верочкой? Она, наверное, очень изменилась?

В роли Ляли в фильме «Подкидыш». 1939 г.

– Я был у нее в доме на Стромынке, напротив университетского общежития. Записал все, что она сказала. Если хотите, как-нибудь принесу.

– Нет, вы не понимаете, как удивительно все, что вы

рассказали! Жизнь наша складывается из каких-то периодов, отрезков, колеи. Они кончаются, мы возвращаемся к ним и забываем тех, с кем недавно общались. Живем другим. А там ведь, в прошлом, жизнь тоже продолжается. И вот приходите вы и сталкиваетесь с теми, кого я считала давно ушедшими. Это почти невероятно: связь времен будто и не распадалась!

От смешного до трагического

Было время, Ф. Г. вела дневник, изредка, но подробно писала о своих встречах с Пешковой, Щепкиной-Куперник, Качаловым, Эйзенштейном, Толстой, сохраняла письма, но потом при очередной чистке архива все уничтожалось. Это называлось «самоинквизицией» или «переоценкой ценностей».

Однажды, когда я приехал в Суханове, где отдыхала Ф. Г., я увидел на столике листы, исписанные ее крупным почерком (Ф. Г. писала размашисто, большими буквами, поэтому маленьких «тетрадных» листов не признавала).

В тот день мы долго бродили. Было солнечно, но холодно. Ф. Г. рассказывала о нравах отдыхающих, о дворце Суханова и его прежних обитателях. Ее взволновал рассказ о недавнем посещении дворца одним из его бывших владельцев – белым как лунь старичком, приехавшим взглянуть на родные пенаты.

– А теперь разрешите пройти в некрополь моих предков, – торжественно произнес потомок, надев по этому случаю свой лучший, конечно, черный костюм. В сопровождении несколько смущенной дирекции он направился к круглому зданию, увенчанному куполом, – семейному пантеону.

– Что у вас здесь? – остановился потомок, войдя в зал.

– Столовая, – улыбаясь, сообщила дирекция.

На месте могильных плит стояли столы, укрытые полиэтиленовыми саванами. В тусклом свете, пробивающемся сквозь купол, поблескивали приготовленные к обеду венки ножей, ложек и вилок.

– Я никогда не ем в этом зале, – сказала мне полушепотом Ф. Г.

Мы спустились к прудам. Здесь у воды трава была еще по-летнему зеленой. Ф. Г. рассказывала мне о своем детстве, о Таганроге, где она родилась, о странном доме с пятиугольными наклонными потолками – архитектор уверял, что все так и было задумано и он боролся с однообразием. Она вспоминала о первых шагах на сцене, о кровавых расправах в Крыму, о Ялте времен Гражданской войны, о первом крымском красном театре, где она работала.

Мавзолей в усадьбе Суханове В советское время был перестроен под столовую

– Вы пишете? – спросил вдруг я.

– Тсс! – Ф. Г. поднесла палеи к губам, как будто я сказал то, что никто не должен услышать, а потом кивнула с явным удовольствием, с каким дети сознаются в недозволенном, но увлекательном побеге в кино. – Да!

Однако в следующий приезд больших листов на ее столе я не увидел.

– А как воспоминания? – спросил я.

– Не спрашивайте об этом, – ответила Ф. Г. – Никому они не нужны, а я в роли мемуариста – фигура карикатурная.

Жаль. Книга была бы невероятно интересная.

Как-то, перебирая бумаги в одной из своих папок, Ф. Г. наткнулась на уцелевшую страничку воспоминаний о детстве. Она протянула ее мне:

– Посмотрите и, если найдете интересным, можете переписать. Это имеет какое-то отношение к моей работе.

«В пять лет я впервые почувствовала «смешное».

У ворот городского сада, куда няня водит меня гулять, останавливается щегольской экипаж. Из экипажа торжественно

выходит военный в блестящей парадной форме, в белых перчатках, деловито расплачивается с извозчиком, помогает выйти своей даме и маленькой девочке. Все они величаво входят в сад, где нет ни души. В том, что сад был пуст в сочетании с торжественным прибытием, я почувствовала комическое: приехали «себя показать», и никто не увидел…

С тех пор смешное я стала замечать почти в каждом, кто бывал у нас в доме. Мне стало нравиться замечать смешное, выискивать его – так определилась врожденная профессия. Этим я занимаюсь всю жизнь.

Дом в Таганроге, в котором прошло детство Фаины Фельдман

Помню себя в большой, пустой комнате только что отстроенного дома, куда семья наша должна была переселиться. Отец взглянул на потолок и обмер: потолки не были квадратными, обычными, они были косые, пятиугольные. Он стал бегать из комнаты в комнату, и всякий раз при виде перекошенного потолка глухо вскрикивал. Обежав квартиру, остановился перед уныло глядящим в пол архитектором – толстеньким рыжим человеком со вспухшими усами. Отец дико вращал глазами. Поймав его взгляд, архитектор сказал:

– Не ошибается тот, кто ничего не делает, – раскланялся и ушел.

Меня душил смех. И теперь, вспоминая дом, в котором я выросла, недоумеваю, почему никто в нашей большой семье над этим никогда не смеялся?»

«Страшны не деньги, а безденежье!»

– Настроение у меня сегодня – отвратительное, – встретила меня Ф. Г. – Хоть в петлю лезь. А кто виноват? Паспорт, конечно. Но его на скамью подсудимых не потащишь и годы вспять не повернешь. Я все чаще вспоминаю детство, а это признак, что жизнь катится к закату. Вот и заговорила я красиво – и это тоже плохо: осточертело все на свете, и моя ироничность в том числе.

Сидела с утра, как дура, уставясь в потолок, думала, как вернуть аванс в ВТО, и снова проклинала Ниночку, втянувшую меня в аферу. Ну, получила я деньги, а куда они ушли!

Евдокия Клеме каждый свой приход пишет записки о расходах. Вытащила сегодня эту пачку и, прежде чем спустить ее в мусоропровод, стала читать. Жаль, счетов у меня нет и арифмометр на юбилей никто не подарил – это я намекаю, – она улыбнулась. – Мне бы сесть за старинную кассу с никелированным бюстом, нажимать клавиши и крутить ручку. Там было такое окошко с надписью «уплочено» и большим указательным пальцем, – может быть, тогда стало бы ясно, сколько я трачу на жизнь.

В пьесе Н. Хикмета «Рассказ о Турции». 1955 г.

Откладывая один за другим листочки домработницы, Ф. Г. вела суровый подсчет.

– Итак, в январе месяце сего года я съела пять кило мяса, шесть кило рыбы, в один день 21 января, очевидно, в честь памяти Ленина, ушло кило ветчины: наверняка приходила Нателла, потому что на следующий день, 22-го, Евдокия Клеме вписала в счет еще кило ветчины, которую на этот раз съела я или вы тайно от меня.

– Ничего не тайно, – возразил я. – Вы сами сделали мне яичницу с ветчиной. Любящими руками, как вы сказали, и она оказалась необычайно вкусной.

– Любящими руками все вкусно, – подтвердила Ф. Г. – Но никогда не поверю, что вы уплели килограмм сразу!

Она протянула мне пачку листочков:

– Прошу вас, там, на кухне, откройте дверцу мусоропровода и бросьте их – туда им и дорога!

С одной причиной плохого настроения расправились, – сказала она удовлетворенно, – но что делать с деньгами, ума не приложу. Ненавижу их, хотя точно знаю: страшны не деньги, а безденежье.

Я тут недавно возликовала: телевизионщики захотели снять на пленку «Сэвидж». Весь спектакль! Боже, как хорошо! Это сколько съемочных дней наберется – в долговую яму меня не отправят! Стала мысленно делить шкуру неубитого медведя: прежде всего, верну аванс, долги, и, пожалуй, еще что-то останется.

Так нет же! Вчера после спектакля ко мне в уборную явились трое. И еще пришел оператор. С его лица не сходила улыбка. Я сначала улыбнулась ему в ответ, но потом поняла, как ужасно видеть постоянно улыбающегося человека, начинает казаться, что спектакль не кончился и я все еще в «Тихой обители».

Но диалог мой с дамами действительно дурдом. Я по три раза повторяла им одно и то же, они согласно кивали, оператор радостно улыбался, а разговор не двигался с места.

На улице вдоль ограды МГУ. Москва, 1959 г.

– Вы нас и не почувствуете, – уверяла режиссерша. – Мы снимем спектакль тремя камерами за один вечер! Вам ничего не придется менять.

– Так это и ужасно! – твердила я в десятый раз. – Артист не может на телевидении, где все сидят в первом ряду, играть так же, как в театре, – для зрителей и амфитеатра, и бельэтажа, и балкона.

– Я умею снимать комедии, – вставился, наконец, оператор. По-моему, он исхитрился улыбнуться еще шире.

– Голубчик, дело не в вашем умении! – у меня не было уже слов. – Мы играем наш трагифарс на сцене. На телевидении все это станет вампукой.

– Но нам нужна реакция зала, – настаивала партикулярная дама.

Ну что вы тут скажете!

– А может быть, стоит попробовать? – Мне очень хотелось, чтобы «Сэвидж» появилась на экране. – Если мы увидим зал, зрителей, ложи, то возникнут другие правила игры, мы поймем, что мы не в кино, а в театре!

– И вы туда же! – возмутилась Ф. Г. – Я думала, что разговариваю с профессиональным человеком, ведь вы слыхали, конечно, о таком понятии, как посыл. Имеющий уши да услышит! Когда я читала у вас в маленькой студии ардовский рассказ, я делала это для кого-то, кто сидел рядом, на месте микрофона. Вы потом наложили смех, эту идиотку с визгливыми всхлипываниями, аплодисменты, да, да, появилась атмосфера, но посыл остался тот же: не на зал, а на собеседника.

Но я гнул свое:

– Райкин, которого мы всегда снимали на публике, настоял однажды на чистом, студийном варианте и пришел в ужас: все падало в пустое пространство, становилось менее смешным или не смешным вовсе. Он сам признался, что ему, привыкшему к реакции зала, играть было во сто крат труднее.

Сцена из спектакля «Странная миссис Сэвидж»

– Райкин – актер с большой буквы. Спектакль на радио и срежиссировать надо по-иному, и сценический ритм поменять. Райкин не мог не почувствовать это.

А дамы, потупив взор, признались:

– Снимать в студии мы не можем – нет денег.

Из меня сразу вышел весь запал. Однажды то ли в Гаграх, то ли в Сухуме – тогда врачи мне еще не запрещали юг, – две грузинки на пляже жаловались мне на безнравственность своей подруги.

– Так она просто блядь! – авторитетно заявила я.

– Нет, нет! – завопили они. – Но она соглашается за три рубля, понимаешь?!

Телевизионщикам я не показала своих рухнувших надежд, но

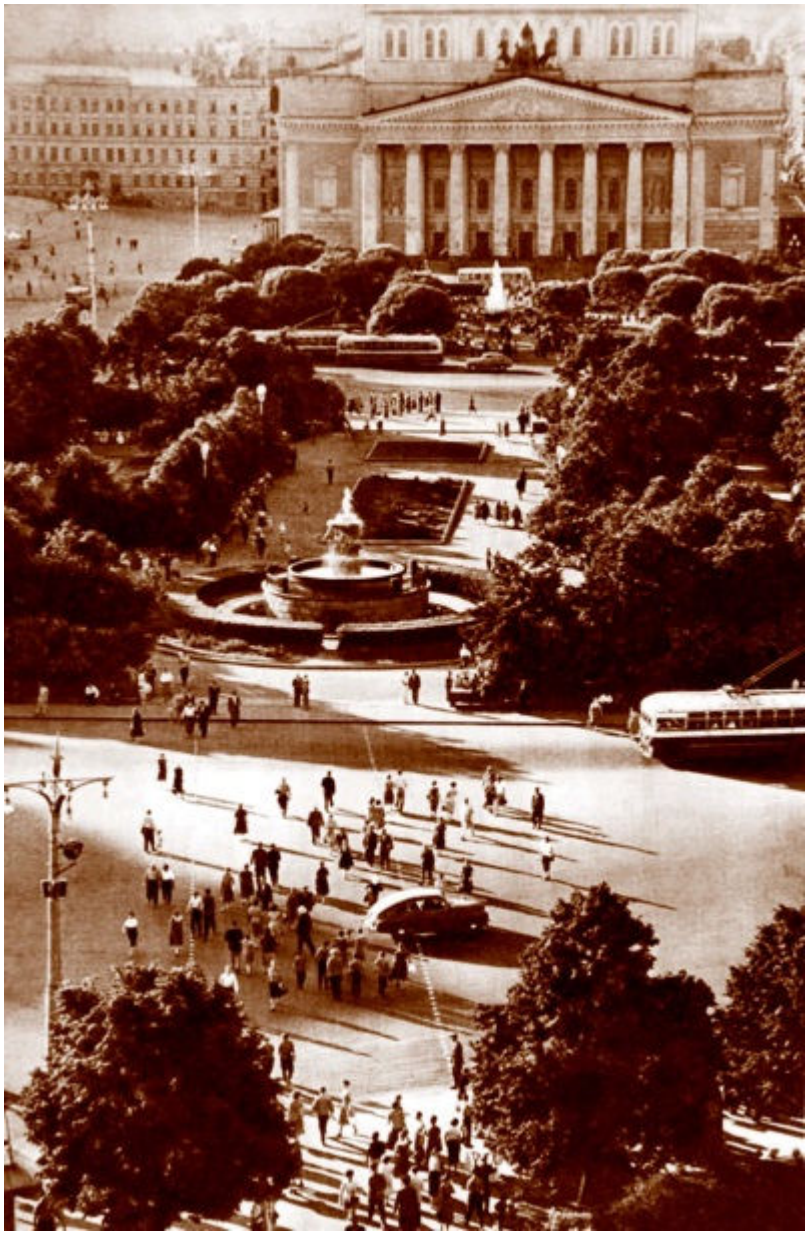
за три рубля я не соглашусь ни при каких условиях.

Из другой оперы

– Вчера заезжал Миша, подарил страшный укор – свою книжку, – протянула мне Ф. Г. увесистый том в супере, – и надписал его.

– «Любимой Фаине Георгиевне Раневской. Дорогому другу, товарищу и бесконечно талантливой (образцово-показательной) актрисе. Я работаю (во всяком случае, всегда стараюсь) с оглядкой на Вас: а как и что здесь сделала бы Раневская? Всегда Ваш! Мих. Жаров. 27/Ш—67. Москва», – прочел я и сказал: – Странно, не знал, что Жаров ваш друг и товарищ: вы и не вспоминаете его, а тут такие слова!

– Во-первых, не надо всерьез воспринимать автографы, даже если они сделаны заранее, дома. Особенно типа «всегда ваш», – Ф. Г. была настроена серьезно. – Я сама видела, как в Доме литераторов бездарь раздала штук триста своих книг и на каждой написала «С любовью и от всего сердца», а и сердце, и способность любить потеряла, как только заняла в своем Союзе высокий пост.



Москва в 1960-е гг.

Во-вторых, с Мишей у меня связана не только «Патетическая» в Камерном. Хорошо, что никогда не придется дарить ему мою книгу – написать на ней «с любовью» рука бы не повернулась. Не потому, что он плохой человек. Хитрый – да. Способный на коварство – да, хоть и привык в жизни к амплуа «души общества».

На меня у него давний зуб. Разве в этой вчерашней надписи – «образцово-показательная» – не чувствуется ухмылка?

Я удивляюсь, как вы, киновед, не слышали о сталинской оценке Жарова?! Я наверняка говорила вам о ней – вы не записали сразу, вот и забыли.

Это случилось сразу после второй серии «Ивана». Эйзенштейна и Черкасова Сталин вызвал на ковер – в Кремль, конечно, и очень поздно – после полуночи. Сергей Михайлович позвонил мне в четвертом часу, когда приехал оттуда, – я только задремала. Голос грустный, осевший, я даже удивилась:

– Сергей Михайлович, вы? Что-нибудь нехорошее?

– В каждой грустной истории, Фаина, можно найти и забавное, и приятное, – сказал он. – Меня сейчас раздолбал в Кремле вождь народов. Ему все не понравилось: и концепция не та, и историю я исказил, и Жаров-Малюта у меня не защитник царя, а ряженый, мол, во всех ролях он одинаковый. И тут я услышал единственную приятную вещь: «Раневская, в каких бы ролях ни появлялась, всегда разная. Она настоящая актриса». Так и сказал.

– Ну, а что же будет с фильмом? – заволновалась я.

– Вторую серию придется похоронить. Тихо, без катафалка, факельщиков и оркестра, – ответил Сергей Михайлович.

Он ошибся: из похорон второй серии устроили шумное аутодафе, выпустили постановление, и вся критика что есть мочи трубила об ошибках режиссера. А я от сталинских слов ликования не испытала, да и ликовать на похоронах – не в моем стиле.

Пробы на роль боярыни Ефросиньи Старицкой в кинокартине Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный»

До Миши, конечно, дошли все оценки, но с ним мы никогда об этом не говорили. А тут вдруг Александр Михайлович Файнциммер присылает мне сценарий комедии «Девушка с

гитарой». Я у него снималась не раз, и, кажется, неплохо, вы знаете мою Тапершу из «Котовского» и фрау Вурст из «У них есть Родина». Но комедий, тем более музыкальных, он не делал. Мне он сказал:

– Роль написана специально для вас, по моему заказу. И партнер ваш – Слава Плятт.

Прочитала сценарий, звоню ему:

– Саша, вы прислали полуфабрикат. Главная роль для девочки – он пригласил Гурченко после ее успеха в «Карнавальной ночи» – слабая, ей, как и нам, делать нечего. Нет комедийного решения характеров. Мы что, со Славой будем играть продолжение неудачного романа из «Весны»? Понимаете, в этом сценарии все вторично.

Уговаривал он меня не меньше часа, уверял, что в режиссерской разработке многое придумал, что из полуфабриката сделает конфетку.

И я, дура, поверила ему. Мы снимали в пятьдесят седьмом, а у него все в традициях сталинского кино. Гигантский магазин пластинок с танцевальным залом в колоннах, огромный кабинет директора с фантастическими окнами, ледяное ревю, в котором профессионалок выдают за самодеятельность. Фальшь на каждом шагу. Саша на этот раз работал на чужих огородах, хотел снять урожай с грядок, где ничего не сеял. Конфетки не получилось.

С Михаилом Жаровым в фильме «Девушка с гитарой»

Я же просто вывалилась из фильма. Плятт сниматься не смог, пригласили Жарова. И вот уж он ни на йоту не сверялся со мной. Я в одну дуду, он в другую. Старалась сделать гротесковый характер, то есть на десяток градусов выше обыденного. А он – весь в быту, все мельчил, ничего крупного.

Пока шли съемки, я металась, злилась, все-таки надеялась, а вдруг что-то выйдет: в кино, случается, и один в поле воин. Не вышло – я там из другой оперы. Вспомнить стыдно. Благодарю Бога, что фильм в прокате провалился и его быстро забыли.

Орлова на Дорхимзаводе

– Ваша мама, милая Гута Борисовна, вчера сказала мне, что вы поехали читать лекцию от Бюро пропаганды. Что на этот раз вы пропагандировали?

– Комедии Александрова тридцатых годов. Между прочим, там выступала и Орлова!

– Любочка?! Какая она смелая женщина! Комедии тридцатых, а Орлова шестидесятых! И как? Впрочем, выглядит она отлично. И никто не скажет, сколько ей лет. Она вообще гениальна: когда выдавали паспорта в начале тех же тридцатых, никаких документов не требовали – можно было назвать любую дату рождения и любое имя тоже – тогда и появились самозваные Леониды Утесовы и Веры Малиновские, была такая писаная красавица, в кино снималась. Так Любочка не растерялась и сразу скостила себе десяток лет! Это я, идиотка, все колебалась: стоит ли? Потом подсчитала, что два года я все же провела на курортах, а курорты, как говорят, не в счет, так и появилась в моем паспорте новая дата рождения: вместо 1895-го 1897-й. И только! До сих пор не могу себе простить такого легкомыслия! А что Любочка вчера делала?

– Рассказывала о съемках «Волги-Волги», «Светлого пути».

– Дурацкая картина. Только Александров мог заставить свою жену работать на ста двадцати станках и бороться в кинокомедии с врагом народа – ловить кулака, поджигающего ткацкую фабрику! Спичкой! Зачем? Большего абсурда я в своей жизни не видела! А про «Цирк» она не говорила? Удивительный она все-таки человек. Другая бы на ее месте только об этом и трубила – «Подвиг актрисы. Так поступают советские люди!». А она молчит. И вы этого не знаете? Мне кажется, вы должны непременно включить этот эпизод в свои лекции.

Любовь Орлова

В первоначальном варианте «Цирка» номера на пушке не было. Любочка делала на ней несколько батманов и арабесков на пуантах, конечно, – она же училась в школе у знаменитой Франчески Беаты, – а потом опускалась в жерло. Когда Григорий Васильевич начал монтировать картину, он почувствовал, что «Полет на луну» получается бледным, и договорился с Дунаевским и Галей Шаховской – это балетмейстер, чтобы они сделали для Любочки ударный номер с песенкой, чечеткой, джазом. А снимали «Цирк» на «Кодаке». Черно-белом, но «Кодаке» – за валюту! Своя пленка была полным говном: на ней можно было раз снять, а потом переснимать дважды – себе дороже обойдется! Гриша на «Цирке» свой лимит уже съел и попросил

Любочку перед съемкой:

– Любовь Петровна, пленки у нас только на один дубль. Сделайте так, чтобы мы за раз сняли.

Любочка репетировала раз двадцать – фонограмму (там Цфасман блистательно на рояле играет!) гоняли чуть ли не до Дыр.

Наконец все готово. А для съемки соорудили новую пушку – коротышку в полметра, ровно столько, сколько входит в кадр, жерло закупорили толстым стеклом, по которому Любочка бьет чечетку, а для того чтобы оно светилось, снизу поставили диг – прожектор такой. И вот Александров командует: «Свет! Мотор! Фонограмма!» Любочка сбрасывает с себя накидку – «Але-ап!» и начинает петь. А пока она пела и каблучками стучала по стеклу, пушка от прожектора так раскалилась, что, когда Любочка села на нее, она оказалась как на горячей сковородке. И представьте себе, ни один мускул не дрогнул на ее лице! Она допела песню, а после съемки ее увезли в больницу с ожогом третьей степени! На две недели!

– Потрясающе! Но Любовь Петровна никогда не рассказывает ничего, кроме того, как она работала над ролью.

– И напрасно! Я, правда, не знаю, перед кем вы выступали, может быть, аудитория была не та? Но ведь эта история – не из разряда надоевших баек, как снимают пляж, когда идет снег?

– Конечно. Выступали мы в клубе Дорхимзавода, – сказал я, – на набережной за Киевским, почти у самого железнодорожного моста. Старый такой клуб, на втором этаже. И народу было – кот наплакал. Администраторша все извинялась – май, мол, пятница, люди все на дачи после работы торопятся. Как будто клуб не завода, а дачного треста.

Знаменитый танец Орловой на пушке в фильме «Цирк» закончился для актрисы ожогом третьей степени

– Хоть заплатили хорошо? – спросила Ф. Г.

– Смеетесь! Вот прочтите записочку – это Любовь Петровна написала нашей редакторше: «Дорогая Елена Ильинична! В прошлый раз мне заплатили за выступление 14 руб. 50 коп. Тогда как моя ставка, утвержденная Министерством культуры, – 27 руб. Прошу Вас произвести перерасчет и выплатить мне неполученное. Моя ставка предусматривает надбавку за мастерство и народность. С уважением Любовь Орлова».

– Боже мой, какой стыд, – всплеснула руками Ф. Г. – Народная СССР тащится на край Москвы в занюханный клуб, где еле собираются две с половиной калеки, чтобы получить жалкие гроши! Да еще униженно просит о доплате, когда ее откровенно надувают. Нет, Чехов – вечен. Только тут не хватило, чтобы из Любочкиной ставки вычли за пользование зеркалом, у которого она гримировалась, за туалет, за амортизацию рояля, на который оперлась. Это ужасно! Вот почему я отказываюсь от всяких «творческих вечеров» и выступлений. У нас с актерами скоро будут расплачиваться чечевичной похлебкой!.. А Любочка, видно, опять без денег. Ее бездарь, Гришка, сколько лет ничего не делает, сидит на ее шее. И тоже народный. Нет, сил моих больше нет. Просто хочется взять автомат и стрелять всех подряд.

Через три-четыре дня Ф. Г. сказала:

– Я все думала об этой вашей лекции на заводе фановых труб и бедной Любочке. Вы нашли, что она и сегодня хорошо выглядит, но вы не представляете, какой она была. От нее глаз нельзя было отвести. Естественный румянец, нежная кожа, глаза такой голубизны, что, заглянув в них, проваливаешься в бездну. А фигура, ножки – сама гармония. И порода, порода во всем. По отцу Любочка из старинного дворянского рода Орловых, по матери – из графского рода Сухомлиных, родственного клану Толстых, и Лев Николаевич подарил Любочке в ее детстве своего «Кавказского пленника» с трогательным автографом. Ни о книжке этой, ни о своем происхождении Любочка, разумеется, никому не говорила: вы знаете, как поступала власть с дворянами, а ее родители, кажется, еще в тридцатые годы были живы.

От нее глаз нельзя было отвести. Естественный румянец, нежная кожа, глаза такой голубизны, что, заглянув в них, проваливаешься в бездну

Я познакомилась с ней на «Мосфильме». Боже мой, когда же это было, если я снималась еще в немом кино! – Ф. Г. засмеялась. – А что, скажи вот так: «Я снималась еще в немом кино», и сразу подумают, что мне сто лет. Мы встретились ночью в коридоре студии – я в костюме госпожи Луазо из «Пышки», она – в платье Грушеньки из «Петербургской ночи». Потом я сходила

на ее «Периколу» к Немировичу, она тоже посмотрела что-то мое, кажется, мою очередную проститутку из «Патетической сонаты» – на проституток в ту пору мне везло. И потом на той же студии, в этом жутком недостроенном сарае, который назывался гордо «Кинокомбинатом», обратилась ко мне с самой необычной просьбой. Представьте себе: повсюду строительный мусор, воняет известкой и сырой штукатуркой, вместо скамеек – штабеля свежеоструганных досок, одна ярчайшая лампочка под потолком, вся в подтеках побелки, и среди всего этого Любочка:

– Я умоляю вас, будьте моей феей!

– Кем-кем? – не поняла я.

– Моей доброй феей! – повторила она ангельским голосом.

– Ну, уж тогда скорее добрым феем, – не удержалась я от остроты. Но Любочка была очень серьезна:

– Фаиныш, клянусь, как вы скажете, так и будет. Сейчас решается моя судьба: мне предлагают большую роль в музыкальном фильме. Согласиться – значит бросить театр: на съемки уйдет не меньше года. Я жду вашего решения.

Я недолго думала:

– Сейчас вами любуются ваши близкие и зрители одного театра. Когда вы уйдете в кино, вами будут восхищаться все. Поверьте опыту моих театральных героинь. Я серьезно благословляю вас и не сомневаюсь в успехе.

Звездная пара советского кинематографа Григорий Александров и Любовь Орлова

А решать Любочке пришлось многое. Бросать театр, где она пользовалась покровительством Владимира Ивановича Немировича. Расставаться с человеком, с которым прожила не один год. Я была в их квартире – это номер «люкс» в «Национале», что снимал немецкий концессионер. Тогда я впервые увидела ее коллекцию хрусталя. Любочка собирала уникальные вазы, бокалы, ладьи, рога, предметы, назначение которых мне осталось неизвестным, сверкавшие, поверьте, загадочным светом: хозяйка умела все это по-особому расставить и осветить. И концессионер одобрял это увлечение и дарил Любе только хрустальные вещи. Она уже встретилась с Григорием Васильевичем, который стал к тому времени не Мормоненко, а Александровым, сотрудником Эйзенштейна, главой молодой семьи и отцом сына, названного в честь знаменитой кинозвезды Фэрбенкса Дугласом. И ему тоже пришлось заняться тем, с чем никогда прежде не имел дела, – музыкальной комедией.

Они любили друг друга. Поселились в маленькой комнате,

куда Любочка вывезла весь свой хрусталь, и начали новую жизнь.

Я впервые снялась у них только после войны – в «Весне». Была безумно благодарна им, что они взяли меня на съемки, что шли в Праге, на «Баррандове» – бывшей немецкой студии, филиале УФА. Тогда ее хотели превратить в филиал «Мосфильма», оснащенный самой лучшей техникой и роскошными павильонами. В одном из них Любочка плясала свои «Журчат ручьи» на зеркальном полу, что остался еще от «Девушки моей мечты» и чечетки Марики Рекк.

Тогда я впервые попала за границу – повидала брата, с которым не виделась почти тридцать лет. Между прочим, Любочка тогда тоже впервые была за рубежом, а все эти разговоры о ее многочисленных поездках в Америку для подтяжек, пересадок яичников – выдумки обывателей. Орлова всю жизнь держала себя в форме. Ежедневно с утра – гимнастика, занятия у станка. В той же «Весне» она свободно стоит на пуантах! Я могла только завидовать ей.

Фаина Раневская и Любовь Орлова в фильме «Весна»

А в Москве, где снова продолжались съемки в ледяных мосфильмовских павильонах, я нарисовала для Любочки «картину», изобразила себя Маргаритой Львовной, но в валенках, ушанке, дрожащую от холода, написала какую-то глупость, которую Любочка демонстрирует своим гостям, но подписалась с намеком – «Ваш Фей». Успех «Весна» имела необыкновенный!

Вообще образ жизни они ведут уединенный. Им никто не нужен. Удивительно, да? Даже сына Григория Васильевича, этого

Дугласа, которого все зовут Васей, она отвадила от дома. Причина какая-то была: то ли Дуглас, когда никого не было, устроил там пьянку, то ли еще что-то. Да и гости у Любочки – редкое явление. И обычно не друзья (я не знаю, есть ли друзья у них?), а нужные люди. Знаете, из тех, что, когда хозяйка отлучится на кухню, переворачивают тарелки и, видя на днище царский герб или знак Кузнецова, тычут в эту геральдику пальцем и удовлетворенно цокают языком! Я сама видела – была раза два в их числе, – по-моему, в качестве аттракциона для пищеварения.

Но тут я недавно вспомнила ситуацию анекдотическую – схватку гигантов. И смешную, и грустную. Когда Любочка жила в доме на улице Немировича-Данченко, она всегда после ужина водила своих гостей к Сереже Образцову. Чай – его страсть, он привозит его из всех стран, где бывает, какие-то особые сорта: королевские, с жасмином, с травами, лепестками розы, с марихуаной. В общем, все самое изысканное и по особым рецептам и в особой посуде завариваемое. В первый раз он встретил гостей Орловой не без приязненности. Они пили, восхищались, хвалили, рассматривая заодно и механические игрушки Образцова. Во второй раз восторга стало меньше. А в третий Сережа уже сам привел к Любочке своих гостей:

– Дорогая, мои гости столько наслышаны о твоем хрустале, что хотели хоть глазком взглянуть на него, а заодно и чайку попить из твоего кузнецовского фарфора!

Говорят, на этом обмен гостями закончился навсегда.

Григорий Александров и Любовь Орлова у себя дома. Фото

1960-х гг.

Мне грустно говорить об этом, но Любочка очень изменилась. Человечески. Нет, они по-прежнему дружны. Она ему —«Гришенька», он ей – «Чарли» только в узком кругу. На людях – «Григорий Васильевич», «Любовь Петровна». И всегда неизменно на «вы». Но после «Встречи на Эльбе», где я играла эту американку из «Крокодила», мы все дальше отходим друг от друга. Да, на том фильме они очень плохо поступили с Дунаевским, милейшим человеком, несмотря на его еврейский кобелизм. Отказали ему от совместного творчества, никак не объяснив это, – ни словом, ни звонком. И это после того, как они дуэтом трубили о своей любви к «лучшему композитору».

Но не это повлияло на меня. Наверное, прежде всего – их холодность. Я все чаше убеждаюсь, что Орлова стала типичной буржуазкой. С соответствующими интересами вокруг дачи, тряпья, косметики. И она, видно, чувствует мое отношение, хотя я теперь молчу как рыба.

Это после «Весны» я имела глупость высказаться: «Орлова – превосходная актриса, на съемочной площадке она – образец дисциплинированности и демократизма. Одно плохо – ее голос. Когда она поет, кажется, будто кто-то писает в пустой таз».

Григорий Васильевич еще позвонил мне, когда затеял этот свой шедевр – «Русский сувенир»:

– Фаиночка, для тебя есть чудная роль – сплошная эксцентрика. Ты сыграешь бабушку Любочки.

– Гриша, побойся Бога, – не удержалась я. – Мы же с Любочкой ровесницы! Ты подумал, сколько лет должно быть Любочкиной бабушке, доживи она до наших дней!

– Нет, это случиться могло только со мной! Что делать мне, скажите?

Ф. Г. была не на шутку взволнованна. Она с остервенением листала журнал, как будто намеревалась вырвать из него каждую страницу. Не добившись успеха, бросила журнал в угол.

Орлова и Раневская на сцене театра Моссовета

– Я просто теряю голову. Как же можно так поступать с уважаемыми людьми? Он – профессор, ездит читать лекции в крупнейшие столицы мира – Рим, Лондон, Стокгольм. Крупнейший специалист по античному искусству – с мировым именем, исключительный человек, ну, интеллигент от мизинца до кончика волос. Такая же его жена – я переписываюсь с ней. Она тоже живет в Париже, была подругой моей покойной сестры. И вот эта дама сообщает, что ее супруг получил приглашение в Москву и на днях они выезжают. Приглашение пришло от Пушкинского музея, с которым профессор имел длительную переписку…

И представьте себе, я, как будто почувствовав недоброе, решила позвонить в музей – узнать, как они собираются принимать чету.

– Мы ничего не знаем, – отвечают в музее. – Вы с ними переписываетесь, вот они, видно, к вам и едут.

– Но ведь было приглашение от вас! – пытаюсь вставить я.

– Никакого приглашения мы не посылали!

Как вам это нравится? Я говорю с директоршей, она поднимает всю переписку, проверяет документы в Министерстве культуры – ничего нет.

– Последнее письмо, – говорит директорша, – мы послали в апреле, там есть, правда, фраза: «Очень будем рады видеть вас с супругой у нас в музее, в Москве. Нам была бы очень полезна ваша консультация», – но никакой официальной бумаги мы не посылали.

– Позвольте, – взываю я. – Да как же получается? «Очень будем рады видеть вас у нас» – да разве по-другому интеллигентные люди зовут в гости?! Разве это не приглашение?

– Нет, это просто письмо. Приглашение посылается на бланке и с печатью! И конечно, после согласования с министерством.

Московские афиши 60-х годов XX века

Что я могла сказать? Старики со дня на день выедут в Москву – ему 79 лет, ей – немного меньше. Что они будут делать в незнакомом городе? Ну, она еще помнит русский и может объясниться, но где они найдут ночлег? Взять их к себе? Вы-то видите, как я живу, – могу ли я принимать в этих двух комнатках профессора с женой, уложив их на одну тахту? А-а, да плевать на это, но ведь с двадцатого мая у меня десятидневные гастроли в Ленинграде, а вдруг они приедут именно в эти дни? Я не знаю, что делать, что делать?..

Короткие истории

Вот несколько коротеньких историй, рассказанных Ф. Г., – историй, свидетелем которых она была, или случившихся с нею, или просто где-то услышанных, но запомнившихся надолго.

* * *

На Тверском Ф. Г. встретила знакомого.

– Фаина Георгиевна! – воскликнул он. – Вы чудесно выглядите!

– Я симулирую здоровье, – ответила она.

– Да что вы! У вас такой чудный румянец! Но она не сдавалась:

– Оставьте, какой же это румянец? Это чудеса науки и техники – румянец из Парижа.

* * *

Обо мне – своим знакомым:

– Я его усыновила, а он меня уматерил.

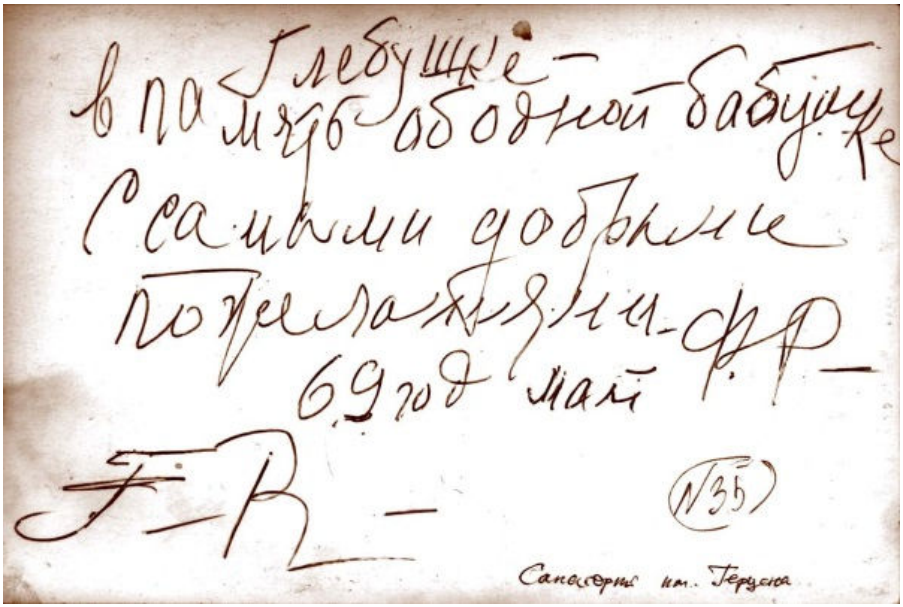
* * *

Когда моя сестра решила переехать из Парижа в Москву – это было в пятидесятых годах, – я прислала ей письмо. Работ

ник посольства, выдававший ей визу, рассказывал, что накануне отъезда сестра пришла к нему и отказалась от поездки.

– Почему? – спросили ее.

– Я не могу ехать, – ответила она. – Моя сестра в Москве сошла с ума. Смотрите, что она пишет: «Ни о чем не волнуйся, приезжай, площадь для тебя есть». Зачем мне площадь? Что я, памятник? Нет, она явно не в себе.



Подпись Фаины Георгиевны на оборотной стороне фотографии для Глеба Скороходова

* * *

На улице, у театрального подъезда, после окончания спектакля. Муж, оборачиваясь к уныло плетущейся сзади жене:

– А все ты, блядь: «Пойдем в театр, пойдем в театр!»

– Вот лучшая рецензия! – добавляет Ф. Г.

* * *

Говорили о современных писателях.

– Они мне напоминают торговку «счастьем», которую я видела в Петербурге, – сказала Ф. Г. – Толстая баба стояла с попугаем, восседающим на жердочке над квадратиками бумажного счастья. Баба кричала: «На любой интересующий вопрос моя попка вам быстро дает желающий ответ».

В цирке на Цветном

– Кстати, вы любите цирк? – спросила Ф. Г. неожиданно.

– Люблю, – ответил я. – Но почему «кстати»?

– Я вспомнила, мы говорили с вами о «Девушке с гитарой» и я не сказала о единственном человеке, который оказался там на месте – Юрии Никулине. Его пиротехника запомнили все, а ведь это был дебют!

Он большой артист и вот о чем заставил меня думать. Фраза «каждый комик мечтает о Гамлете» давно стала общим местом, но смысла не утратила. Настоящие клоуны всегда со вторым планом, не обязательно смешным. Иногда он скрыт, иногда виден всем.

В фильме «Деревья умирают стоя»

Я никогда не забуду Чаплина в финале «Огней большого города». Помните, он выходит из тюрьмы, оборванный, в кургузом пиджачке, и вдруг застывает: в витрине цветочного магазина – его любимая. Он помог ей вернуть зрение, но она его никогда не видела, и только протянув ему цветок, на ощупь, по руке, понимает, кто перед ней.

– Теперь вы видите? – спрашивает Чаплин, и в его глазах тысяча чувств: смущение – жизнь не сложилась, стеснение – он не

такой, каким его представляла любимая, опасение прочесть разочарование на ее лице, страх потерять любовь и желание любить. И еще, и еще – вон сколько слов я уже наговорила, а у Чаплина все это вместилось в мгновение. И так он понятен, так его жаль и хочется обнять его и согреть, бесприютного, что сколько бы я ни смотрела эту сцену, слезы текут непрерывно.

Чаплин ставил комедии в высоком смысле. Как у Чехова. Пьесы, в которых один шаг до Гамлета. И Никулин в роли отца-самозванца – помните его глаза? – точно в чаплинской традиции.

Мы с Юрием Владимировичем говорили однажды о клоунах, и он вдруг признался, что его идеал – Чаплин и что в финале «Огней» он всегда плакал.

– Мы с вами одной группы крови, – не удержалась я.

И наше отношение к цирку тоже совпало. Вот только теперь я цирк люблю все больше на расстоянии. Поэтому и предлагаю сегодня же сходить на Цветной бульвар. Вы давно там были?

– Последний раз года три назад, – сказал я, – но попасть туда не просто: ежедневные аншлаги, теперь там и Кио. Билетов не достать.

– Это не ваша забота! – Ф. Г. решительно поднялась из кресла. – Я не была в цирке лет десять, но, в конце концов, Никулин меня приглашал, Марк Соломонович Местечкин мне знаком, а он директор. Прорвемся как-нибудь! – Ф. Г. уже надевала шляпу и попросила: – Подайте даме труакар.

Игра Чарли Чаплина в фильме «Огни большого города» восхищала Фаину Георгиевну

Меня рассмешило таинственное превращение обычного «демисезона», но Ф. Г. ничуть не смутилась:

– Вчера пальто, сегодня труакар, завтра манто. Обожаю разнообразие!

В цирке нас усадили в первый ряд.

– Могу предложить ложу дирекции, – сказал Местечкин, – но она высоковато. Туда мы друзей не сажаем – только официальных лиц.

Программа оказалась великолепной. Особенно блестяще работали четверо воздушных гимнасток. Я ничего подобного не видел: на сложной конструкции они выделывали такое, отчего замирало сердце. Никулин с Шуйдиным заставляли грохотать весь цирк. Над их антре с бревном мы смеялись до слез – Ф. Г. даже достала платочек.

Юрий Владимирович будто и не заметил ее, скользнул только взглядом, и все. Мне показалось, он специально отвлек внимание зрителей от Ф. Г. Выбрал на противоположной от нас стороне симпатичную девушку и застыл в изумлении. И потом при любом

удобном случае расточал ей влюбленные взгляды, вздыхал, посылал воздушные поцелуи. Девушка смущенно улыбалась, а зал хохотал. Только однажды, уходя с арены, он подмигнул Ф. Г.

– Вот видите, – сказала она в антракте, – я буду тысячу раз повторять: искусство артиста цирка штучное. Мы волновались, глядя на этих чудесных девушек, работавших под самым куполом, а представьте, что их было бы не четверо, а два десятка. Исчезла бы магия неповторимости.

В детстве я видела жонглера, поразившего меня. В конце его выступления шпрехшталмейстер объявлял:

– Смертельный трюк – жонгляж с огнем. Одна ошибка, и ожог рук неминуем!

Гас свет, и под барабанную дробь жонглер подбрасывал в воздух три горящих булавы. Они летали и будто сами описывали огненные дуги и круги. Артист срывал бешеный аплодисмент!

Московский цирк на Цветном бульваре. 1971 г.

Гришка Александров в своем «цирке» заставил жонглировать с факелами сто девушек – у нас, мол, это массовое явление. Спалил декорацию, но никто не аплодировал. А цирк должен восхищать и удивлять, и заставлять замирать от счастья. Ведь счастье – это когда твои желания совпадают с возможностями других. И очень грустно, если люди перестают удивляться…

Мы зашли в директорский кабинет – Ф. Г. там оставила для Никулина три розы. Цветы извлекли из вазы, и Местечкин попросил нас следовать за ним.

Я думал, мы пойдем за кулисы через форганг, из которого выходили все артисты на арену, но, видно, в цирке свои

негласные законы, и Марк Соломонович повел нас через фойе куда-то вглубь, за красный бархатный занавес.

Мы шли мимо клеток с собаками, поблекших аппаратов, что час назад сияли над манежем, разобранных турников и цветных кубов. И тут раздались аплодисменты. Артисты, уже разгримированные, и те, кто только что работал у Кио, аплодировали Ф. Г. А воздушная гимнастка вручила ей букет.

– Ну что вы, что вы! – застеснялась Ф. Г. – Это я должна благодарить вас!

И тут же вручила гимнастке никулинские розы. Все улыбались, а Местечкин сказал гимнастке строго:

– Антонина, давай цветы обратно: они Юрию Владимировичу предназначены.

Откуда-то сбоку вышли Никулин, Шуйдин, Кио, другие артисты. Вынесли шампанское и тут же провозгласили тост за Раневскую. Опешившая Ф. Г. твердила:

– Я не понимаю, за что? За что, скажите!

– За ваш талант, за вашу любовь к цирку, за ваш юбилей! – провозгласил Никулин.

– Спасибо, спасибо! – благодарила Ф. Г. – Но юбилей был в августе. И если совсем немолодой даме прибавился год, разве тут есть чем гордиться!

Обратно мы ехали не на такси, а на директорской машине.

Юрий Никулин

– Все хорошо, – сказала Ф. Г., – но когда я наконец перестану кокетничать возрастом!..

Чуть не забыл: Никулин рассказал два анекдота.

– Один для вас, театральный, другой – наш, цирковой, –

сказал он.

Записал их как запомнил.

* * *

«Разгневанный отец отчитывает дочку:

– Замуж за артиста?! И думать не позволю!

И все же пошел с ней в театр – посмотреть, кого она выбрала.

– Можешь выходить за него. Он вовсе не артист!»

* * *

«Подготовлен уникальный аттракцион – «Дрессированные черепахи». Черепах за валюту привезли с острова Гаити. Под звуки марша они делают два круга по арене, а потом становятся на задние лапы и в такт музыке кивают головами.

Выпустить этот аттракцион никак не могут: не выдерживает оркестр – номер с черепахами идет пять часов».

День рождения в «Кемери»

Перед самым отъездом в Ригу на гастроли Ф. Г. мне сказала:

– Ну, дело сделано. Нина втянула меня в гигантскую авантюру – получу тысячу семьсот рублей! Хватит рассчитаться со всеми долгами и еще останется.

– Но что случилось?

– Не спрашивайте. Позор! Я ощущаю себя, ну, знаете, ну, как начинающая кокотка, от которой ждут блестящей карьеры.

На арене цирка

– ?

– Я продалась ВТО – подписала договор на книгу.

– Вы решились?! Поздравляю!

– Не смейте этого делать! С чем поздравлять? Боже, как стыдно! Разве я когда-нибудь напишу двадцать листов! Это сколько страниц?

– Около пятисот на машинке.

– С ума сойти! Да я и двух страничек не могу из себя выжать. Кому это нужно? Повторяю вам, мой договор – грандиозная авантюра. Мне нужны деньги: скопились долги, нужно купить путевку в санаторий – подлечить руку (как я буду играть в Риге восемь спектаклей, ума не приложу!), путевка стоит минимум двести пятьдесят рублей. Откуда взять все это? Я и решила: ВТО дает аванс на два года. За это время я запишусь на радио, снимусь в кино – Алеша Баталов предложил мне сыграть Бабуленьку в «Игроке», – тогда я и верну аванс, все до копеечки.

– А может быть, лучше все же написать книгу?

– У-у! – замахнулась на меня Ф. Г. – Не заикайтесь даже!

Две июльские недели я мотался по кинотеатрам в поисках чего-либо стоящего на Московском международном фестивале, написал о своих впечатлениях Ф. Г. и получил ответ:

«Милый Глеб, спасибо за интересное письмо, читая которое, я почувствовала себя на неинтересном фестивале.

Глебушка, умоляю и мне достать Аввакума, если это будет возможно. При встрече обсудим этот исторический момент!

Мне досадно за Вас – проводить отпуск в душных кинозалах стоит ли даже ради шедевров космических? Не стоит.

Здесь дивный воздух, но моя проклятущая популярность заставляет меня торчать в номере гостиницы. На улице любители автографов отравили мне старость. Обнимаю. Приезжайте. Ваша Ф. Р.».

После окончания рижских гастролей Ф. Г. поехала в санаторий «Кемери», где мы, как и условились раньше, встретились.

Санаторий «Кемери» в Прибалтике

Ф. Г. была в отличном настроении. Более всего ее тронули не «цветы, вино и фрукты», а две привезенные книги – «Изборник» и том с позднеримскими и греческими романами Татия, Лонга, Петрония и Апулея. «Изборник» вызвал особый восторг:

– Боже, и «Житие Аввакума» здесь есть! А его письма к Аввакумше? Вот фигура – действительно служитель веры! А какая сила воли! Помните, во время исповеди он почувствовал неодолимое влечение к исповедующейся женщине и держал свою руку над свечой до тех пор, пока не прожег ладонь, но страсть поборол! Вы знаете, что многие ученые считают Аввакума отцом Петра. Нашли, говорят, документы, что Нарышкина согрешила. Охотно верю в это. У Петра должен быть именно такой могучий отец.

За столом Ф. Г., боясь банальностей, предложила первый и единственный тост:

– За мое здоровье! День рождения у меня по новому стилю 27 августа – в юбилей кино – вот повезло! – а по-старому 14– го, – значит, сегодня! Отметим его по-старому!

Все выпили, и Ф. Г. замурлыкала какую-то мелодию.

– Узнаете? – Она улыбнулась. – Это из «Швейка». Там я свой день рождения отмечала. Какая я тогда была худая. Средняя Азия, эвакуация, есть нечего. Могла же я тогда выдумать для роли фразу: «Швейк, у тебя осталось полтетки!» Так оно и было!

Фотопробы к фильму «Новые похождения Швейка»

А какой конфуз вышел с этим эпизодом, когда фильм показали за границей. Нам ведь часто не хватает образованности. В «Швейке» я играю старуху – ей лет семьдесят пять. Передо мной на столе стоял торт со свечами. Наши режиссеры слыхали, что на Западе в день рождения положен торт со свечами, но, сколько нужно свечек, не задумались. И когда фильм шел в Чехословакии, зрители неожиданно начали веселиться: тетка Швейка сошла с

ума – ей за семьдесят, а судя по торту, где торчали одиннадцать свечек, она еще не достигла возраста конфирмации.

Вино и разговор разгорячили Ф. Г. Она сидела на диване, удобно откинувшись на низкую, пологую спинку, розовая шерстяная кофточка была наброшена на плечи, как пелерина. Белые, без модных оттенков волосы аккуратно причесаны, глаза блестят, следят за малейшим изменением лица собеседника, готовые тотчас же прореагировать.

– Какая вы красивая, Фаина Георгиевна!

– Ну что вы! Как можно?! – кокетливо смутилась Ф. Г. – Это такое открытие, что теперь я поминутно буду смотреть на себя в зеркало, – может быть, действительно произошло чудо!

Всю жизнь я мучилась из-за своего гигантского носа,– продолжала она. – Боже, думала я, встречая на улицах маленькие женские носики, как везет людям! Казалось, я все бы отдала, чтобы получить такой же. Однажды, когда я окончательно поняла, что избавиться от него мне не удастся, я с горечью и бесповоротно решила: ну что же, значит, мне никогда не суждено играть героинь. Можно ли вообразить Офелию с таким носом?!

Мой приятель из озерной компании, с которой я собирался совершить двухнедельное путешествие на лодках, пытался возразить, но Ф. Г. перебила его:

– Боже, как я вам завидую! Вы на воде можете быть месяцами! И никого не видеть и не слышать! Если бы вы знали, как мне порой хочется избавиться от окружения, любого. Особенно такого, какое в этом санатории! Горничная мне говорит:

– О, мадам, вы не знаете, какие гостьи у нас отдыхают! Они делают «а-а» в биде!

Мы рассмеялись, а приятель неожиданно попросил:

– Фаина Георгиевна, расскажите, как вы стали актрисой? С лица Ф. Г. сразу сбежала улыбка.

– Я не стала. Есть три профессии – врач, педагог и актер, которыми нужно родиться. Я не могу точно сказать, когда я ощутила себя актрисой, но все мои детские воспоминания связаны с актерством, с попытками играть, изображать, перевоплощаться. Именно эти попытки доставляли мне удовольствие, даже наслаждение, а не какие-нибудь настольные игры или вышивание, которое я терпеть не могла.

Фрекен Бок говорит голосом Раневской в мультфильме «Карлсон вернулся». 1970 г.

Помню, с каким восторгом я изображала странниц, которых видела на кухне у нашей стряпухи. Туда нам, детям, ходить запрещалось, но я обожала сидеть за столом вместе со старухами, идущими в Афон на богомолье, слушать их рассказы и есть пирожки с картофелем, печенные в подсолнечном масле, – до сих пор помню их запах!

А потом, повязав темный платочек, я ходила, сгорбившись, по комнатам и просила всех родных спросить меня, куда я иду, – все для того, чтобы произнести единственную фразу моей первой роли:

– В Афон иду, матушка, в Афон – на богомолье!

Помню, меня хвалили и относились к моим странницам всерьез. Зато другая моя роль не вызвала у родных никакого энтузиазма.

Недалеко от нашего дома была закусочная – монополька, как ее называли, – там торговали водкой в розлив и на вынос – водочная торговля всегда была монополией государства. Я любила устроиться где-нибудь в стороне и наблюдать за посетителями монопольки. Я запоминала их фразы, интонации, манеры, их песни и однажды, к ужасу родных, разлеглась под столом в гостиной и, выругавшись трехэтажным матом, который я, конечно, безбожно исказила, ибо не понимала его смысла,

стала распевать песню, слышанную у монопольки. До конца допеть ее мне не удалось: мама, как человек решительный, надавала мне по губам, отец, помню, только долго говорил со мной.

Позже, опять же отец, которого я обожала, заметив восторг, охвативший меня на представлении бродячего кукольника, привез мне Петрушку, с которым я фантазировала спектакли, – это тоже была одна из моих первых ролей.

Роли окружали меня со всех сторон. Училась я отвратительно. Математику считала ненужной и бесполезной. Все эти купцы, купившие десять аршин сукна подешевле и продававшие затем почти каждый аршин подороже, вызывали у меня тоску и ненависть. Но когда я увидела, как работает наш управляющий, как он, надев очки, вписывает что-то в гроссбух и отстукивает на счетах, задачник вдруг ожил для меня. Раздобыв очки, я превращалась в управляющего, в купца, приказчика – я отсчитывала на счетах метраж купленного сукна, бормоча под нос, определяла расход и приход. Это было безумно интересно, потому что это была уже не я, и я понимала, что моего героя не могут не волновать все эти сукна, аршины, рубли и копейки…

В роли Прасковьи Алексеевны в спектакле «Мракобесы». 1951 г.

В день рождения Ф. Г., 27 августа, из какого-то маленького литовского поселка я послал ей поздравительную телеграмму. В Москве меня уже ждала открытка, помеченная 27/VIII:

«Милый Глебун, меня так тронула Ваша добрая и торжественная телеграмма, что мне захотелось тут же Вас благодарить. Не нашла нормальной открытки, пишу на кретинах. (На открытке изображены двое латышей в национальных

костюмах, танцующих что-то фольклорное, с улыбками идиотов.)

Ах, Глеб! Какой грустный день. Сегодня надо мной усердно упражнялся «трудящий» на баяне. Подбирал вальс «На сопках Маньчжурии».

Я надеюсь увидать Вас раньше, чем прибудут кретины. Рада буду увидеться, очень по Вас соскучилась. Привет Вашему семейству. Обнимаю. Ваша Ф. Р.».

Листки из дневника

Дома я перечитал дневниковые записи Ф. Г., которые могли бы быть книгой, но, очевидно, никогда не будут ею.

* * *

«Свадьба» – Голгофа Раневской. И сколько бы я ни рассказывала о том, как проходят съемки, если бы даже вздумала записывать в деталях, мельчайших подробностях «творческий процесс» создания этого фильма, мне не удалось бы сказать и тысячной доли правды – так это непостижимо и неописуемо. И моя боязнь оттого, что в других условиях сыграла бы неплохо и даже хорошо.

25 мая 1944 г.

Всю жизнь я страшно боюсь глупых. Особенно баб. Никогда не знаешь, как с ними разговаривать, не скатываясь на их уровень…

* * *

«Старость отвратительна своей банальностью. Старухи часто глупы и ехидны. Не дай мне Бог дожить до подлой старости,

которая окончательно теряет юмор.

Июнь, 15, 1944 г.

* * *

«Из ночи в ночь не сплю. Есть от чего сойти с ума».

* * *

«Помню пышные похороны богатых сограждан, когда днем горели газовые фонари катафалка. И помню ужас, охвативший меня при виде разукрашенных покойников…»

* * *

«Художник без самоотдачи для меня – нуль. Да это и не художник, а так – продажная блядь на зарплате».

Июль, 1968 г.

Такой разный Пушкин

– Вы так долго не появлялись, и я изменила вам! – с горестной улыбкой сообщила Ф. Г. – За деньги. Не за три рубля, но все же за мизерную сумму. Снимали меня для телевидения, дома. Интервью.

Первый вопрос:

– Вы любите современную литературу?

– Обожаю. Без нее не могу прожить ни дня ни ночи.

Москва 70-х годов XX века

– Можете сказать, кто ваш любимый современный поэт? – допытывается интервьюерша.

– Пушкин, – говорю я тихо: о любви же нельзя кричать.

– Кто? Кто?

– Александр Сергеевич Пушкин, – повторяю. – Могу признаться – сплю с Пушкиным. Читаю его ежедневно допоздна. Приму снотворное и снова читаю. Мне даже приснилось недавно: он входит в мою квартиру, я кидаюсь к нему в экстазе: «Александр Сергеевич, дорогой, это вы?» А он: «Как ты мне надоела, старая дура!»

Уверена, это вырежут и в эфир не дадут. Да что вообще можно в вашем эфире! Дистиллированный Пушкин?

Когда интервьюерша стала выяснять, какой пушкинский стих

у меня самый любимый, я расхулиганилась и хотела сказать «Эпиграмма на князя Дундука»!

Вы наверняка не знаете, кто это. Был такой красавец писаный. Стати отменные. Фигура – треугольная. Черные брови, бакенбарды и розовые щечки – кровь с молоком. К мужикам лип – направо, налево. Пушкин написал о нем:

В Академии Наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь.
Почему ж он заседает?
Потому, что жопа есть.

Ну, это ведь вырезали бы сразу: жопа у нас всегда под запретом!

Пушкина, которого я люблю, поэта разного – и доброго, и рассерженного, и саркастичного, и страдающего, и хулиганистого, одним словом Пушкина-человека на вашем телевидении не признают.

А.С. Пушкин был непререкаемым авторитетом для Фаины Раневской. Портрет работы Ореста Кипренского

А во сне я вижу Александра Сергеевича все чаще. Когда это случилось в первый раз, я, как только проснулась, позвонила Анне Андреевне:

– Видела во сне Пушкина. Она тут же:

– Еду!

И примчалась ко мне ни свет ни заря.

В обществе

– Меня пригласила на свой день рождения Светлана, жена Майорова, ну, вы знаете: они живут надо мной, – рассказывала Ф. Г. – Публика – вроде бы все знают друг друга, а встречаются редко: Бондарчук, Ларионова с Рыбниковым, конечно, чета Котовых, ну и так далее. И разговор не клеится. А стол! Ломится от закусок – одних салатов Светлана наготовила больше десятка. Пока рассказывала, с чем каждый из них, и гости наполняли свои тарелки, скованность не чувствовалась. А сказать первый тост никто не решается – за столом молчание.

– Друзья, предлагаю наполнить рюмки! – попросил хозяин.

Я налила себе боржому. И тут Бондарчук – он сидел напротив – посмотрел тяжелым взглядом на мой боржом и сказал сурово:

– Это не по правилам. За хозяйку хорошие люди воду не пьют.

Все принялись уговаривать меня, только Светлана нашла все-таки силы сообщить, что я не пью.

– Но одну рюмочку можно?! – предложил Рыбников. Чтобы попробовать скорее гусиной печенки, я не стала спорить и тут же осушила рюмку коньяку «за здоровье новорожденной».

Вы, надеюсь, знаете, как спиртное действует на непьющих? Так же, как на закоренелых пьяниц: от одной рюмки и те и другие мгновенно пьянеют. Голова моя закружилась, и я решила внести свежую струю в чуть тлеющий разговор.

На прогулке с друзьями. 1960-е гг.

– Между прочим, – сказала я, – когда устроили первый всесоюзный смотр художественной самодеятельности, заключительный концерт транслировали прямо из Большого театра. Я прильнула к приемнику, и вот эта диктор – с гнусавым голосом, она все только в нос говорит – объявляет: «Механизатор колхоза «Красный луч» Петр Морковкин. Соло на жалейке!»

Интересно, думаю, никогда жалейку не слышала. И насторожилась. Тишина. Потом странные звуки: «Ф-ф-у! Пф-пф-пф-пфу-у Ух, еб твою мать!»

И все, тишина. Только диктор вдруг:

– Окончилась трансляция концерта из Большого театра Союза ССР.

Представьте себе, мой рассказ вызвал необычайное оживление общества. Истории посыпались одна за другой, без остановок – никогда не думала, что мат занимает столь значительное место в жизни интеллигенции.

Сэвидж со стенда Шанель

До нового сезона еще месяц, но Ф. Г. позвонила из дома отдыха:

– Голубчик, найдите время, привезите мне мою роль – Евдокия даст ее вам. «Сэвидж» лежит на столике возле зеркала. А то я так наотдыхалась, что забыла свою профессию и не помню – ни кто эта американская дама, ни что она говорит. Заодно и побеседуем: свежий воздух начинает меня сводить с ума.

В электричке я перелистал тот самый альбом, который Ф. Г. беззвучно читала перед каждым спектаклем. Тогда он с переписанной от руки ролью был девственно чист. Теперь его не узнать: на полях, на оборотных сторонах листов – заметки, отдельные фразы, обведенные овалом, указания. Последовательность их появления не установить, да и так ли важно это?

В спектакле «Сомов и другие». 1950 г.

Только титульный лист остался неизменным: монограмма «FR», которой Ф. Г. обычно надписывает свои книги, и заголовок «Миссис Сэвидж».

– Как хорошо, что вы приехали, – радостно встретила Ф. Г. – Сегодня рассказали чудный анекдот. Про меня. Немного грубоватый, но точный.

Приходит к врачу пациентка:

– Доктор, что со мной творится? Чувствую, постоянно чего-то

не хватает. Позавтракаю – то же чувство, съем второй завтрак – опять. Пообедаю – чего-то не хватает, пополдничаю – то же самое. Поужинаю, поем перед сном – снова чего-то не хватает!

– Жопы вам второй не хватает! – сказал доктор. Мы смеемся, а Ф. Г.:

– Вы ничего не замечаете, а я уже дважды за прошлый сезон расширяла юбку. И здесь опять прибавила, хоть и стараюсь есть меньше, и хожу каждый день до одурения – по часу! Моя реплика в «Сэвидж» – «Это было, когда я еще пыталась похудеть!» – теперь вызовет гомерический хохот.

Она взяла альбом с ролью и стала разглядывать его.

– Вы обнаружили следы исканий моего места в искусстве? – улыбнулась она. – Переписали бы мои подпорки в свою тетрадь: может быть, это приоткроет страшную тайну – работу Раневской над ролью. А тайны, собственно, нет. Есть хаос, который непонятно как складывается в характер. Хаос, без которого роль мертва и нет простора для фантазии.

Я никогда не заведу учеников. Чему их учить, если у меня все не как у людей. Вот говорят: «Знает он роль назубок, разбуди среди ночи – прочтет любой монолог!» А по-моему, это ужасно! Раневская вовсе не обязана держать всю роль в голове. Ежечасно и ежесекундно. От этого с ума сойти можно. Я должна знать ее, только когда становлюсь миссис Сэвидж. Для меня тут и защитная реакция – сохранить свежесть текста, не заболтать его.

Неподражаемая миссис Сэвидж в исполнении Раневской

– А зачем вы переписали роль от руки? В этом тоже тайный смысл? – спросил я.

– Есть, – ответила Ф. Г. – Есть, как ни странно. Пока не перепишу всю роль своей рукой, она не моя. Да и на этих листках из машинки где бы я разместила свои подпорки?!

«Как грустно, когда они улетают!..»

Речь зашла про хиппи – Ф. Г. прочла статью о Вудстокском фестивале в «Театре».

– Я их понимаю. У них нет программы, у них отрицание ради отрицания, анархизм. Но нечто подобное испытала и я. Однажды, когда мне было лет пятнадцать, я, увидав проходившую по улице босую сверстницу (осень, холодно!), бросила ей свои туфли – модные, с тупыми вывороченными носками – фирмы «Вэра», – вот увидите, эта мода скоро вернется.

– Возьми и обуйся, – крикнула я.

Через несколько минут в комнату вошел отец.

– Я видел, что ты сделала, – сказал он. – Но я прошу тебя запомнить: здесь нет ничего заработанного тобою. Ничего.

Как мне тогда хотелось уйти из дома, как все вдруг стало чужим.

Мой старший брат, он погиб на фронте, пошел добровольцем в империалистическую, зашел как-то ко мне в комнату – я тогда еще играла в куклы – ну, мне было лет восемь-девять, а ему четырнадцать, – обвел все глазами и сказал трагически:

– Здесь все краденое. Все краденое.

Он был легальным марксистом и прочитал тогда Пруд она…

– Кто украл? – спросила я.

– Отец, – ответил брат, – и мать.

– Мама не могла украсть, не могла, – заспорила я.

Я ведь, вы знаете, ушла из дома, когда решила стать актрисой. Ушла с одним чемоданчиком. Но мама мне помогала – переводила ежемесячно небольшую сумму.

Фаина Георгиевна с Глебом Скороходовым. Санаторий им. Герцена. Май 1969 г.

Однажды с моим приятелем-актером я зашла в банк и получила очередной перевод – несколько бумажных купюр. Когда мы вышли из массивных дверей, налетевший ветер вырвал у меня деньги. Я остановилась и, следя за исчезающими в вихре банковскими билетами, сказала:

– Как грустно, когда они улетают! – И не сдвинулась с места.

– Да ведь вы Раневская! – воскликнул мой приятель, сразу вспомнив героиню «Вишневого сада». – Только она могла сказать такую фразу.

Когда мне пришлось выбирать себе псевдоним…

– Как псевдоним? – перебил я.

– Никто этого не знает – так давно я переменила фамилию.

– Но я-то, – удивлялся я, – читал вам письма от брата, отправлял ваши послания ему и ни разу не задумался, почему у него другая фамилия!

– Я решила взять фамилию Раневская. У нас есть что-то общее, далеко не все, совсем не все.

О пользе псевдонимов

– Раневская – хорошая фамилия, – сказала Ф. Г. – Звучная и ясная. Это вам не классический «Темирзяев», сразу вызывающий отрицательную реакцию.

Я вот никак не пойму, как можно концертировать с такой фамилией, как «Крыса»?! Увижу на заборе афишу с гигантскими буквами – Крыса и каждый раз вздрагиваю! Я ли человек такой тонкой организации, или тут другая причина, но клянусь: не пойду в консерваторию, где мадам Чехова своим сказочным голосом объявит:

– Чайковский. Концерт для скрипки с оркестром. Исполняет лауреат множества конкурсов Олег Крыса!

Первый раз пьеса Чехова «Вишневый сад» была поставлена на сцене Московского художественного театра в 1904 году. В роли Раневской выступила жена Антона Павловича, актриса Ольга Книппер

Ну не хочу я слышать рядом с любимыми композиторами фамилию, напоминающую грызунов, которых с детства боюсь и не могу видеть.

Ведь до революции, в проклинаемые сегодня блаженные

времена, не случайно же все люди публичных профессий – певцы, художники, адвокаты, врачи – думали о своих именах. Мы как-то с Павлой Леонтьевной читали телефонный справочник – какие там фамилии, диву даешься! Но только не у артистов! Ну, нельзя же слушать оперу, где Джульетта – Паскудина, а Ромео – Шкодников! Это просто вам помешает настроиться и на Гуно, и на Шекспира.

Мы смеемся, а Ф. Г. вспоминает записные книжки Ильи Ильфа, которые она нередко цитирует.

– Помните у него: «Наконец-то! Какашкин меняет фамилию на Сергей Грядущий. Глуп ты, Грядущий, вот что я тебе скажу». Так, кажется?

Между прочим, Ильф – тоже псевдоним. Только тут уж никак не скажешь, что писатель хотел скрыть свою национальность. Не дожил он, слава богу, до страшных лет конца сороковых – начала пятидесятых годов. И вы этого не знаете.

– Почему? Я помню, – возразил я.

– Что вы помните?! – Ф. Г. вдруг стала агрессивна. – Вы учились, а не жили! Особенно когда поднялась эта кампания против врачей – «убийц в белых халатах», по улицам еврею ходить стало опасно! Сегодня в это трудно поверить, но в театре какой-то ублюдок назвал билетершу-татарку «жидовской мордой», и та быстро куда-то скрылась – только бы не нарваться на скандал.

Говорили, где-то в Сибири, среди болот уже строили для евреев бараки без света и воды – настоящие концлагеря.

– Моего отца вызывали и предложили ему развестись, если он хочет остаться в Москве, – сказал я.

– Вот видите! А сколько лет ваши родители уже вместе?

– В этом году исполнится пятьдесят.

Илья Ильф, чьи афоризмы любила цитировать Раневская

– И никакой золотой свадьбы у них не было бы, если бы лучший друг советского искусства внезапно не дал дуба. Мне позвонил Михаил Ильич и сказал одно только слово:

– Подох.

Я сразу поняла, о чем он, но испугалась, как такое говорить по телефону?! А он:

– Не бойся, Фаина, хуже не будет!

Хуже некуда уже было! А тогда, в начале пятидесятых, мы все фиксировали мелочи, стараясь не думать о главном. Помню, как все перешептывались:

– Заметили? По радио перестали звучать еврейские фамилии!

Ну, Левитана тогда трогать еще не решились, а Владимиру Герцику предложили стать Владимиром Сердечным. Смешно, хоть и было не до смеха. Кто-то предлагал заняться массовыми переводами: Гольдберг превратить в Златогорову Фельдман – в Полевую, Зискинда – в Сладкова. За словари засесть нетрудно, но антисемитов это не уменьшит. А в интернационализм русского народа я все равно не поверю, как не могу назвать беззлобными еврейские анекдоты, которыми он всегда тешился. И кто их сочинял, вы задумывались?..

Кстати, о словарях. У вас есть Даль, а как часто вы его читаете? Изредка. Меня не волнует, почему у нас вообще изредка занимаются культурой, но мне хотелось бы иметь дело с человеком, который знаком с культурой не понаслышке. Тащите сюда том на «Р»!

Напора красоты не может сдержать ничто!

Мы склонились над словом «рано» – от него, по мнению Ф. Г., и произошла столь дорогая ее сердцу фамилия Раневская.

– Видите, – сказала она, – по Далю «рано» – это не только «встать ни свет ни заря» или явиться в гости, когда тебя еще никто не ждет. По Далю, «рано» – заранее, загодя, преждевременно. Я думаю, Чехов дал такую фамилию Любови Андреевне потому, что она тоже преждевременный человек:

живет страстями, когда все вокруг все высчитывают, вымеривают, выгадывают. Раневская – значит появившаяся рано, неожиданно, не к сроку. Может быть, Чехов даже думал, что неприкаянным людям, непрактичным, умеющим любить без оглядки, если и найдется место в жизни, то лет эдак через двести. Таким людям, каким Чехов был сам.

Артист умирает дважды

Весенний, солнечный, тихий день.

– Я вижу солнце из окна, – сказала Ф. Г., когда я позвонил. – Врачи снова уложили меня – не знаю, что там они еще нашли на моем израненном сердце. Приезжайте.

С каким удовольствием я читаю вашего Киша, – встретила меня она. – Почему у нас так мало его издают? Что за тираж для такой блестящей книжки – две тысячи пятьсот экземпляров!

– В тридцатые годы его издавали больше, – сказал я, – а в общем, сегодня, кроме студентов-журналистов, изучающих курсы теории печати, Киша, пожалуй, мало кто и знает. Я случайно наткнулся на эту книжку у букиниста, а старые сохранились разве что в Ленинке.

– Кстати, здесь есть перевод Софьи Парнок, – Ф. Г. открыла кишевские «Репортажи». – Вот о велосипедных гонках – как великолепно переведено. Вы слыхали эту фамилию?

– Нет, не слыхал.

– Вот судьба художника! Верно сказано: артист умирает дважды – один раз естественной смертью, второй – в памяти современников. Софья Парнок – поэтесса, очень своеобразная, талантливая, с шумной биографией. Печаталась она до революции и в двадцатые годы. А затем смолкла, и вот: зарабатывала на жизнь переводами, человеком она была высокообразованным. Умерла до войны…

Боже, сколько я знала людей, которых уже нет, – моих сверстников, старших товарищей или намного младших меня. Это страшно, страшно… Зажилась я. Что-то кажется мне, теперь осталось уже недолго. Я остановил Ф.Г.

Софья Парнок

– Ладно, ладно, не буду. Но я же действительно одной ногой в могиле, а играть все еще хочется. Больше всего боюсь, что придется отменить следующий спектакль – он включен в афишу «Театральной весны». Я должна его сыграть. И вы на меня не сердитесь: грустные воспоминания в моем возрасте – это не признак меланхолии. Хотя, когда я вспоминаю людей, с которыми меня столкнула жизнь, мне радостно и смертельно тоскливо оттого, что их уже нет.

Мне ведь довелось играть с таким гением, как Зускин! Мы снимались с ним в фильме «Последний извозчик».

– Я не видел этой картины.

– Ее никто не видел. Съемки шли в Киеве. Режиссер – мало кому известный человек с невообразимой фамилией – Шмон. А сценарий был хороший, комедийный. Извозчика играл Зускин – по фильму мой муж, нашу дочь – Ксения Тарасова, хорошая актриса и чудный человек, ее жениха – Марк Бернес.

Помню, я садилась на козлы и иногда заменяла на работе мужа, а потом, когда он переквалифицировался на вагоновожатого, я стояла у него за спиной и просила:

– Ну, позвони еще раз! У тебя это так красиво получается.

У меня где-то сохранилась фотография – я ее сама придумала – мы с Зускиным «молодые»: новобрачные голубки с тупыми лицами, замершие перед объективом местного фотографа!

– А что же с фильмом?

– Не помню причину, но съемки прекратились, когда была снята почти вся картина.

– Это было до войны?

– Пожалуй, что после. Нет-нет! До войны! Сейчас вам скажу. Я приехала в Киев в новом костюме бордо. Его я как раз сшила на съемках «Мечты». О, после «Мечты» я разбогатела – получила пятьдесят тысяч, и эти огромные деньги ухлопала на свой гардероб. У меня ведь фактически ничего не было. А тут, во Львове, где мы снимали натуру «Мечты», подвернулась портниха из Парижа, польская еврейка. Шила божественно. У нее я и сделала себе ансамбль – велюровая шляпа, костюм, сумка и туфли – все бордо.

Вениамин Зускин в роли Шута в «Короле Лире»

Помню, мы шли с Ксенией по Крещатику – обе элегантные, погода чудесная, солнце, зелень, легкий ветерок с Днепра, и настроение радостное, и съемки «Извозчика» шли удачно, и вдруг видим – навстречу женщина с безумными глазами: идет, что-то выкрикивая. Вокруг нее люди, а она, одетая вполне интеллигентно, вытянув руку с указующим перстом, пророчески взывает к окружающим. Мы замерли.

А женщина подошла к нам и, указав на наши лица, протяжно сказала:

– Сотрите вашу краску, распустите ваши прически, сорвите ваши праздничные одежды – скоро придет огонь и смерть, слезы и горе, запылают жилища, почернеют листья. Сотрите вашу краску, сбросьте ваши праздничные одежды!

И пошла дальше. Как это было страшно. Она была сумасшедшей или пророчицей. Это был сороковой или сорок первый год. Не знаю, может быть, она действительно предчувствовала события, но я вспомнила ее, когда приехала после войны в Киев, на гастроли, и увидела сгоревшие дома и почерневшие листья.

Фильм наш не сохранился. Нет уже Бернеса, погиб Зускин. Будучи репрессированным, он не выдержал и, разбежавшись, размозжил себе голову о стену. Умерла и Тарасова.

Актеры разных талантов, разной одаренности, но не одна ли у всех судьба – умереть дважды?

Родные пенаты

В Таганрог, на родину Ф. Г., я приехал в теплые последние дни августа. С утра прошел дождь, и город встретил меня умытой, свежей зеленью, чистыми, без пылинки улицами и тротуарами. Я шел по зеленому коридору улицы Чехова – с маленькими, аккуратными домами, высоким подстриженным кустарником – и удивлялся, как удалось сохранить в неприкосновенности этот уникальный ансамбль: улицу и домик писателя. Уверен, что без доподлинного окружения сам домик воспринимался бы иначе. Сколько раз мы натыкаемся на исторические реликвии, которые в соседстве с современными домами, стеклянными кафе и прозрачными салонами красоты выглядят анахронизмом, осколком прошлого.

Таперша в фильме «Александр Пархоменко». 1942 г.

Краеведческий музей, разместившийся в богатом особняке бывшего промышленника-грека, оказался на ремонте. В небольшом флигеле-пристройке я познакомился с работниками музея – убеленным сединами знатоком истории города Петром Давыдовичем Карпуном и живой, подвижной, очень энергичной Анной Майоровной Когановой, уже вышедшей на пенсию, но не

оставляющей своей работы («Не могу без нее!»).

Анна Майоровна прежде всего мне сообщила, что ей остро необходима статья о Раневской.

– Вы не смогли бы нас выручить? – быстро говорила она. – Завтра 75-летний юбилей, а разрешение от горкома на статью в газете получено только сегодня, нужно как можно скорее подготовить материал. Вы же журналист – вам и карты в руки!

Получив мой отказ, Анна Майоровна попросила совета, как поступить:

– Может быть, использовать статью, которую у нас давали к 70-летию? Правда, в ней две грубейшие ошибки – автор утверждает, что Фаина Григорьевна окончила таганрогскую гимназию номер два, где учился ее прославленный земляк Антон Павлович. Но, во-первых, Раневская гимназию не кончала, а училась только в начальных классах – она сама нам об этом написала, а во-вторых, гимназия номер два была-то мужская! Учиться в ней Фаина Григорьевна никак не могла!

Я вспомнил, как Ф. Г. однажды мне сообщила:

– Я решилась наконец написать свою подробную автобиографию. Первую фразу я уже придумала: «Я родилась в семье небогатого нефтепромышленника».

Милка Рафаиловна и Гирш Хаимович Фельдман – родители Фаины Раневской

Мне показали папку, где хранится переписка музея с Ф. Г. Несколько коротких, немногословных открыток, одно письмо, в

которых Ф. Г. обещает прислать фотографии для новой экспозиции, рассказывает о доме, где прошло ее детство. Адреса она не помнит. Ей запомнилось только, что это была Николаевская улица, а дом находился неподалеку от огромного собора. Улица сейчас называется иначе, собора, расписанного Брюлловым, давно нет (его снесли в начале тридцатых годов), но работники музея отыскали дом Ф. Г.

– Я, наверное, смогу вам показать кое-что интересное, – сказал Петр Давидович и достал потрепанную книгу. Это – «Альманах-справочник на город Таганрог и его округу на 1912 год. С портретами, одной картой и двумя планами». Издан он очень небольшим тиражом таганрогским издателем Кривицким.

– Уж и не знаю, есть ли такая книга в Москве, – откровенно горделиво улыбнулся Петр Давыдович. Он сосредоточенно перелистал «Альманах» и протянул его мне: – Вот, пожалуйста!

Я увидел портрет, который был до того похож на современную Раневскую, что, не стой под ним подпись, я решил бы, что это сама актриса в мужском гриме. Но подпись указывала, что передо мной был ее отец – «Григорий Фельдман – почетный член ведомства учреждений Императрицы Марии. Староста Таганрогской хоральной синагоги. Основатель приюта для престарелых евреев».

Еще через несколько страниц «Альманах-справочник» указывал, что «почетный член ведомства» имел собственный дом на Николаевской улице под нумером 14 и держал торговое заведение, расположенное там же. Сообщался и ассортимент этой торговли: «азотистые туки для удобрения земли, железо, рельсы, балки».

Женщины – это не слабый пол, слабый пол – это гнилые доски под ногами

Анна Майоровна Коганова проводила меня на Николаевскую, переименованную в улицу Фрунзе.

Однажды, когда в Москве мы шли с Ф. Г. по Вшивой горке («На самом деле она была «Швивая горка», – говорила Ф. Г. –

Здесь жили швеи, но народ переосмыслил это не очень понятное название»), Ф. Г. остановилась и показала двухэтажный дом на противоположной стороне:

– Вот в таком точно я жила в Таганроге! Только балкона здесь нет.

Я запомнил этот дом – возле него Ф. Г. мне много рассказывала о своем детстве, родном городе, его обитателях. Но в Таганроге я понял, что фасад двухэтажного творения архитектора-сумасброда похож на десятки других, расположенных поблизости. А балкон, который мог бы стать отличительной приметой в Москве, здесь встречался на каждом шагу.

Это балкон особый – таганрогский, южный. Широкий, квадратный или прямоугольный в основании, он перекрывает весь тротуар и поддерживается обычно двумя тонкими чугунными столбиками. На нем можно установить кресло, качалку, а то и небольшой плетеный столик. Такой балкон – одна из самых типичных принадлежностей провинциального быта южных городов.

Был он и в доме детства Ф. Г. Одна из соседок, живущая в Таганроге и помнившая «Фаиночку» еще девочкой (соседке было уже 89 лет), рассказала, что она часто видела Ф. Г. с матерью, сидящей на балконе. Робкая, бледная девочка обычно внимательно слушала, что ей читала или рассказывала мать, но не играла ни в какие игры с подругами. Прямо под балконом находилась парадная дверь – она, как ни странно, оказалась незапертой, и по старинной деревянной лестнице («Теперь таких не делают – дерева такого нет», – сказала Анна Майоровна) мы поднялись наверх – туда, где располагались жилые комнаты. Весь второй этаж поделен между четырьмя квартиросъемщиками.

Я взглянул на потолки, и голова пошла кругом: ромбические, трапециевидные, усеченно-пирамидальные – они буквально разъезжались на глазах и уплывали вместе со стенами куда-то за пределы дома. Это действительно были самые фантастические потолки, которые довелось видеть.

Улица Таганрога на старой открытке

Все оказалось таким, каким описывала Ф. Г. И двор с дворницкой, куда девочка любила приходить, чтобы полакомиться пирожками на постном масле, и улица, и городской сад, и театр – старое-старое здание, в котором прежде гастролировали иногородние труппы, а теперь играл драмколлектив имени Чехова.

У дворницкой нам встретился старикан в синей сатиновой рубашке в горошек, но не в косоворотке, а с современным отложным воротничком, что, впрочем, не лишало его удивительного сходства с мхатовскими персонажами горьковских пьес.

– Тута, тута он жил – Федьман, – шамкая, искажая почти до неузнаваемости фамилию отца Ф. Г., говорил старикан. – Внизу его контора была, вверху – семья, вон тама на Угольной – склад. И пароход у него, у Федьмана, был – он в Грецию за товаром ходил. Я хорошо знаю, я с ихним дворником в друзьях был.

Анна Майоровна, поминутно вставляя вопросы и искренне восхищаясь новыми данными, обещала завтра же прийти и полностью записать рассказ старика.

Уже в Москве, перечитывая свои таганрогские заметки, я вспомнил о страничках, переданных мне Ф. Г. года два назад. В этих записях-воспоминаниях речь идет о Таганроге, о детских впечатлениях Ф. Г., полученных в ту пору, когда она жила в доме на Николаевской, близ собора.

«Однажды мать повела меня в оперу на «Аскольдову могилу» – это было мое первое посещение театра. Театральный зал пленил

меня: он блестел и показался мне золотым, был небольшим, уютным. Какое это было, наверное, наслаждение играть в таком уютном театре, где можно говорить, не форсируя голоса! Но в «Аскольдовой могиле» очень гремел оркестр, певцы ужасно кричали. Мне было страшно, я плакала, а потом завопила диким голосом:

– Мама, пойдем в оперу, где не поют!

Таганрог. Здание городского театра

Я помню китайцев с длинными косами, которые ходили по дворам и выковыривали тоненькими палочками маленьких белых червей из зубов. Помню изумленные, выпученные глаза моих сограждан при виде червяков, якобы вылезающих из больного зуба.

Помню степенных присяжных поверенных, любителей музыки, собиравшихся поочередно друг у друга и исполнявших квартет Бородина.

Помню серебряные свадьбы, гулянья в городском саду, помню улетающий бумажный шар и мою тоску, и первое ощущение одиночества, вызванное тем, что шар унесся далеко в пространство.

Помню паноптикум, где дышала Клеопатра со змеей на груди, помню и бродячие зверинцы, в которых худые облысевшие лисицы смотрели человечьими глазами. Помню коммерческий сад, где дирижер-итальянец неистово махал белой палочкой, и оркестр, вызывавший чувство счастья…»

Подарки от Раневской

Она любит делать подарки и сама часто говорит:

– Я безумно люблю делать подарки. Безумно!

Насчет безумия не знаю. Но Нина Станиславовна рассказывала, как Ф. Г. подарила кому-то новую люстру. Роскошную. Или не подарила, а забыла ее в троллейбусе.

– Умоляю, про эту люстру – ни слова! – просила меня Ф. Г. — Делают из меня растеряху. То Танька Тэсс написала в «Известиях», что я теряю по двенадцать зонтов в году, по зонтику в месяц – на одних зонтах разоришься! То Нина вдруг начинает утверждать, что я кому-то подарила ее пылесос, когда по нему давно тосковала помойка! Я, может быть, действительно странная, но не настолько же!

Сняться в плохом фильма – все равно что плюнуть в вечность

Мне Ф. Г. дарит книги. Иногда я собираюсь уходить, а она:

– Постойте, прошу вас, так просто не отпущу! – и водит глазами по полкам. – Мне просто необходимо вам что-то подарить: без этого не смогу уснуть!

Однажды Ф. Г. мне пыталась всучить свою кофту:

– Нет, вы посмотрите, какая она! Чистая шерсть, пушинка к пушинке. И на пуговицах. Причем на мужскую сторону, обратите внимание – свидетельство моей тяги к мужескому полу! Не хотите? Ни разу не надеванную! Ну, примерьте хотя бы. Из приличия.

И сразу без перехода:

– Я вам не показывала, как портной – сексуальный маньяк проводит примерку? Нет? Ниночка, иди сюда! – Нина Станиславовна была на кухне. – А то на Глебе я не могу это показать – стесняюсь. – И мне: – Я скромная блядища.

То, что тут же разыграла Ф. Г., не передается словами. Портной внимательным взглядом осматривал заказчицу, оценивая ее прелести, просил повернуться к нему спиной, издавал восхищенное «О-о!» при виде задней части и спрашивал:

– Значит, вы хотите костюм? Строгого покроя, английский костюм – пиджак и юбка? – Он брал сантиметр. – Объем груди, значит… – При этом он не столько измерял ее, сколько обнимал заказчицу. – А длина пиджака… – Его рука скользила вниз. – На груди сделаем бантики? – Мелом он намечал крестики. – Бантиков не надо? – И тут же двумя руками начинал энергично стирать их…

– Смеетесь? – удивлялась Ф. Г. – Если бы вы видели, как это показывает Утесов, стали бы от смеха заикой!

Вернусь к подаркам. Полгода назад Ф. Г. объявила:

– Дарю Вам Полное собрание сочинений великого пролетарского писателя Максима Горького. Все сорок томов.

Или пятьдесят? Все, кроме одного – томика с пьесами, который зажулила Ирина, быстро привыкающая к чужим книгам, как к своим.

Одна из последних фотографий Фаины Георгиевны. 1980 г.

В следующий раз Горький аккуратными стопками покоился у канапе в коридоре.

– Вас ждет! – напомнила Ф. Г.

Но поскольку я не проявлял никаких восторгов и никакой активности, месяца через три тома исчезли.

– Я нашла-таки человека, чего мне это стоило! – который ценит основоположника социалистического реализма! В домкоме!

Если бы вы видели, как, обезумев от счастья, он целовал мне руки! Я полчаса потом мыла их горячей водой…

А вчера я получил в подарок двухтомник Алпатова «Этюды по истории искусства». Прекрасное издание, с иллюстрациями на мелованной бумаге и цветными картинками на вклейках. И оба тома в картонной коробочке с ангелом в «окне» – не знаю, как эта коробочка называется.

– Берите, берите! Я там все написала, чтобы вас не обвинили в воровстве!

Памятник Фаине Раневской в Таганроге

Дома я посмотрел титул. Сначала шла надпись, сделанная чужим почерком: «Наимеждународнейшей между всех народных артистов мира, дорогой Фаине Георгиевне Раневской от всех Абдуловых. Август, 1968 г.». А ниже – знакомые буквы Ф. Г.: «Милый Глебуха, поскольку я не согласна с надписью дарителей, считаю себя вправе передарить Вам эти опусы по истории искусства в надежде, что Вы заделаетесь эрудитом. Ваша Ф. Р.».

Рина Зелёная. Из породы клоунесс

Наверное, у многих так было: увидишь что-то на экране – город, улицу, парк – и они становятся необычными, навсегда связанными с фильмом.

Помню, после «Праздника святого Иоргена» армянская церковь в Ялте, стоящая высоко на горе, с длиннющей лестницей – белой, широкой, наверняка, мраморной – показалась мне чудом, в реальность которого нельзя было поверить. Будто церковь эта из другого, заэкранного мира. И когда бы ее не увидел, пусть прошел не один десяток лет, сразу всплывают воспоминания.

Такими необычными еще с детства стали для меня московские Чистые пруды и бульвар вокруг них. После «Подкидыша», конечно. Попадешь сюда и сразу вспомнишь летний день, людей, бегущих от внезапно хлынувшего дождя, репродуктор, обещающий ясную, безоблачную погоду. И кажется, что тут же за поворотом встретишь героиню фильма девочку Веронику и продавца воздушных шаров, и домработницу Аришу, сыгранную Риной Зеленой, которая в отличие от пластинок, которых упас было множество, может говорить не детским, а обычным голосом. И где-то здесь, на скамеечке, она будет тараторить с подружками, тараторить без умолку, не останавливаясь ни на секунду, бесконечно варьируя одно сообщение о том, что она «выходная не в выходной, а после выходного».

Дом, где жила Рина Зеленая, находится рядом с Чистыми прудами, в Харитоньевском переулке.

Рина Зеленая – советская актриса эстрады, театра и кино, мастер имитации детской речи

– Как вам было удобно сниматься в «Подкидыше», – сказал я Рине Васильевне. – Вышел из дому – и сразу на съемочной площадке!

– Изумительно! Я просто изнемогала от удобства! – заметила

она. – Вышла из дома – еду на «Мосфильм», одеваюсь, гримируюсь, жду, пока все соберутся, трясусь на автобусе к родному переулку, а после съемок все тоже самое, но в обратном порядке. Удивительно удобно!

Дом в Харитоньевском и сегодня стоит – целехонек. И квартира Рины Васильевны на четвертом этаже не изменилась – новые хозяева охотно впустили меня поглядеть на знакомые комнаты.

Но устраивать мемориальный музей здесь не надо. То ли Рина Зеленая обожала менять жилье. («Больше всего в жизни я ненавижу ремонты!» – говорила она). То ли это получилось случайно, но в Москве – я точно это знаю – у нее чуть ли не ежегодно появлялись новые адреса. Жила она когда-то на Зацепе, той самой улице, что прославил Сергей Михалков («Потому что до Зацепы водит мама два прицепа…»), потом в огромном доме в переулке Немировича-Данченко – между Тверской и Большой Дмитровкой, далее в квартире над рестораном «Арагви» – очень уютное местечко, после Харитоньевского – на Ленинградском шоссе и, наконец, в многоэтажном чудище на Смоленском бульваре, возле Зубовской. Это сколько?

Но я больше всего запомнил ее жилище в Харитоньевском, потому что сам там впервые увидел Рину Васильевну «живьем», познакомился с ней. Это как первое свидание, что не вылетает из памяти.

Я учился на факультете журналистики МГУ. На производственную практику меня послали в «Комсомолку». И вот, когда редактор – им был Алексей Иванович Аджубей – бросил на летучке призыв делать оригинальные, непохожие на другие воскресные номера газеты, я робко предложил печатать хотя бы раз в месяц подборки рассказов известных людей о смешных случаях в их жизни.

В роли домработницы Ариши в фильме «Подкидыш»

– Неплохая идея! – сказал Алексей Иванович. – Вот ты сам ее и реализуй!

Одним из намеченных мною объектов веселых историй была Рина Зеленая. Тогда на экранах с успехом шла «Девушка без адреса», не очень смешная комедия. Ее назвали «лирической» – это сразу все объясняет и не заставляет авторов волноваться, почему зрители так мало смеются.

Но Рина Зеленая была очень смешной и, как всегда, сатирически точной. Ее дама из дома моделей, озабоченная созданием одежды для простой советской труженицы, дама с девичьей косой вокруг головы, косой, никогда не расплетаемой, навсегда оставленной как символ девичества и неизменности вкусов. Может быть, тогда я впервые понял, что персонажи Рины Зеленой могут врезаться в память даже если они ничего не говорят.

Рина Васильевна, выслушав по телефону мою просьбу, пригласила меня к себе и сразу сказала:

– Ничего смешного на съемках комедии не бывает. Только драматичное. И трагичное даже. И чем серьезнее на съемочной площадке – тем смешнее на экране.

Ее слова прервал симпатичный грузин. Он появился на пороге в белой рубашке с засученными рукавами, в фартуке и сказал:

– Молодого человека накормить надо, я думаю!

– Но мы работаем, – возразила Рина Васильевна.

– Какая работа на голодный желудок! Я жду вас!

– Вот так всегда беспрекословно, – сказала Рина Васильевна, когда симпатичный грузин удалился. – Это мой муж – Константин Тихонович Топуридзе. Обожает готовить. Дитя странного союза – сын грузинки и француза! Представляете, какие кулинарные гены! А я на кухне полная бездарность! Ноль! Он все умеет. Скажу вам откровенно: он главный советчик во всех моих делах. Во всех. А вообще он архитектор! И скульптор! Вы же фонтан «Золотой колос» на ВДНХ видели? И «Каменный цветок» и «Дружба народов» – тоже его работы. Великолепно сделано!

Елизавета Тимофеевна – член художественного совета экспериментального ателье в фильме «Девушка без адреса»

У меня язык присох к горлу: «Золотой колос» в нашей студенческой среде служил предметом постоянных издевок. Но Рина Васильевна ничего не заметила.

– А как он рисует! – продолжала она. – Посмотрите. Он очень талантлив. Нет, я тоже не лыком шита, не только играю, но и сочиняю, придумываю. Меня однажды даже ограбили – я собиралась подать на плагиаторов в суд. В народный! И немедленно, но пожалела. Себя. Приходя на концерт, я обычно говорила: «Люди, а-у!». И вдруг в «Карнавальной ночи» так завопил Филиппов. И все: от «а-у» пришлось отказаться! Не могла же я цитировать Филиппова!..

А Константин Тихонович, между прочим, занимается и

мелкой пластикой, – неожиданно сказала она. – Вон, посмотрите там на полке!

Я подошел к шкафу, который был уставлен фигурками. Особенно мне запомнились две из них: обнаженная девушка, собирающаяся войти в речку, – одной ногой она пробует, не холодная ли вода, и юноша, лежащий на спине, заложив руку под голову. Обе фигурки такие чистые, как белый фарфор, из которого они были отлиты.

Тем временем Рина Васильевна порывшись в канцелярской папке, протянула мне тетрадь:

– Эти записи я вела в больнице, куда недавно меня угораздило попасть. Прочтите, может, вам что-то сгодится?!

Сгодилось! Рина Васильевна прекрасно написала о своем соседе по столовой – паровозном машинисте, влюбленном в свой паровоз, постоянно говорящем о нем как о живом человеке со своим характером, желаниями, чувствами.

В подборк она вскоре появилась в воскресном номере «Комсомолки», – очень добрый, чуть ироничный рассказ Рины Зеленой оказался, по-моему, одним из лучших. И читателям, судч по письмам, он понравился – тогда читатели очень любили писать в газеты.

К теме веселых рассказов мы не раз возвращались позже.

Рина Зеленая с мужем Константином Топуридзе

– Почему бы вам не написать о кино? – говорил я. – Ведь вы столько сыграли!

– Кино я обожаю, – ответила Рина Васильевна. – Но это любовь без взаимности, моя постоянная боль! После «Путевки в жизнь», где я снялась впервые – это ведь тридцатый год, вас тогда и на свете не было, – я думала: ну теперь я – кинозвезда, буду отбиваться от предложений, нарасхват буду! А наступил перерыв в десять лет! Мне ужасно не везло. И не везет постоянно. Режиссеры меня игнорируют. Ну, вот Никита Михалков – я его на руках качала! – встретил меня как-то на улице, бросился на колени:

– Богиня! Вы гениальны!

– Ну, так сними же эту богиню у себя – она абсолютно свободна! Кто тебе мешает? – сказала я ему.

– Непременно! В следующем же моем фильме будет роль специально для вас!

Лгун! Вы видели меня хоть в одном его фильме!

– Я всю жизнь ждала большую настоящую роль, – продолжала Рина Васильевна, – а режиссеры предлагали мне нечто микроскопическое. Аришу в «Подкидыше» я написала для себя сама, да и то, когда уже шли съемки и вдруг обнаружилось, что эпизоды никак не стыкуются. А то, что я сыграла у Александрова, только в лупу можно разглядеть! По-моему, ни моя секретарша в «Светлом пути», ни моя гримерша в «Весне» даже в титры не попали!..

«Талант должен удивлять» – сказал кто-то из великих.

Удивительность таланта Рины Зеленой я почувствовал, когда мы начали работать над ее диском «Творческий портрет». Программа будущей пластинки рождалась в долгих спорах и обсуждениях. Наконец, мы договорились начать на Всесоюзной студии грамзаписи слушать гору пленок, записанных в разное время.

Первая роль в кино Рины Зеленой – девушка из «малины» в фильме «Путевка в жизнь»

– Заходите за мной, – попросила Рина Васильевна, – а то я со своим бинокулярным зрением сяду мимо машины! У меня все ненормальное. Роли ненормально мизерные, играю я ненормально редко, и зрение у меня в бальзаковском возрасте третьей степени оказалось ненормальным: мне нужны очки, которые одновременно и увеличивают, и уменьшают! Ну, кому еще могло понадобиться такое?!

Аппаратную для прослушивания нам дали с часу дня, но Рина Васильевна просила приехать за ней пораньше.

– Стараюсь никогда не опаздывать – результат домашнего воспитания, – сказала она. – Хоть в наше время это стало анахронизмом: всегда прихожу, как дура, первая и жду!

В одиннадцать я уже был у нее, в доме на Ленинградском проспекте, неподалеку от бывшего ресторана «Яр».

– Специально выбирала квартиру по соседству с этим рассадником дореволюционной эстрады. Здесь даже пахнет чем-то родным, – сказала она, когда мы шли мимо сохранившегося до наших дней когда-то славившегося на всю Москву роскошного заведения.

До Пушкинской мы добрались на троллейбусе – поймать в столице такси в ту пору можно было только случайно.

Когда спускались по Гнездниковскому, Рина Васильевна спросила:

– Знаете, что это за дом?

– Да, это первый московский небоскреб, двенадцать этажей, кажется?

– Этот дом построил архитектор Нирнзее, – сказала Рина Васильевна. – Здесь в подвальчике располагалось первое кабаре России, самое известное – «Летучая мышь». Оно прославилось на всю страну – и представьте, без помощи телевидения, которое еще не успели изобрести. Балиев им руководил. Я у него начинала, но никогда не говорю об этом – все сразу решат, что мне уже тысяча лет!..

– Сколько у нас еще осталось времени? – вдруг спросила Рина Васильевна. – Почти час? Давайте зайдем сюда: я не помню, когда тут в последний раз была.

Дим Нирнзее – первый московский небоскреб, в подвал которого в 1915 году переехало кабаре «Летучая мышь»

«Учебный театр ГИТИСа», как значилось не табличке, оказался открытым.

Дежурная узнала Рину Зеленую, закивала, заулыбалась, разрешив нам пройти в зал.

– На экскурсию по местам боевой и эстрадной славы, – пояснила Рина Васильевна.

Я давно не был здесь, в Балиевской «Летучей мыши» и с любопытством разглядывал два миниатюрных яруса лож в рамках

типичного «модерна» начала века, крохотный, в два ряда, балкон, сразу придающий подвальному помещению статус театра, и сцену, показавшуюся из-за мелкомасштабности всего вокруг необычайно широкой.

Рина Васильевна была явно возбуждена.

– Сначала я работала не здесь, а в кабаре «Не рыдай» – это на углу Каретного и Успенского переулков, – говорила она. – А здесь я халтурила. Между прочим, это слово тогда вовсе не носило оскорбительного смысла. Халтурить – значило подрабатывать на стороне и делать это на отлично. Бездарностей на халтуру не приглашали. У нас в «Не рыдае» программа начиналась в полночь, шла до четырех утра, а вечера оставались свободными, и все наши артисты подрабатывали, где только могли. Благо: кабаре было прорва – начался нэп.

Я выступала и у «Максима» на Дмитровке, и в «Люрсе» в Леонтьевском, и здесь, у Балиева. Близко все же – моталась из одного кабаре в другое, как угорелая. Играть очень хотелось, да и деньги, как известно, никогда лишними не бывают.

Потом Балиев уехал за границу. Это было, кажется, в конце двадцать первого года. Я очень его жалела – вы таких талантов не видели. Он мог выйти на сцену и час проговорить с публикой без всякого сочиненного текста и все со смеху корчились! Теперь такие артисты просто вымерли, как мамонты.

А здесь после Балиева открылся «Кривой Джимми», тоже кабаре, но уже пожиже – под руководством Алексея Алексеева. Вы знаете его: он конферансье и конферирует до сих пор, хотя ему уже перевалило за сто. Так я, представляете, работала и у него. А позже, на этой же сцене – это уже двадцать четвертый год – организовали Театр сатиры и я опять тут! «Дети подземелья» – это про меня! Полжизни прошло здесь!

Первые выступления на эстраде. 1920-е гг.

Рина Васильевна так разволновалась, что перешла на скороговорку:

– Я ведь тогда на эстраде чаще всего пела. Вера Инбер написала для меня романс, душещипательный, «Когда горит закат» – безумный успех имел, Юрий Милютин – «Шумит ночной Марсель», танго, – публика с ума сходила. Его я пела в мужском костюме апаша – так во Франции называли бандитов, наверняка не знаете, они всегда ходили в рубахах нараспашку. И потом…

Рина Васильевна остановилась и вопросительно взглянула:

– Как вы думаете, могу я подняться на сцену?

– Наверное, да, раз нас уже пустили.

– Здесь у меня был номер, ну просто прекрасный, чудо-номер. Сначала его мне не доверили, его исполняла другая актриса, крупная, с пышными формами, а потом дали мне. А я худенькая, как мизинчик, и все хотела сделать по-своему. Изображала я певицу интимного жанра и придумала: мне раздобыли надувной бюст – тогда в магазинах все было – бюст был огромный, ну просто необъятный, – я его надувала перед выходом на сцену, а потом выпускала из него воздух и прятала в карман – артисты вокруг очень смеялись. Я рассказала об этом Любочке, Любови Орловой, она тоже смеялась, а Григорий Васильевич вставил это в свой «Цирк». Он сделал Массальскому надувной сюртук – грудную клетку, из нее тоже выпускают воздух, но почему-то совсем не смешно…

Знаменитый эстрадный номер Рины Зеленой -«В кукольном магазине»

А я тогда, ну когда эту певицу с бюстом изображала, увлеклась трансформацией – это было очень модно. И сначала я выходила и пела частушки, и била чечетку, ее тогда никто этим ненормальным словом «степ» не называл. Я отбивала чечетку и пела:

Полюбила я китайца —
Целоваться он охоч.
Только это воспрещайца —

От Китая руки прочь!
Перед вами выступаю —
Дело немудреное.
Никто замуж не берет:
Говорят зеленая!

А потом быстро, пока аплодируют, надевала за кулисами свой бюст, опускала подколотую юбку и выплывала уже в образе певицы, – такой, что всю жизнь пела «Только раз бывает в жизни встреча». А тут репертком потребовал категорически, просто категорически – революционный репертуар и никаких «встреч». И я, вертя на шее золотую цепь, роскошную, с лорнетом, пела: «Долго в цепях нас держали!», а затем – «В царство свободы дорогу грудью, ах, грудью проложим себе!». Публика от смеху просто сползала с кресел… Штабелями.

– А знаете, – Рина Васильевна вдруг погрустнела, – этот номер был не только смешной, но и печальный. Печально, когда человек занимается не тем, что должен делать.

Я что-то похожее потом, значительно позже сыграла у Рязанова в фильме «Дайте жалобную книгу». Помните мою ресторанную певицу, которая всю жизнь поет «А мне всего семнадцать лет, любовь спешит ко мне на встречу» под звуки ножей и вилок?.. Тоже смешно и очень грустно…

Певица в ресторане «Одуванчик» в фильме «Дайте жалобную книгу»

Рина Васильевна спустилась в зал, села рядом и попросила шепотом:

– Помолчим…

– Догадываетесь, отчего мне вдруг стало так печально? – спросила она, когда мы вышли из «Летучей мыши». – Печально, когда все проходит. В «Сатире» мне места не нашлось. Сначала, когда ставились обозрения, я что-то играла, а перешли к полнометражным пьесам, и ролей для меня не оказалось. Я вдруг стала никому ненужной и все, что я делала, сегодня прочно забыто – и мои персонажи, и скетчи, и песни.

– «Шумит ночной Марсель», я знаю, – сказал я.

– Врете! Не можете вы его знать, ноты не издавались и на пластинках он не был никогда! Спойте сейчас же!

Я охотно пропел:

Шумит ночной Марсель,
В притоне «Трех бродяг».
Там курят женщины табак
И дым стоит густой…

– Не «густой», а «стеной», – поправила Зеленая.

– Я пою так, как слышал от мамы, – объяснил я.

– Ах, зачем же так грубо подчеркивать возраст дамы?! – Рина Васильевна кокетливо поправила несуществующую прическу. – Тем более, если ваша дама старается изо всех сил покорить вас молодостью и красотой!

Она засмеялась. И снова удивила меня сменой настроения. Ее глаза блестели, она загадочно улыбалась, а потом не выдержала и сказала:

– Сейчас в вашей кирхе я прочту вам кое-что. Новенькое. А потом уж мы возьмемся за старенькое.

Новеньким оказался авторский комментарий к будущей пластинке. Вернее, первые эскизы к нему. Написать комментарий я очень просил Рину Васильевну, убеждал ее, что он необходим, придаст цельность всему «Творческому портрету», станет своеобразным конферансом. Но она долго, упорно, всеми способами доказывала ненужность этого. И вдруг!

Ну, губы такие уже не носят…

Комментарий-конферанс мне показался превосходным. Рина Васильевна сразу нашла свой тон разговора со слушателями диска, простой и неформальный.

«Я думала, – начинала она, – что на этикетке пластинки все написано и всем все будет ясно, а мне сказали, что – нет.

Оказывается, я сама должна объяснить то, что нужно, а иначе никто ничего не поймет».

Ирония и юмор актрисы сквозили во всем ее рассказе о своей работе на эстраде и в кино.

«Потом уже я дошла до того, – писала Рина Васильевна, – что мне предложили играть роль черепахи. Я согласилась, потому что это была черепаха необыкновенная, поющая черепаха. И я там пою. А когда это передают по радио, то объявляют:

– Романс Тортилы. Исполняет Рина Зеленая! И я себя чувствую тенором в опере!».

Я рассмеялся, а Рина Васильевна, внимательно следившая за мной, спросила:

– Нет, правда смешно? А другим это будет интересно? Впоследствии она решилась на пластинке «Творческий портрет» опубликовать свои записные книжки. Она хотела прочитать их перед микрофоном.

– Только прошу вас, обязательно со зрителями, – попросила она. – Читать смешное в пустой студии – разновидность

самоубийства.

И бывшую англиканскую кирху, где тогда находилась Всесоюзная студия грамзаписи фирмы «Мелодия» набились сотрудники, друзья, родственники, их знакомые. Они сидели на стульях, стояли в проходах и всюду понаставили микрофоны, ловившие реакцию слушателей. А она была такой, что Рина Васильевна, познакомившись с результатом, сказала:

– А кажется, действительно смешно. Или вам удалось собрать такую публику?

Вообще я не встречал актрисы, так сомневающейся во всем, что она делала. Работа над пластинкой в итоге затянулась почти на год!

Ах, была как Буратино
Я когда-то молода!..

Как-то Рина Васильевна позвонила мне:

– Когда завтра у вас аппаратная? В два? Катастрофа! Меня вызвали к двенадцати на совещание в министерство культуры. И отменять прослушивание я не хочу, и в министерстве быть должна! Что делать?

Не знаю, что предприняла Рина Васильевна, но из министерства на Неглинке – вышла через десять минут после начала совещания. Радостная и веселая:

– Я свободна! У нас есть время, пойдемте на студию пешком по бульварам. Я обожаю пешие прогулки, особенно когда есть на кого опереться, – сказала она с улыбкой.

– Вообще я могла бы быть неплохим гидом по ушедшей театральной Москве, водила бы студентов-актеров, или просто москвичей и гостей столицы. И уверяю вас, неплохо бы зарабатывала!

Мы дошли до Трубной, и тут она остановилась как вкопанная.

– Уверена, что вы этого здания не знаете. Здесь же был знаменитый на всю Москву ресторан Оливье! Роскошный, с огромным зеркальным залом, где шла кабаретная программа, с отдельными кабинетами. С лучшей кухней! Оливье – прославленный кулинар! У всех поваров мира одинаковые продукты, но у одного получается салат Оливье, а у другого – варево, которым того гляди и отравишься! Мы подошли к широкой входной двери

– А что сейчас здесь? Читайте, – попросила Рина Васильевна.

– Издательство «Высшая школа», – прочитал я вслух на стеклянной табличке.

– Издательство в ресторане – неплохо! – улыбнулась Зеленая. – Или лучше так: высшая школа в ресторане! Но мы обязательно должны зайти сюда: для меня это место историческое!

К Оливье я бегала из «Не-рыдая» – у него тоже программа начиналась раньше нашей. Здесь я с Утесовым познакомилась – он тогда еще без джаза работал…

Мы вошли в зал, уставленный канцелярскими столами.

– Смотрите, все почти так, как шестьдесят лет назад. Зеркал было больше. И занавес у Ольвье был роскошный – темно–красный бархат с золотыми кистями и бахромой.

В 1864 г. московский купец Яков Пегов совместно с кулинаром Люсьеном Оливье открыли на Трубной площади французский ресторан «Эрмитаж»

Удивительно, что может сделать в нашей жизни случай!

Однажды я прибежала сюда – программа уже шла – на сцене играл известный гитарист. У него был прекрасный зарубежный псевдоним – Джон Данкер. И играл он па самом в ту пору модном и изысканном инструменте – гавайской гитаре. Он густо бриолиииил волосы, деля их пополам строгим пробором и выглядел действительно иностранцем, хотя был Иваном Николаевичем Соколовым, и вообще «своим парнем». Конферансье обычно его объявляли:

– Выступает звезда гавайской гитары Джон Данкер! – А потом добавляли: – Ну, Ваня, давай, выдай что-нибудь публике!

Но в тот вечер чуть не разразилась катастрофа. Ваня играет на сцене, а администратор, такая дородная женщина в три обхвата, кинулась ко мне, едва я появилась за кулисами:

– Риночка, спасайте меня! Нашего пианиста нет – запил, наверное, скотина! Ваня кончает и у меня больше ни одного номера! Сделайте что-нибудь! Может, споете без рояля? Только не срывайте программу, умоляю!

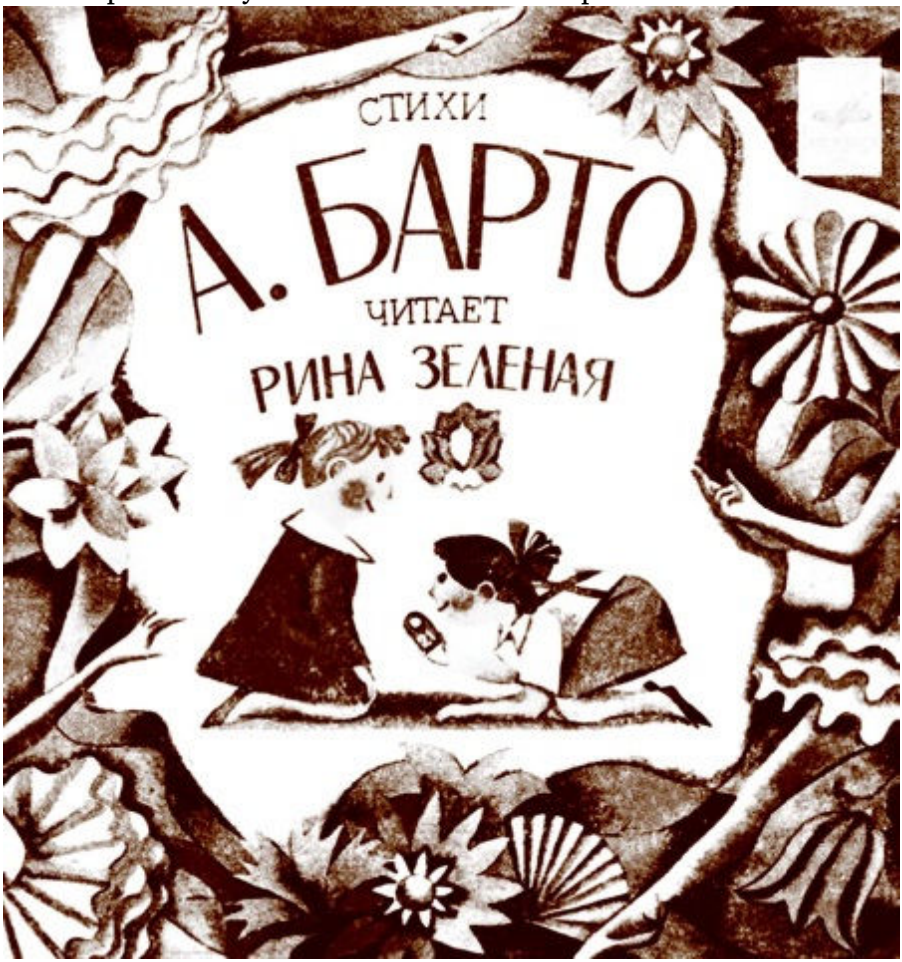
И я вышла на сцену, еще не зная – зачем. Публика мне вежливо похлопала. А я стою и вдруг решилась показать то, что показывала только друзьям, да иногда актерам за кулисами.

– Я очень люблю слушать, как дети читают стихи, – сказала я. – Особенно, когда они делают сами, а не но просьбе взрослых.

И начала читать Чуковского «Одеяло убежало» – «Мойдодыр»,

потом из «Крокодила» кусочек: «Но тут распахнулися двери, в дверях появилися звери».

«Звери» были уже на «бис». Так меня приняли!



Звуковые страницы детского журнала «Колобок»

Вы же не знаете: раньше на эстраде никто «по-детски» стихов не читал. Я сама сначала не поняла, что наткнулась на новый жанр. Значительно позже его научно назвали «Взрослым о детях», а я еще лет пять-шесть не могла отважиться повторить экспромт у Оливье. А потом, позже все пошло-поехало. У меня появились подражатели, а Кукрыниксы удостоили меня карикатуры, которую почему-то назвали «дружеским шаржем». Там у меня нос, как у Буратино, но Саша Раскин прекрасно написал:

Не правда ли, забавная картина.
Давно уже заметил удивленно я —
Все наши дети говорят, как Рина

Васильевна Зеленая!

А потом уже появились пластинки, где я читаю стихи «детским голосом».

– У меня была одна такая – «Мой рисунок» С. Михалкова, – сказал я.

– Их были десятки! – восторженно заметила Рина Васильевна и опять внезапно погрустнела: – А разве это нормально, как у людей?! Бездетная, я всю жизнь читаю за детей стихи и рассказы, и никого лучше детей в мире не знаю. Не повезло мне, хотя мать из меня могла получиться. Я разговариваю с детьми часами, как со взрослыми. И мне кажется, они меня признают. А потом и это кончается. Как и все в жизни…

Мы шли по Петровскому бульвару. Молчали. Рина Васильевна не могла долго держать паузу. На Страстном она заговорила:

– А разве не удивительно, что у меня полжизни – случай?! Случайно встретила мужа. Константин Тихонович, как вы знаете, архитектор. От эстрады он очень был далек. Вот почему, опять же случайно, ближайший круг моих друзей далек от эстрадного.

Случайно появился мой псевдоним. Нет, фамилия у меня настоящая, родная, а вот имя. Меня звать Екатерина, ужасно длинно показалось художнику, когда он писал для «Не-рыдая» афишу. Он и сделал из Екатерины – Рину Случайно! Всем эта Рина так пришлась по душе, что я и не думала от нее избавляться!

Однажды на одной из афиш ее длинное имя Екатерина Зеленая не уместилось и его сократили – написали Рина Зеленая. Это имя осталось с ней навсегда

Случайно попала в кино: Коля Экк, тогда начинающий режиссер, пришел в тот же «Не рыдай», услышал меня и, когда начал делать первый наш звуковой фильм «Путевку в жизнь», пригласил меня сниматься. Я же в «Путевке» только одно и делаю, что пою частушки, блатные, правда. В притоне Жигана. Жаль, на нашу пластинку нельзя взять – воровской жаргон, блатняга – не разрешат, и не думайте! А как я пела! Вокалистка! Большой театр!

Юбку новую порвали

И подбили правый глаз.
Не ругай меня, мамаша.
Это было в первый раз!

– пропела Рина Васильевна с удовольствием.

Наша работа над пластинкой «Творческий портрет» продолжалась. И я понял, почему она становится бесконечной. Мне довелось составлять не одну и не две программы долгоиграющих дисков, но никогда не приходилось ни над одним корпеть так долго, как с Риной Васильевной, ибо она не могла сделать окончательного выбора. То, с чем она сегодня соглашалась, завтра ей уже казалось пустой безделушкой, не стоящей внимания.

– Творческий портрет, а я верещу, как ненормальная, «Я карандаш с бумагой взял, нарисовал дорогу!» Что, ничего более интересного у меня не было? Надо же показать, что я актриса, которая стала известной, что-то умела. А то все будут поражены, как это она достигла известности, не «сунула» ли кому-то вовремя для этого?..

Иной раз мы ходили на студию, как на работу – ежедневно, в десять утра.

– Не рано ли для вас? – остерегался я.

– Ну что вы! – удивлялась она. – Только лентяи и лежебоки начинают день, когда все люди садятся за второй завтрак! И при этом еще ссылаются на чрезмерный расход творческой энергии! Раннее утро – самое плодотворное время для человека, и для артиста, если он относится к отряду приматов, тоже!

Рина Зеленая очень любила озвучивать детские мультфильмы

Отправляясь на студию грамзаписи, Рина Васильевна успевала до этого сделать еще массу дел: сходить в магазин, на рынок, встретиться с кем-то для нее очень важным. Помню, однажды она попросила зайти за ней в гостиницу «Москва».

– Назначаю вам свидание в вестибюле этого чудища архитектуры, – сказала она. – Я просто истосковалась по нереализованным обязанностям гида!

И с места в карьер, едва я появился, начала рассказ об

уникальной истории с проектом «Москвы», когда кто-то по ошибке подсунул Сталину на подпись два различным эскиза фасада, и он оба утвердил.

– Чтобы не вызвать гнев «лучшего друга советских архитекторов», – говорила Рина Васильевна, когда мы вышли на Манежную площадь, – руководство Моспроекта решило совместить оба эскиза и у гостиницы появились два совершенно различных крыла! И самое удивительное, этого никто не заметил и тогда, когда «Москву» торжественно открыли и украсили ею к радости алкоголиков новый сорт водки, ни тем более сегодня!.

Мы пошли на Студию по улице Горького, которой еще не успели вернуть прежнее название, мимо «Националя», мимо театра Ермоловой.

– Посмотрите налево, – продолжала Зеленая роль гида. – Когда разогнали мейерхольдовскую труппу, которая работала здесь, год здание пустовало, а потом в нем вдруг решили открыть новый театр эстрады и миниатюр, – сказала она. – Нет, нет, заходить туда не будем – незачем. В этом новом театре я тоже играла. Если бы я вела экскурсию «Ушедшая театральная Москва», то обязательно бы объясняла:

– Это бывший театр, который работал на месте бывшего, занявшего место другого бывшего…

В театре эстрады я играла скетч с Райкиным – его тогда еще никто не знал. Он приходил ко мне в буфет и просил пирожное.

– Выбирайте, – бросала я на тарелку одно.

Он брал его и стучал им о буфетную стойку – продукт был «второй свежести».

Рина Зеленая коллекционировала фарфоровые статуэтки. 1930-е гг.

– Из чего оно сделано?

– Из Наполеона, – не терялась я.

Между прочим, именно в этом бывшем Театре эстрады я впервые сыграла Лазуринду Лазуревскую. Вы ее видели, конечно, – я ее играю сто лет. Текст для этой дамы, что всегда в

курсе всех событий и обо всем умеет судить, сначала написал Владимир Поляков, а потом я его сама дописывала – не могла же Лазуринда отстать от современности!

Л как современность расправляется с нами-стариками, не мне вам говорить! Я же видела: миниатюра, что вызывала совсем недавно, лет десять-двадцать назад, гомерический хохот, сейчас не могла выжать из вас и улыбки! Юмор очень изменился. Сегодня искажениями иностранных слов никого не насмешишь. Пожалуй, абсурдность, парадоксальная недосказанность только и продолжают смешить. Поэтому от поляковского текста я и оставила две реплики. Конферансье спрашивает мою Лазуринду:

– Я не понимаю, кого вы ищете, кто вас сюда позвал? Он что, поэт, художник?

– Ну что вы! – отвечаю я. – Он абсолютно трезвый!

* * *

Через месяц Рина Васильевна позвонила мне:

– Мы совершенно правильно сделали, что включили в программу и монолог Лазуринды, и главу из «Вина из одуванчиков» Бредбери: только на контрастах сегодня и можно выехать. Но тут наклевывается еще кое-что интересное.

– Рина Васильевна, побойтесь Бога, – взмолился я.– Пластинка не резиновая!

– Вы что, разлюбили кино? – спросила она. – Я приглашаю вас на премьеру моей миссис Хадсон!

– Как? «Шерлок Холмс» уже готов? Так быстро?

– Не зря же я столько моталась в Ленинград! – в голосе Зеленой прозвучала гордость. – Так вы идете со мной или нет?..

Неподражаемая миссис Хадсон в исполнении Рины Зеленой

В тот вечер лета 1979 года зрители заполнили Дом кинематографистов до отказа. И премьера новой работы Игоря Масленникова прошла «на ура».

Рину Васильевну поздравляли, поздравляли… Улыбаясь, она кланялась, кланялась…

– У меня голова сейчас отвалится от поклонов, – говорила она мне шепотом. – Но на этой картине нам с вами не разжиться! Жаль, что она называется «Шерлок Холмс и доктор Ватсон». Вот если бы – «Шерлок Холмс и миссис Хадсон» – вот тогда мы разгулялись: нашелся бы хоть бы один эпизод для пластинки!

– Рина Васильевна, программа уже смонтирована! – сказал я строго.

– Ничего, мы бы ее не ремонтировали! Нет таких крепостей, которых мы бы не брали! – засмеялась она.

И потом уже серьезно:

– Видите, опять у меня роль микроскопическая. Большего я видно уже не дождусь.

Я не мог спорить. Она была права.

Рина Зелёная – актриса из редкой породы клоунесс, которые могут смеяться и грустить, веселиться и плакать одновременно, у которых за самыми смешными словами и эпизодами кроется где-то там, в глубине что-то очень серьезное, неизбывное и не всегда различаемое. Из той породы, из которой принадлежат Янина Жеймо, Джульетта Мазина… Может быть, главной своей роли в кино она не сыграла. Такой, какой я видел ее в жизни – мгновенно меняющуюся, умную, обаятельную – экран ее не показал.

Татьяна Пельтцер. Не только комическая старуха

Фильм «Свадьба с приданым» принес ей всесоюзную известность. Ее Лукерью Похлебкину узнала и полюбила вся страна. Полюбила и признала своей, родной и близкой. Не из театра, а из жизни.

Настолько из жизни, что в адрес студии приходили письма: «И зачем вы вытащили на экран эту поддающую по любому поводу бабку?! Неужели актрисы хорошей не нашлось, которая бы не прикладывалась к рюмке?».

Начинала Татьяна Пельтцер в девятнадцать лет. Ее приняли тогда в московский театр. Находился он в саду «Аквариум», но здание было другое и название в духе времени – театр МГСПС. Непонятно, но зато звучно и современно, по-советски. Это Вам не Художественный или Малый, которых критики двадцатых годов предлагали отправить на свалку истории. Это – МГСПС – театр Московского городского совета профессиональных союзов! И репертуар на его сцене – соответственный.

Таня Пельтцер играла все больше комсомольских активисток, выступала с речами на собраниях – по ходу пьесы – громила в красной косыночке лодырей, предлагала занести их на «черную доску»… и издевалась по требованию драматурга над теми, кто носил галстук-«селедку» и танцевал фокстрот под запрещенные заграничные пластинки.

– Таня, ты не заметила, – спросили ее подруги, – что этот парень уже в третий раз приходит на спектакль? И с тебя глаз не сводит. И в галстуке – человек видно приличный.

Таня заметила его. А на четвертый день он подал ей скромный букетик ландышей. Она растерялась, заулыбалась и благодарно кивнула своему первому поклоннику.

С того вечера на каждом спектакле молодой человек в галстуке подавал ей букетик ландышей. Они познакомились.

– Ваня, – представился он, – но вообще-то я – Иоганн. Тойбнер. Мой отец приехал в Россию десять лет назад. А учусь я в Комакадемии на экономиста.

– И говорите по-немецки? – обрадовалась Таня. – Мой отец – тоже немец и тоже Иоганн, Иоганн Робертович. Дома мы говорим по-немецки, только наша фамилия совсем обрусела и папа стал Иваном Романовичем. Мы здесь со времен Ивана Грозного – наши предки при нем шубы-пельтцы шили, оттого и прозваны Пельтцерами…

Потом они гуляли по Москве. Он проводил ее до дома в Чистом переулке, где отец еще в двадцатых годах купил себе квартиру «на ходу» – с мебелью, коврами и фарфором. Старожилы до сих пор показывают куст сирени, посаженный в свое время Татьяной Ивановной.

– Я живу здесь с папой, – сказала Таня.

– В коммуналке?

– Нет, это дом кооперативный. Папа купил здесь квартиру в три комнаты. Он – артист.

– Тоже артист? – удивился Ваня.

– Это я – тоже артистка, – поправила Таня. – А он получил звание заслуженного артиста республики одним из первых в стране – еще в 1925 году. У него знаете, какой стаж! Он до революции уже снимался в кино! С Верой Холодной! Говорят, очень любил ее и не без взаимности. Он свою актерскую школу держал, известную по всей Москве. Нет, я не хвастаю. Я с детства не пропускала в ней ни одного занятия. Смотрела, смотрела, как отец обучает юношей и девушек, и не заметила, как сама на актрису выучилась…

Татьяна Ивановна Пельтцер – советская российская актриса театра и кино. Народная артистка СССР, лауреат Сталинской премии третьей степени

Они стали часто встречаться. И вот однажды Таня затащила его на концерт в Консерваторию. В тот вечер играл Лев Оборин.

– Замечательный пианист, – сказала Таня. – Наверное, самый лучший. Ученик Игумнова, а в прошлом году получил первую премию на конкурсе имени Шопена в Варшаве!

Консерваторию Таня обожала. Ее отец, Иван Романович, с детства приобщал ее к музыке, учил играть на фортепиано, петь

романсы – они распевали их дуэтом, или втроем с матерью.

– Отец хотел, чтобы я пела и на эстраде, и в водевилях, и в опереттe тоже, – говорила Таня, когда в антракте они гуляли по фойе. – Жаль, что я свой голос прокурила папиросами, дымлю не хуже отца. У него попугай есть – большой такой, какаду – я покажу его тебе, он все понимает и каждый раз встречает отца одной фразой: «Ваня, где папиросы?»

Они остановились у картины, на которой собраны все великие русские композиторы вместе. И студент Ваня сделал Тане предложение.

– Ну вот, – засмеялась она, – у нас с тобой как в песне:

Ваня с Таней дружно жил,
Ваня Таню полюбил.
Ай, лю-ли, ай, лю-ли…

А через год муж пришел к ней с радостной новостью:

– Собирайся! Меня, как выпускника с красным дипломом, направляют в Берлин, в советское торговое представительство!

И закружил ее по комнате.

– Постой, погоди, чертушка, – отбивалась Таня. – А как же мой театр?

– Жена должна быть рядом с мужем. Это еще в Евангелии предписано!

– Да что я рядом с тобой делать буду? – не унималась Татьяна. – Я же ничего, кроме сцены, не знаю и не умею!

– Ничего, что-нибудь придумаю, – успокоил ее муж.

По характеру сыгранных ролей Пельтцер иногда называют «Заслуженной бабушкой Советского Союза»

И Таня решилась: «А была – не была! Однова живем!» Бросила театр и приехала с мужем в Берлин в Торгпредство Советского Союза.

Ваня придумывал недолго: Торгпредство нуждалось в машинистке и Таня села за «Ундервуд». Начала одним пальцем упорно выстукивать ответственные бумаги: «Просим Вас оказать содействие в приобретении для строящегося на Волге тракторного завода....»

Берлин ей очень понравился. Она тут же помчалась на симфонический концерт. Правда, без Вани.

– Ты извини, мне видно в детстве медведь на ухо наступил, –

признался он. – Я в твоих концертах ничего не понимаю.

Но супруги не скучали. На Фридрих-штрассе нашли чудный пивной подвальчик – пиво Ваня обожал, да и Таня с удовольствием осушала кружку-другую.

– Однажды, – рассказывала она потом, – в этом подвальчике произносил речь какой-то мужчинчик с крикливым голосом и усиками, как у Чарли Чаплина. У меня уши были полны его визгом. Отвратительно! – Это, как выяснилось, был Гитлер.

А в советской колонии – так называли всех граждан нашей страны, которые жили в Берлине, Татьяна познакомилась с симпатичным студентом. Его прислали из Москвы обучаться автомобилестроению.

– Ваня, – представился он при знакомстве, а Таня засмеялась.

– Что это вы? – смутился студент.

– Нет, нет, Вы тут ни при чем, – объяснила она. – Просто когда я ехала в Германию, меня предупреждали – на каждом шагу я буду здесь встречать Фрицев, а ни один Фриц мне еще не встретился! Зато Иванов!.. Мне кажется, что других имен на земле нет!

Вскоре они встретились в Берлинской опере.

– Вы любите музыку? – спросил он.

– Обожаю, – сказала Таня. – Особенно оперу. А Пуччини могу слушать на любом языке, хотя немецкий, по-моему, не очень приспособлен к пению…

Они бродили по фойе все антракты. И стали встречаться в Берлинской опере по два-три раза в неделю. Конец этих встреч оказался неожиданным.

– Собирайся, – сказал ей снова муж Ваня. – Мне не нужна жена-шлюха!

Таня ничего не ответила. Больше всего в жизни она не любила выяснять отношения.

Муж отвез ее в Остбанхоф.

Здесь они долго стояли у вагона. Но Таня так и не проронила ни слова.

– Так едешь? – спросил муж, когда раздался сигнал к отправлению.

– Да, – ответила она. – Счастливо оставаться.

В Москве после трехлетнего отсутствия ее снова приняли в родной театр – театр имени Моссовета. Но что-то с Таней произошло: она ходила по сцене как потерянная, механически произносила текст – у нее пропал, как говорят циркачи, кураж. Понимала, что нужно что-то изменить, но ничего с собой не могла поделать: все думала о Ване-инженере, который писал ей из Берлина, все еще надеялась на скорую встречу с ним, все

ждала его…

В театре терпели, терпели, да и вызвали ее к главному режиссеру.

– Татьяна Ивановна, – начал Юрий Александрович Завадский, – как ни прискорбно говорить вам об этом, но все ваши последние работы находятся ниже уровня нашего театра. Понимаете?

– Пытаюсь. Мне не ясно, вы предлагаете мне повысить мой уровень?

– Нет, не совсем так, – замялся главный режиссер.

– Вы в нашем театре уже в общей сложности, – он заглянул в бумаги, – уже десять лет! И вот, мне очень жаль, но худсовет решил просить вас оставить сцену из-за… из-за – тут написано – из-за профессиональной непригодности, простите за резкость, – извинился Юрий Александрович.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – грустно улыбнулась Пельтцер.

– Не расстраивайтесь, прошу вас, – успокоил ее Завадский. – Пойдите, скажем, на завод, поваритесь в рабочем коллективе, потом вернетесь к нам – сейчас все газеты шумят о модном течении «от станка – на сцену!». И мы тогда Вас примем как ударницу производства.

Долго грустить и раздумывать Тане не пришлось: из Берлина приехал Ваня. Его направили сначала на АМО – Московский автомобильный завод. Она устроилась туда машинисткой и снова села за «Ундервуд». А через год, когда мужа перевели в Ярославль делать автомобильные моторы, Таню приняли в старейший театр России – ярославский драматический театр имени Федора Волкова.

И зажили они счастливо. И Таня заиграла на сцене, как никогда хорошо. И зрители узнали и полюбили ее, и многие уже специально ходили на ее спектакли. И все бы так и было отлично, если бы не тридцать седьмой год.

Все случилось так, как уже не раз описано. Ночью явились люди в форме НКВД и забрали мужа.

– Он – враг народа. Учился в Германии – стал немецким шпионом, – сказали ей.

Она вернулась в Москву, где ее уже успели забыть. И вовремя: вскоре стали забирать и жен «врагов народа».

Ни одной минуты она не верила, что ее муж – изменник. Все надеялась: разберутся – его отпустят. И ждала, ждала, да так и не дождалась. Пока ждала, о ком-либо другом и думать не могла. А когда поняла, что Ваня уже не вернется, заниматься устройством личной жизни посчитала поздно.

– Невеста в пятьдесят! Сраму не оберешься, да еще при моих данных – смех да и только!

К своей внешности она всю жизнь относилась, мягко говоря, критически.

– Татьяна Ивановна, – звонили ей со студии, – приезжайте, на вас хочет посмотреть режиссер.

– А чего на меня смотреть? – отвечала она. – Все знают, как я неказиста. Пришлите лучше сценарий, я ему сцену сыграю – тогда и посмотрит!

* * *

Пельтцер снова работала в театре. О движении «от станка – на сцену!» уже все давно забыли, но ее приняли снова в театр имени Моссовета. А потом перешла в труппу Московского театра миниатюр. Его открыли в помещении, до той поры принадлежащем разогнанной труппе Вс. Мейерхольда.

В книге Елизаветы Уваровой об истории эстрадных коллективов Татьяне Ивановне посвящено несколько страниц.

«В сороковом году, – читаем в ней, – в Московском театре миниатюр появилась блестящая комедийная актриса Татьяна Пельтцер, Она играла бытовые, характерные роли в маленьких пьесках – управдома, молочницу, банщицу и даже выступала с конферансом».

Пельтцер – конферансье! Здорово, наверное, было!

И вот еще из этой книги: «Актриса смеялась над своими героями, но в чем-то и сочувствовала им. В них было нечто неотразимо привлекательное».

В Театре миниатюр Татьяне Ивановне пришлось пережить трудные дни. Может быть, самые трудные в ее жизни.

Началась война, и Пельтцер вызвала в отдел кадров приятельница.

– Танюша, ужас! Только что получила закрытое распоряжение – выявлять всех лиц немецкой национальности, по анкетам. Готовится их высылка.

– Куда?

– Не знаю. В Якутск, наверное, или Магадан – туда, где похолоднее.

– А как же театр? У меня только в новой программе пять ролей! И с отцом что станет? Ему семьдесят стукнуло! Его тоже – в ссылку? Он же только что Сталинскую премию получил за русского потомственного революционера Захаркина в картине «Последняя ночь»!

На глаза Пельтцер навернулись слезы.

– Танюша, – объяснила кадровица, – высылать собираются всех немцев страны, вне зависимости от заслуг.

– Ну, какая же я немка?! – возмутилась актриса. – У меня и мать еврейка – дочь главного раввина Киевской синагоги, и вообще мы в России с шестнадцатого века!

Спасать Пельтцеров – отца и дочь в Моссовет отправилась солидная делегация – Мария Миронова, Петр Алейников, Рина Зеленая, Борис Андреев. Перед такой защитой бюрократия устоять не смогла: Ивану Романовичу и его дочери выдали охранные грамоты.

Сыграв премьеру первой военной программы «Смелого пуля боится, смелого штык не берет!», Татьяна Пельтцер вместе с театром отправилась на гастроли. На маленьком пароходике с громким названием «Пропагандист» два месяца они обслуживали жителей волжских городов. А осенью сорок второго года выехали на Калининский фронт с программой «Вот и хорошо!».

В ноябре 1942 года Театр миниатюр, кажется, единственный оставшийся в то грозное время в столице, открыл новый сезон. Зрительный зал запомнился артистам зеленым цветом – почти все места занимали люди в гимнастерках.

По замыслу режиссера, Пельтцер, Миронова, Менакер и другие участники представления сначала располагались не на сцене, среди публики. И когда оркестр играл увертюру, они начинали петь:

– Здравствуйте, здравствуйте! Вас забыть нельзя,

Добрые знакомые, старые друзья!

– Ах, как я старалась, – вспоминала Татьяна Ивановна. – Для такого зрителя я, если бы потребовалось, согласилась бы петь арию Джульетты, хотя на сцене все Ромео почему-то доставались другим!..

Новый 1946 год она встречала в доме на Суворовском бульваре, в квартире Елены Сергеевны Булгаковой, вдовы писателя. Елена Сергеевна заранее объявила:

– Первый мирный новый год отметим карнавалом! Без маскарадных костюмов вход воспрещается!

Когда Татьяна Ивановна поднялась в квартиру на втором этаже, почти все гости уже собрались. Ах, как было весело, беззаботно! Казалось, завтра начнется новая жизнь, ничем не похожая на трудные военные годы. Никогда она так не смеялась на новогодней встрече. Никогда такого ощущения молодости, беспечности и озорства не испытывала.

Раневская сидела за столом в необычной шляпе, похожей на плетеное из соломки гнездо, в котором устроилась гигантская

птица с хищным клювом. Стоило только хозяйке шляпы захотеть что-нибудь отведать, как птица, опережая ее, тыкалась клювом в салат, сыр или заливное. По полу ползали два Славы – Рихтер и Ростропович – в костюмах крокодилов – отличные костюмы им сделали в театре кукол Образцова – с зеленой пупырчатой кожей и когтистыми лапами. Дамы визжали, поджимая ноги, когда Славы подползали к ним, а профессор Нина Дорлиак в костюме домино со смехом даже попыталась залезть на стол.

Пельтцер тоже не ударила лицом в грязь. С помощью знакомой, работавшей на хлебозаводе номер девятнадцать, явилась в фантастическом костюме «Урожай».

– Я только что с Сельскохозяйственной выставки, – объявила она. – Первое место на всесоюзном конкурсе «Изобилие» – мое!

Колосья, сплетенные в венок, украшали ее голову, все платье было увешано баранками разного калибра и цвета. Баранки-бусы на шее, баранки-браслеты на запястьях, баранки-кольца на щиколотках, баранки-серьги в ушах и даже одна баранка – в носу, непонятно, как держащаяся. И все это – учтите! – когда еще не отменили хлебные карточки. При виде Пельтцер, признавались многие, ее хотелось немедленно начать откусывать!

– Мне жарко, – сказала она в разгар ночи, – выйду на бульвар, подышу свежим воздухом и покурю всласть заодно!

Когда гости через пять минут вышли на улицу, Пельтцер не обнаружили.

На бульваре увидели милиционера.

– Да, – сказал он, – здесь на скамеечке сидела женщина, но вокруг нее почему-то собралось столько собак, что она закричала: «Караул!» и убежала.

* * *

В этом так весело встреченном году Театр миниатюр закрыли. Пельтцер снова осталась без работы. Кто-то посоветовал ей пойти в театр Сатиры.

– Заполните анкету, – предложили ей в отделе кадров.

В графе «производственный стаж» Татьяна Ивановна написала: «На сцене с 1914 года. Когда мне исполнилось десять, сыграла Сережу Каренина в частной антрепризе в Екатеринославле. Вот и считайте, сколько стажу».

На вопрос: «Какое высшее учебное заведение окончили?», ответила: «Никакое. Учил меня отец. Он еще до революции вел свою школу актерского мастерства и держал собственную антрепризу в Харькове, пока и то и другое не прикрыли».

В театр Сатиры ее приняли. Здесь она проработала тридцать лет.

Здесь она сыграла один из лучших своих спектаклей «Доходное место» Островского. Ставил его Марк Захаров.

Как режиссера, по-моему, его тогда вовсе не знали. Кто-то видел его в театре миниатюр – он играл там. Кто-то слышал но радио в «Добром утре» – он читал там свои рассказы. Рассказы замечательные, которые шли чаще всего от лица чуть придурковатого героя. Помните, как он пересказывал «Мужичка с ноготок»? Словно все описанное случилось с ним. «А на кой тебе? – спрашиваю. А он мне: « А тебе кой?».

Так вот, Татьяна Ивановна получив в «Доходном месте» роль Кукушкиной и, узнав, кто будет ставить спектакль, возмутилась:

– Что же это такое?! Как только человек ничего не умеет делать, так сразу и норовит заняться режиссурой!

Но репетировала с Марком Анатольевичем отлично и сыграла свою Кукушкину блестяще. Это вообще был чудо-спектакль. Он казался фильмом на сцене: короткие эпизоды, быстрая их смена и крупные планы. Говорят, говорят герои меж собой, вдруг один из них – на этот раз Татьяна Ивановна – встает из-за стола, подходит к рампе и повторяет последнюю фразу, обращая ее к залу:

– Мы, говорит, не хотим брать взяток! Хотим жить одним жалованием. Да после этого житья не будет!

Фурцеву тогдашнего министра культуры, такое «Доходное место» привело в ужас, и она немедленно запретила спектакль.

* * *

В 1943 году Татьяна Ивановна сыграла свою первую роль в кино – маленькую-маленькую, фактически эпизодическую, но со словами! Ее мещанку в фильме «Свадьба» и разглядеть-то трудно, но начало было положено. За свою жизнь Татьяна Ивановна снялась в восьмидесяти пяти фильмах – число рекордное! Роли, правда, зачастую небольшие, но зрители встречали их с восторгом.

Одна из любимых ролей – мать в «Иване Бровкине». Пельтцер готовилась к ней с особой старательностью, выверяя каждое слово, каждую реплику. Уговорила режиссера, чтобы ее героиню звали не Серафимой, а Евдокией.

– Серафима – из другой оперы, а тут именно Евдокия, у которой сердце исходит болью и тревогой за сына!

И сыграла эту роль, вложив в нее страсть неосуществленного материнства.

– Хоть на экране пережить то, чего в жизни не удалось, – говорила она.

Последние пятнадцать лет жизни Татьяна Ивановна работала у Марка Захарова в Лейкоме.

– А что? Записаться в семьдесят три года в комсомолки – самое время!

Здесь она сыграла свою последнюю роль – в восемьдесят восемь лет! Специально для Татьяны Ивановна драматург Григорий Горин ввел в пьесу «Поминальная молитва» персонаж – забавную и трогательную «тетушку», которая не может жить без родных и близких. Пельтцер появлялась в этом спектакле почти перед его финалом, на несколько минут. Она приходила на встречу с любимым зрителем, чтобы попрощаться с ним.

И однажды попрощалась навсегда.